

Валентин Агеев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

как социальный феномен

(история, проблемы, перспективы)

Валентин Агеев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
как социальный феномен
(история, проблемы, перспективы)

Учебное пособие

(рекомендовано Учёным советом Алматинского филиала
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
для студентов и аспирантов, обучающихся на специализациях,
специальностях, отделениях и факультетах социальной работы,
психологии, социологии и философии)

Алматы, 2004

УДК 378 (075.8) : 159.9
ББК 88 + 87
А 23

Рецензенты.

Шерьязданова Х.Т., профессор, доктор психологических наук
Намазбаева Ж.И., профессор, доктор психологических наук

Агеев В.В.

А 23 Деятельность как социальный феномен. - Алматы, 2004.
- 289 с.

ISBN 9965-9409-0-8

В ходе воссоздания истории конструирования категории «деятельность» в философии и психологии, проводится сравнительный анализ философского и психологического её содержания, и на этом основании делается предположение о возможности использования категории «предметная деятельность» в качестве фундаментального понятия для перспективных психологических концепций человека.

Может быть рекомендована студентам и аспирантам, обучающимся на специализациях, специальностях, отделениях и факультетах социальной работы, психологии, социологии и философии.

ББК 88 + 87

А $\frac{0303010000}{00(05) - 04}$

© Агеев В.В., 2004

ISBN 9965-9409-0-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	8
1.1. Общие предпосылки возникновения деятельностного подхода	8
1.2. М.Я.Басов – первый теоретик деятельностного подхода в психологии ..	15
1.3. Субъектно-деятельностная концепция (С.Л.Рубинштейн)	20
1.4. Культурно-историческая концепция деятельности (А.Н.Леонтьев)	29
1.5. Роль Л.С.Выготского в создании деятельностной психологии	42
1.6. Деятельностный подход в современной Европе	45
1.7. Деятельностный подход в культурной психологии Майкла Коула	47
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	51
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	52
2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ	53
2.1. Предыстория происхождения категории «предметная деятельность»	53
2.2. Деятельность как субстанция	58
2.3. Сознание как субъект деятельности	62
2.4. Предметная деятельность как основа диалектической логики	64
2.5. Деятельность как универсальная категория	65
2.6. Деятельность как ключевое понятие, выражающее сущность человека ..	67
2.7. Деятельность как основной способ бытия (сущность) человека	68
2.8. Предметная деятельность как человеческое отношение	71
2.9. Цель как конституирующая составляющая предметной деятельности ...	75
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	93
3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ	94
3.1. Деятельность как субъект-объектное отношение	94
3.2. Определенность-распределенность как механизм деятельности	98
3.3. Интериоризация и экстериоризация	102
3.4. Деятельность как единство S-O-го и S-S-го отношений	103
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	106
4. РЕФЛЕКСИВНАЯ ПРИРОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	107
4.1. Деятельность как онтологическая категория	107
4.2. Предметность деятельности	110
4.3. Предметная деятельность как самодетерминация	115
4.4. Сущность предметной деятельности	118
4.5. Деятельность как единство репродуктивности и продуктивности	123
4.6. Рефлексивная природа предметной деятельности	124
4.7. Самодостаточность деятельности	125
4.8. Деятельность как самодетерминированная действительность	126
4.9. Трансцендирующая сущность деятельности	127
4.10. Рефлексивность как сущность предметной деятельности	128
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	129
5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАЗВИТИЕ	130

5.1. Чувственно-предметная деятельность как основание деятельности	130
5.2. Деятельность как производство (порождение)	131
5.3. Деятельность как творчество	135
5.4. Проблема возникновения нового качества деятельности	138
5.5. Деятельность и развитие	138
5.6. Механизм порождения как деятельность	141
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	141
 6. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕНИЕ	 142
6.1. Социальная природа деятельности	142
6.2. Предметная деятельность и взаимодействие	143
6.3. Предметная деятельность и общественные отношения	143
6.4. Общение как производство	146
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	147
 7. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	 148
7.1. Деятельность как целостность	148
7.2. Целостность человеческого индивида	150
7.3. Человеческий индивид как созидатель действительности	150
7.4. Деятельность как реальность человеческого индивида	152
7.5. Человеческий индивид как субъект деятельности	154
7.6. Человек как субъект самосозидания	157
7.7. Человеческий индивид как универсальный субъект	158
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	161
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	163
 8. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ	 164
8.1. Соотношение «деятельности» и «активности» как проблема	165
8.2. Активность как внутренняя спонтанность	166
8.3. Установка как внутренняя детерминанта активности	166
8.4. Активность как внутреннее основание человеческого существования ..	166
8.5. Активность как деятельность	174
8.6. Деятельность и общение как вид активности	183
8.7. Активность как способ деятельности (действия)	192
8.8. Активность как способ отношения субъекта к объекту	192
8.9. Причинная детерминация и активность	194
8.10. Активность как внутренняя причинность деятельности	194
8.11. Активность как внутренний механизм деятельности	198
8.12. Активность как адаптивность	200
8.13. Активность как неадаптивность	203
8.14. Активность как фактор изменения деятельности	205
8.15. Активность как рефлексия оснований деятельности	208
8.16. Предметная деятельность как преодоление активности	209
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	212
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	213

9. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ	214
9.1. Деятельность как причина методологического кризиса	214
9.2. Деятельность как психологическая проблема	218
9.3. Деятельность как предмет психологии	222
9.4. Деятельность как исходное понятие психологии	224
9.5. Деятельность и социальная природа человека	226
9.6. Деятельность как генетическая основа психики	228
9.7. Единство сознания и деятельности	234
9.8. Предметность деятельности	235
9.9. Сознательность деятельности	241
9.10. Целесообразность деятельности	241
9.11. Деятельность как поведение (активность)	244
9.12. Психическая деятельность	246
9.13. Деятельность как основа онтогенетического развития человека	247
9.14. Структура деятельности	249
9.15. Единство структуры внешней и внутренней деятельности	251
9.16. Деятельность как уподобление	253
9.17. Интериоризация как механизм развития деятельности	254
9.18. Деятельность как культурная практика	254
9.19. Деятельность как познание	256
9.20. Деятельность как критерий сформированности психики	257
9.21. Деятельность и общение	257
9.22. Смысл и значение действия	259
9.23. Деятельность как воздействие	260
9.24. Деятельность как субъект-объектное отношение	262
9.25. Деятельность как способ порождения собственных условий	266
9.26. Субъектность действия	268
9.27. Деятельность как способ развития	269
9.28. Деятельность как творчество	271
9.29. Деятельность: способ функционирования и способ возникновения	272
9.30. Действие: культуропотребление и культуросозидание	274
9.31. Деятельность как способ воссоздания логики предмета	276
9.32. Деятельность как рефлексивная категория	277
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	280
КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	282

Глава 1.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Категория «предметная деятельность» является, с нашей точки зрения, главной при разработке психологической модели человека как субъекта собственных возможностей и, в частности, проблемы онтогенеза человека как субъекта трансцендирования. Учитывая давнюю историческую традицию деятельностного подхода как в философии, так и в психологии, а также неоднозначную трактовку понятия «деятельность» как в истории психологии, так и в современной психологии, мы считаем необходимым реконструировать историю деятельностного подхода в психологии и дать предварительную оценку его современного состояния.

1.1. Общие предпосылки возникновения деятельностного подхода

Общей предпосылкой деятельностного подхода в послереволюционной России стала общая переориентация всей психологической науки на марксизм. Смена ориентиров происходила иногда под давлением внешних обстоятельств, а результаты, зачастую, ничего общего с марксизмом не имели: «... После октябрьского переворота 1917 г. и окончания гражданской войны часть советских психологов, по-видимому, искренне или, напротив, под влиянием политической конъюнктуры пытались разрабатывать психологическую науку с позиций философии Маркса. Но эти первые попытки вначале были довольно наивными и малопродуктивными; к тому же общая философская и методологическая культура большинства психологов оставалась тогда невысокой.

Например, К.Н.Корнилов выдвинул в качестве марксистской психологии своё учение о реакциях («реактологию»), обобщающее его экспериментальные исследования, начатые ещё до революции. Оно представляло собой эклектический синтез интроспективной концепции сознания и бихевиористской трактов-

ки поведения человека как совокупности реакций, осуществлённый в основном в рамках механистической поведенческой теории. Подобным же образом многие другие психологи считали тогда, что именно реакции и составляют главный предмет психологического исследования. Такая «реакционная» психология, получившая в 20-е годы самое широкое распространение, строилась тем не менее на основе марксистской философии, точнее, на основе некоторых цитат из К.Маркса, Ф.Энгельса и Г.В.Плеханова. Но это был, так сказать, наивный марксизм, т.е. попытка чисто внешне применить материалистическую диалектику в психологической науке с тем, чтобы вывести последнюю из методологического кризиса ... » [15, с.217].

В результате «исторической необходимости» признания марксизма философской основой психологии, в Советском Союзе была создана «поведенческая» психология, основные положения которой в то время разделяли многие ведущие учёные: « ... в 20-е годы Выготский, как и большинство других советских психологов, вслед за В.М.Бехтеревым, К.Н.Корниловым и т.д. исходным и главным считал понятие реакции (а не действия или поступка), т.е. он во многом стоял ещё на бихевиористских или полубихевиористских позициях (впоследствии он в значительной мере отошёл от них) ... » [15, с.218].

Таким образом, как генеральное для того времени, в психологии сложилось так называемое поведенческое направление, которое было представлено двумя его конкретными вариантами: реактологией и рефлексологией: « ... доминирование материалистически ориентированных направлений в психологии, которые в 20-е гг. были представлены рефлексологией В.М.Бехтерева и реактологией К.Н.Корнилова ... » [15, с.67].

Как следует из истории, разработка деятельностного подхода в советской психологии была непосредственно связана с общими попытками создания марксистской психологии в послереволюционное время. Среди первых с призывом создавать психологию на базе марксизма были П.П.Блонский и К.Н.Корнилов: « ... Одними из первых отечественных учёных, выступивших с призывом построения новой психологии, базирующейся на основе марксизма, были П.П.Блонский и К.Н.Корнилов ... » [15, с.65].

Именно благодаря этим двум направлениям (рефлексологии и реактологии) в психологию было введено новое понятие «поведение»: « ... выступая против интроспекционизма и отстаивая объективный путь исследования психики, указанные направления [рефлексология и реактология. – В.А.] в то же время представляли упрощённую механистическую модель понимания и интерпретации природы и оснований функционирования психики, фактически сводя её исследование лишь к выявлению нервно-физиологических механизмов. Тем самым, в психологию вводилось новое понимание предмета психологии – поведение (или внешне выраженные реакции и рефлексы человека в ответ на внешние воздействия) ... » [15, с.67].

Собственно говоря, как таковой, деятельностный подход в советской психологии, с которым, как правило, связывается «марксистизация» психологии, в Советском Союзе изначально имел два варианта:

ПЕРВЫЙ. Культурно-исторический (объектно-деятельностный), основанный на полностью заимствованных положениях марксистской философии, которая, в свою очередь, продолжает культурно-историческую традицию немецкой философской и психологической мысли. В данном варианте психика рассматривается как деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ВТОРОЙ. Социально-динамический (субъектно-деятельностный), основанный на синтезе рефлексорной теории мозга И.М.Сеченова и марксистского понятия «практическая деятельность» и продолжающий рассматривать психику как рефлексорную деятельность мозга, а деятельность как социальное условие формирования и развития психики: « ... нельзя сказать, чтобы теория деятельности была сколько-нибудь монолитной. В самой России существует по крайней мере две школы, размышляющие о том, как наилучшим образом переложить идеи К.Маркса на язык психологии (Брушлинский,1968; Зинченко,1995) ... » [7, с.163].

В советской психологии, в силу специфики тогдашней коммунистической идеологии, марксистская философия сразу же стала непосредственной идеологической доктриной, что не могло не сказаться на её содержательно-научной ценности. В силу

этого факта, марксистская философия как научная идеология стала сразу же насаждаться (или некритически приниматься) и в психологии. Неразличимость марксизма-идеологии и марксизма-философии нанесли непоправимый вред в первую очередь самой марксистской философии, а во вторую – многим гуманитарным наукам.

В значительной степени такое положение дел сказалось и на психологии (а может быть, в особенности на психологии). Несмотря на то, что философской основой деятельностного подхода в советской психологии декларировался марксизм, различные интерпретации марксизма привели к тому, что советская деятельностная психология практически сразу же начала развиваться двумя параллельными направлениями: « ... для каждого, кто знаком с советской психологией, ясно, что все «деятельностные» идеи наших психологов самым непосредственным образом обосновываются соответствующими положениями Маркса ... » [20, с.71].

Первое из них, тесно связанное с работами И.М.Сеченова и В.М.Бехтерева, разрабатывало традиционные для российской материалистической физиологии онтологические представления о рефлекторном характере психики как деятельности головного мозга: « ... Один из основоположников психологической науки в России русский физиолог и психолог И.М.Сеченов (1829-1905) ... » [24, с.330]; « ... можно выделить два основных направления психологической мысли.

Первое направление поставило перед собой задачу объективного исследования поведения человека и способов управления им. Представители русского бихевиоризма связывали свои надежды с заимствованием методов исследования. По их мнению, психология как «материалистическая наука» должна была встать в один ряд с биологией, физиологией, физикой, математикой.

Наиболее яркими и последовательными представителями этого направления выступали рефлексологи, признанным лидером которых являлся В.М.Бехтерев. Уже в 20-е годы они развернули принципиальную критику тенденционной эмпирической психологии, ее метода самонаблюдения. В качестве альтернативы выдвигалась программа построения психологии, пре-

дусматривающая применение для исследования человека объективных принципов и методов, прежде всего принципа детерминизма в его естественно-научной интерпретации, предписывающей объяснять поведение человека его прошлыми состояниями ... » [22, с.129].

Т.е. это был путь от материи (материального субстрата) к пониманию психики как онтологической деятельности мозга. И здесь, под влиянием марксистских идей, сам термин «деятельность» стал пониматься двояко: с одной стороны, традиционно для физиологии как активность материального органа (мозга), и, с другой стороны, в соответствии с марксистскими установками, - как деятельность человека. Во втором смысле деятельность человека (изначально и прежде всего практическая) субъектно-деятельностной концепцией признаётся как категория онтологическая и, тем самым, действительно продолжает марксистскую традицию онтологизации человека. В связи с этим, существеннейшим положением субъектно-деятельностной концепции необходимо признать положение об онтологическом статусе человека как субъекта деятельности.

Второй путь, ведущий своё начало в психологии от Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии, разрабатывал гносеологическую (в рамках культурно-исторической парадигмы) концепцию психического, которая ведёт своё начало от немецкой классической философии: « ... Их [Л.С.Выготского, А.Р.Лурии и А.Н.Леонтьева. – В.А.] формулировка культурно-исторической теории и связанная с ней методология никоим образом не были независимым изобретением, выполненным в полной изоляции. ... Одновременно они сделали (по крайней мере в то время) то, чего не сделали другие: узаконили культурную психологию, которая могла вобрать в себя обе стороны психологии В.Вундта. Принятая ими методология позволяла теоретически осмыслить различные области социальной практики и снискать социальную поддержку ... » [7, с.50]; « ... германская мысль была одним из источников идей российской культурно-исторической школы ... » [7, с.251].

Это – путь от сознания (идеального; значения) к пониманию психики как познавательной деятельности человека. Сама деятельность понимается как культурно-исторический феномен, а

деятельность субъекта понимается как индивидуальная форма культурно-исторической деятельности.

При втором подходе в полной мере проявилась марксистская позиция в рассмотрении деятельности как культурно-исторического феномена и культуры как источника онтогенетического формирования и развития человеческого индивида. Необходимо отметить, что в объектно-деятельностном подходе проявилось сильное влияние гегелевской концепции сознания, которое выразилось в субстанциализации деятельности, гносеологическом акценте в понимании содержания самой деятельности (особенно явно это видно в психологических моделях онтогенеза) и человека как субъекта познавательной деятельности.

В этом смысле, культурно-историческая концепция деятельности – это гносеологическая концепция: здесь и деятельность, и субъект деятельности – категории гносеологические.

Уже в современной психологии деятельности эти два генеральных направления, сформировавшиеся в мощные научные школы, продолжают оставаться философско-методологической основой практически всех современных концепций психического развития. Различие заключается только в том, что некоторые авторы новых концепций явным образом обозначают собственное отношение к той или другой деятельностной школе, а другие либо никак не обозначают своего отношения, либо интуитивно основываются на смешении этих двух позиций.

Несмотря на различные источники происхождения и существенные методологические различия, можно сказать, что деятельностный подход формировался на единой марксистской основе и, тем самым, представлял как бы два варианта решения одной проблемы создания марксистской психологии.

Такая, в чём-то совместная, и безусловно интенсивная и самоотверженная работа ученых привела к тому, что: « ... В результате методологических, теоретических, экспериментальных и прикладных исследований уже в 30-50-ые годы были созданы первые основные и очень разные варианты теории деятельности. Это стало возможным, конечно, лишь в психологии, но не в советской философии. ... Советские философы приступили к систематической, весьма плодотворной и все более обобщенной

разработке проблемы деятельности на рубеже 60-70-ых годов ...» [15, с.245].

Таким образом, можно говорить, что к 50-м годам 20-го столетия в Советском Союзе сложилась психологическая теория деятельности. Одним из марксистских принципов, заложенных в основу психологической теории деятельности и объединяющий оба его варианта, является принцип единства сознания и деятельности: « ... в советской психологии систематически разработан методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности (деятельностный подход). Основной вклад в его успешную разработку внесли С.Л.Рубинштейн (начиная с 1922г.) и А.Н.Леонтьев (начиная со второй половины 30-х годов) ... » [2, с.129].

Главным в обоих вариантах деятельностной психологии является главенствующая роль деятельности в формировании и развитии человека и его психики: « ... Деятельностный подход, разработанный в психологии российскими учеными С.Л.Рубинштейном (1889-1960), А.Н.Леонтьевым (1903-1979) и др., опирается на идею о том, что люди и их психика развиваются прежде всего на основе изначально практической деятельности (игровой, учебной, трудовой и т.д.). Такая деятельность — один из важнейших уровней взаимодействия человека с реальной действительностью. Созданная Рубинштейном и его учениками (К.А.Абульхановой-Славской, А.В.Брушлинским и др.) психологическая теория называется субъектно-деятельностной, поскольку в ней раскрываются особенности субъекта и его психики ... » [24, с.331].

В создании психологической теории деятельности принимали участие самые разные ученые. Правда, значение вклада отдельных учёных представителями различных школ оценивается по-разному. Например, В.В.Давыдов считает, что к её созданию причастны в основном представители объектно-деятельностного (культурно-исторического) подхода: « ... общепсихологической теории деятельности, созданной в советской психологии Л.С.Выготским, А.Р.Лурия, А.Н.Леонтьевым, Д.Б.Элькониным, П.Я.Гальпериним, А.В.Запорожцем и их сотрудниками ...» [25, с.6].

С другой стороны, представители субъектно-деятельностного (социально-динамического) подхода называют других участников создания психологической теории деятельности: « ... теория деятельности, разработанная в разных направлениях С.Л.Рубинштейном (начиная с 1922г.), М.Я.Басовым (во второй половине 20-х годов), А.Н.Леонтьевым (с середины 30-х годов), затем Б.Г.Ананьевым, Б.М.Тепловым, А.А.Смирновым и др. ... » [15, с.244].

Нам представляется, что столь грандиозная работа заслуживает того, чтобы были отмечены как её создатели все ученые, так или иначе внесшие свой вклад в её становление.

1.2. М.Я.Басов – первый теоретик деятельностного подхода в психологии

Признанным первооткрывателем понятия «деятельность» в психологии является Михаил Яковлевич Басов. Именно он первым из психологов поставил вопрос о необходимости психологического изучения деятельности и человека как деятеля (как субъекта деятельности): « ... Психологическое исследование должно понять изучаемый организм – животного или человека – «как деятеля в окружающей среде, т.е. как он живёт, какую активность обнаруживает в борьбе за своё существование, как применяется эта активность при том или ином изменении условий среды и пр. ... Различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встаёт перед нами как предмет особого значения ... » [Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975. с. 236].

Эти положения из книги М.Я.Басова «Общие основы педологии» (1931) дали нашим историкам основание для утверждения о том, что именно к М.Я.Басову восходят идеи деятельности в психологии и представления о её структурности [Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А. Пионер деятельностного подхода (к столетию со дня рождения М.Я.Басова) // Психологический журнал, 1993, №1] ... » [5. с.328].

Именно М.Я.Басов в начале становления психологии как марксистской науки о человеке не только впервые поставил во главу угла психологической науки деятельностную проблемати-

ку, но и ввёл в психологических обиход сам термин «деятельность»: « ... Термина «деятельность» ещё нет, он ещё не выступал, не применялся, а понятие деятельности нашло своё дальнейшее развитие. Здесь я должен сделать остановку, паузу, потому что параллельно, точнее сказать, одновременно, шла работа ещё по одному направлению, по несколько другой линии. Эта линия началась как раз наоборот – прямо с термина «деятельность», не к «деятельности», а я бы сказал, от «деятельности». И вы, наверно, сразу узнали, кого я имею в виду. Я имею в виду, конечно, Михаила Яковлевича Басова. Он-то и ввёл термин «деятельность» чрезвычайно энергично в 1927-1928 гг. ... » [10, с.267].

При всех безусловных заслугах М.Я.Басова как первого деятельностного психолога, необходимо отметить, что в своей содержательной трактовке деятельности он занимал позицию, очень схожей с реактологической. Его собственная научно-психологическая позиция выражается в том, что человеческую проблематику он продолжает описывать в терминах «активность» и «поведение»: « ... «Активность, выявляющаяся во взаимоотношениях человека со средой, процесс его поведения ... составляет истинный объект психологического изучения» [Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.,1975.с.55] ... » [5, с.328].

Термин «деятельность», по М.Я.Басову, соотносим как с человеком, так и с животным и с любым другим организмом: « ... «Различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он [организм. – В.А.] устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встаёт перед нами как предмет особого значения, как особая область познания ... » [Басов М.Я. Общие основы педологии. М.-Л.,1928, с.252] ... » [10, с.267]. Или подобное же высказывание: « ... «процесс непрерывного развития, усложнения и дифференциации активных функций организма во взаимоотношениях со средой можно представить себе весь от начала до конца, от стадии простейших до стадии человека, оставаясь при этом всё время неизменно в плоскости одних и тех же представлений о природе данных явлений» » [Басов М.Я. Общие основы педологии. М.-Л.,1928,с.261] ... » [10, с.267].

Анализируя психологическое содержание поведенческого акта (деятельности; действия), он предпочитает рассматривать его с позиций известной бихевиористической схемы **S - R**: « ... Единицей структуры поведения является акт, который представляет собой синтез стимула и реакции, как своих «необходимых элементов и составных частей» [Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975.с.56] ... » [5, с.328].

Эту же мысль подчёркивает и А.Н.Леонтьев, анализируя психологическую позицию М.Я.Басова: « ... «Процесс деятельности. – читаем мы, - является равнодействующей, определяемой двумя факторами: социально-биологической средой и свойствами самого организма» [Басов М.Я. Общие основы педологии. М.-Л., 1928, с.253]. Здесь при раскрытии снова выступает та же двухчленная схема: стимул – реакция. Она сохраняется, с ней не происходит никаких метаморфоз. И Михаил Яковлевич пишет: «Наш взгляд на главные пути познания не зависит от того, с каким именно организмом мы имеем дело» [Басов М.Я. Общие основы педологии. М.-Л., 1928,с.253] ... » [10, с.267].

Из советской истории психологии известно, что психологическая теория деятельности создавалась как альтернатива, с одной стороны, интроспекционистской психологии сознания, а с другой – поведенческой психологии, фактически исключившей сознание из самого предмета психологии (своего рода российская «третья сила»).

В этой борьбе на два фронта, несмотря на собственные внутренние противоречия, деятельностная психология всегда особенно боролась против схемы **S - R**. И одним из главных оппонентов в этой борьбе были представители отечественной рефлексологии и реактологии: « ... Рефлексологи считали возможным выводить законы поведения человека в будущем на основе анализа индивидуальных реакций на предшествующие им внешние стимулы. При этом «будущее» понималось как естественное продолжение «прошлого», подлежащее прогнозированию. Из принятого рефлексологами принципа научного анализа следовала также возможность познания человека путем разложения его на «элементы» (будь то рефлексы или реакции), которые и определяют поведение ... » [22, с.129].

Поэтому: « ... Чтобы отграничить свой подход от рефлексологического, он [Басов М.Я. – В.А.] взамен термина «поведение» впервые в истории советской психологии вводит термин «деятельность». ... Деятельностью называли свой предмет и Павлов (высшая нервная деятельность), и Бехтерев (соотносительная деятельность). Басов ввёл понятие о деятельности без каких-либо дополнительных определений ... ». При формулировке понятия деятельности Басов ориентировался на положения Маркса: « ... Выделяя признаки деятельности, Басов ориентировался на марксистскую модель труда. Принципиальная новизна позиции Басова заключалась в том, что психические процессы человека вводились в социально-историческую систему координат ... » [27, с.495].

В отличие от рефлекса или реакции, деятельность (по М.Я.Басову) являлась опосредованной действительностью: « ... Социокультурная среда сама по себе не является психологическим образованием. Каким же образом она способна определять психику? Посредствующим звеном, по Басову, является деятельность. В ней заключено «снятое» с реальности предметно-логическое содержание.

Благодаря этому содержанию, которое Басов назвал «наукой», человек становится активным деятелем в окружающей среде. Последняя вызывает ответные действия не прямо, как это предполагалось рефлексологией, а «через посредство науки». Между стимулом и реакцией в индивидуальное поведение Басов ввёл особую детерминанту. Под ней понималась схема познания и действия, аналогичная той, которая имеется в каждой науке ... » [27, с.496].

В связи с этим, значительным явлением в психологической науке стало едва ли не впервые высказанное утверждение М.Я.Басова об активной позиции человека как субъекта и о его роли в формировании его собственной социальной среды: « ... Признание человека в качестве активного деятеля в окружающей его среде. Один из ближайших учеников А.Ф.Лазурского М.Я.Басов, развивая идею учителя о важной роли категории «отношение» в понимании и интерпретации поведения человека, пришел к выводу, что только изучение человека в процессе его деятельности в конкретной жизненной ситуации может объяс-

нить всю сложную палитру возникающих у него психических свойств и состояний. Поведение человека, по Басову, и есть его активность, выявляющаяся во взаимоотношениях целостного организма со средой. Предложенный им структурно-аналитический метод изучения деятельности человека имел задачей выявить различные структурные элементы деятельности и формы их взаимосвязи в процессе активного приспособления человека к среде. Важной является подчеркнутая Басовым мысль о роли в развитии человека формируемой им самой социальной среды ...» [15, с.98].

С именем М.Я.Басова в советской психологии связаны первые концептуальные определения деятельности и первые упоминания человека как субъекта деятельности: « ... Басов сформулировал важнейшие положения психологической теории деятельности, динамика которой определяется характером взаимодействия личности со средой, дифференцировал понятия деятельности и активности, подчеркнув, что именно последняя составляет «истинный объект психологического изучения». ... Он детально рассмотрел динамическую структуру деятельности, характер взаимосвязи ее отдельных единиц или актов. Особо важной в рассматриваемом контексте явилась идея Басова о личности как активном деятеле, который не только приспосабливается к действительности, но и приспособливает ее к себе. Фактически в концепции Басова намечено первое понимание личности как субъекта ... » [15, с.274].

К сожалению, трагический случай (внешне очень похожий на трагедию Л.С.Выготского) прервал творчество М.Я.Басова в самом его зените: « ... В 1931 г. в возрасте 39 лет неожиданно и трагически умер М.Я.Басов (от заражения крови) ... » [15, с.93]. Если бы не эта трагедия, то наверняка у деятельностного подхода обязательно было бы немало ярких страниц, связанных с именем М.Я.Басова.

Незавершённость исследования сказалась и на противоречивом понимании учеными психологического содержания деятельности в работах М.Я.Басова: « ... Выступления Корнилова, Блонского, Струминского и других, подчёркивавших важность преобразования психологии на началах марксизма, не указывали, каким образом протянуть нити между исследовательской

практикой психологии и её теоретическими контурами как дисциплины, изучающей особую реальность (не сводимую ни к сознанию, ни к поведению). Единственным психологом, увидевшим в деятельности признаки этой реальности, был Басов. Однако и он был убеждён, что механизмом деятельности является условный рефлекс. Этот рефлекс (в форме речевого) служил отправным пунктом и для Выготского ... » [27, с.509].

Наверняка, яркая научная позиция первого теоретика деятельностного подхода не могла не отразиться на мировоззрении других известных психологов. Есть все основания считать, что С.Л.Рубинштейн испытал его определённое влияние: « ... Можно предположить, что Басов определенное влияние на С.Л.Рубинштейна или – во всяком случае они обсуждали основные положения психологической теории деятельности ... » [15, с.274].

1.3. Субъектно-деятельностная концепция (С.Л.Рубинштейн)

С именем С.Л.Рубинштейна связана разработка в психологии марксистского положения об онтологическом статусе человека как субъекта деятельности. Это положение пронизывает всю его научную деятельность, начиная с марбурбургской философской диссертации, и заканчивая последней работой «Человек и мир».

Годы учёбы и подготовки диссертации в Германии дали возможность С.Л.Рубинштейну познакомиться с работами К.Маркса: « ... Ещё до революции он [Рубинштейн С.Л. – В.А.] хорошо знал «Капитал» и некоторые другие работы Маркса и его последователей (в частности, из своих бесед в Г.В.Плехановым, жившим тогда в Швейцарии) ... » [15, с.219]. А опубликованная позднее фундаментальная ранняя работа К.Маркса: « ... в 1927-1932 гг. впервые были опубликованы «Экономически-философские рукописи 1844 г.» ... » [15, с.219] окончательно определила позицию С.Л.Рубинштейна как марксистскую: « (Послесловие) ... когда Рубинштейн начинает разрабатывать оригинальную концепцию субъекта и его деятельности, он не ссылается на философию К.Маркса, так как не видит существенной идейной близости между своими и Мар-

ксовыми философскими взглядами (такую близость он почувствовал лишь после опубликования в 1927-1932 гг. ранних философских рукописей Маркса) ... » [19, с.646].

Явным образом это следует из применения С.Л.Рубинштейном марксистского понятия «деятельность» как теоретического средства осуществления субъектного подхода: « ... Для раскрытия типа причинности, ключевого для гуманитарных наук, он [Рубинштейн С.Л. – В.А.] выдвигает фундаментальную идею своей философско-психологической концепции – идею субъекта. Эта идея в начале 30-х гг. оформляется в виде методологического принципа психологии – единства сознания и деятельности. К этому принципу Рубинштейн приходит, применив к психологии Марксово понимание деятельности, труда и общественных отношений ... » [19, с.646].

Начало создания субъектно-деятельностного подхода С.Л.Рубинштейном историки психологии относят к 1917-1918 гг.: « ... В 1994 г. в «Историко-философском ежегоднике» впервые опубликована очень близкая по содержанию к этой статье 1922 г. рубинштейновская рукопись 1917-1918 гг. ... » [15, с.208]. По их данным, в то время уже имелись статьи, которые до самого последнего времени оставались неизвестными. Более известной является статья С.Л.Рубинштейна 1922 г., в которой он излагает (в конспективном виде) основные положения будущего субъектно-деятельностного подхода: « ... в статье «Принцип творческой самодеятельности» (1922) уже ставятся ключевые вопросы, составившие впоследствии основу его [Рубинштейна С.Л. – В.А.] теоретической концепции: проблема субъекта, деятельности, единства личности в ее взаимодействии с миром. Это позволяет сделать вывод, что уже в начале творческого пути Рубинштейна им были заложены исходные основы того общеметодологического подхода, который теперь называется субъектно-деятельностным ... » [15, с.100].

С определённой уверенностью можно утверждать, что субъектно-деятельная концепция возникла как результат многолетних поисков объективного метода в философии и психологии, предпринятого С.Л.Рубинштейном. Кроме того, данная концепция была ответом на одностороннее понимание деятельности, идущее от Канта: « ... широко распространенное, закрепленное

Кантом, но одностороннее понимание деятельности, согласно которому «субъект лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также сам создается» (Принцип творческой самодеятельности) ... » [15, с.221].

Субъектность, понимаемая С.Л.Рубинштейном как онтологическая сущность деятельного человеческого индивида, осуществляется, формируется и развивается в условиях деятельности: « ... По мнению Рубинштейна, деятельность характеризуется прежде всего следующими особенностями: 1). Это всегда деятельность субъекта (т.е. человека, а не животного и не машины), точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность; 2). Деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом, т.е. она необходимо является предметной, содержательной; 3). она всегда – творческая и 4). самостоятельная ... » [15, с.213].

Именно марксистская категория «предметная деятельность» стала той главной категорией, которая позволила С.Л.Рубинштейну онтологизировать субъекта, и тем самым, теоретически разрешить проблему объективного метода, которую он не смог решить идеалистическими средствами своих учителей Г.Когена и П.Наторпа. При этом под деятельностью сам С.Л.Рубинштейн понимает целесообразное практическое преобразование субъектом объекта, опосредованным результатом которого является преобразование самого субъекта: « ... Под деятельностью здесь [у С.Л.Рубинштейна в статье «Принцип творческой самодеятельности. – В.А.] понимается не *Activite*, не *Activity*, не *Aktivitat*, а *Tatigkeit*, т.е. целенаправленное, сознательное, изначально практическое преобразование природы и общества субъектом, а тем самым и себя (своей психики и т.д.). ... » [24, с.332].

В субъектно-деятельностной концепции деятельность всегда понималась как связь субъекта с внешним объектом: « ... Деятельность ... означает неразрывную связь человека с внешним миром ... » [24, с.339]. Часто деятельность трактовалась как воздействие на окружающую действительность с целью получения продукта: « ... изначально практическая деятельность, производящая материальные продукты, всегда есть целенаправленное воздействие, изменение, преобразование людьми окружаю-

щей действительности в ходе взаимодействия субъекта с материальным объектом ... » [15, с.229].

Таким образом, в субъектно-деятельностной концепции за деятельностью закрепились понимание субъект-объектного взаимодействия, причём, для объяснения самой деятельности была необходима активность: « ... деятельность, т.е. взаимодействие субъекта с объектом, людей с вещами, никак не исчерпывает всей активности человека, всего взаимодействия людей с объективной действительностью. А потому основоположник деятельностного подхода в психологии Рубинштейн помимо деятельности выделял и изучал ещё и другие виды и уровни активности людей: поведение (не в бихевиористском смысле), созерцание (например, эстетическое) и т.д. ... » [24, с.340]; « ... Действие - это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. ... Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. ... Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание ... » [16, с.11]; « ... действие - это акт поведения, направленный на предмет ... » [16, с.454]; « ... Действие как таковой сознательный целеполагающий акт выражает основное специфическое отношение человека к миру: в нем человек - часть мира выступает как сила, сознательно изменяющая и преобразующая мир. Такое отношение характерно только для человека, и для человека оно самое характерное ... » [17, с.195].

Несмотря на то, что субъектно-деятельностная концепция – это прежде всего концепция деятельностного опосредования, её собственным содержанием является не деятельность, а активность. Такую точку зрения разделял сам С.Л.Рубинштейн, такую точку зрения разделяют и его современные последователи: « ... конечно, концепция Рубинштейна и его школы не сводится к теории деятельности; он всегда был против «деятельностного редукционизма», т.е. против сведения всей активности человека лишь к деятельности. Б.Ф.Ломов тоже категорически возражал против такой редукции ... » [15, с.247].

Более того, в концепции С.Л.Рубинштейна считается, что поскольку внутренним содержанием человеческого индивида является активность, то нельзя всю активность свести к деятельности. Активность гораздо богаче по своему содержанию,

нежели деятельность: « ... в принципе невозможен «деятельностный редукционизм», сводящий всю активность людей лишь к деятельности ... » [24, с.340].

Таким образом, главной категорией субъектно-деятельностной концепции является человек как субъект активности, деятельность как форма активности понимается как онтологическое субъект-объектное отношение, которое, тем самым, не может выразить всю полноту социального бытия человека: « ... в подавляющем большинстве психологических трактовок деятельности основу её определений и категориально-понятийного аппарата составляют отношения «субъект-объект», схватывающие лишь одну сторону социального бытия человека ... » [24, с.499].

В связи с этим необходимо вводить как системообразующее другое понятие – общение – как субъект-субъектное отношение. Тем самым в субъектно-деятельностной концепции закрепляется понимание деятельности как субъект-объектного отношения и альтернативного ему понятия «общение» как субъект-субъектного отношения: « ... Вводя общение в число основных категорий и социальной и общей психологии, Ломов сформулировал философско-методологическое основание, которое позволяет его специфику. Если деятельность осуществляется в системе «субъект-объект», то общение проявляется в системе «субъект-субъект». Это определение ограничило роль категории деятельности, которая начала превращаться в основной объяснительный принцип психологии, с одной стороны. С другой – показано, что «мир» человека, о котором писал Рубинштейн ещё в 50-е годы, не состоит исключительно из предметов, а включает в себя людей и человеческие отношения между ними ... » [15, с.417].

Благодаря субъектно-деятельностной концепции, центральное место в современной психологии всё более уверенно занимает человек-субъект: « ... предметом психологии становится субъект в непрерывном процессе функционирования и развития его психики ... » [15, с.567]. Мы разделяем точку зрения, что именно субъект как предмет психологической науки призван объединить в единую психологическую науку различные школы и концепции: « ... В настоящее время перспективной теоретиче-

ской основой, способной постепенно сблизить ряд направлений и течений психологической науки в ходе выявления и развития потенциально общего для них концептуального ядра могут стать, с точки зрения ряда авторов, прежде всего те теории, которые всё более последовательно и системно реализуют в психологии методологический принцип субъекта, его деятельности и общения ... » [15, с.559].

Правда, для того, чтобы субъект стал таким системообразующим понятием для психологии, необходимо решить некоторые методологические проблемы, связанные с конструированием конкретного метода его моделирования и исследования. Поэтому, с нашей точки зрения, конструктивность понятия субъект связано не только с его атрибутивностью, но и (или в первую очередь) с его самодетерминированностью: « ... в современной психологии понятие субъекта конструктивно в двух основных значениях – для обозначения оптимальных условий, стадий совершенствования в развитии личности, во-первых, и, во-вторых, для обозначения её специфического качества, в котором она выступает в каждой специальной систем связей и отношений (качества субъекта деятельности, качества субъекта общения и т.д.), для чего становится необходимо специальное раскрытие этого качества. Однако, эта категория, которая особенно ярко выступила на современном этапе, является не эпитетом, а проблемой, требующей исследования и доказательства ... » [15, с.367].

Но категоричное утверждение о том, что субъект определяется только через отношение с внешним миром, а не с самим собой (например, через онтологическую рефлексию), нам представляется по крайней мере спорным: « ... Но Рубинштейном субъект определяется только через взаимодействие с миром, а не с самим собой [Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1983. с.188] ... » [15, с.286].

И здесь особое значение приобретает сформулированный С.Л.Рубинштейном уже на закате своей многотрудной научной жизни, как итог титанической научной работы принцип детерминизма: « ... принцип детерминизма «внешнее опосредствуется через внутреннее» Рубинштейн выдвинул и начал развивать лишь в 1948-49 г.г. ... » [15, с.198].

С нашей точки зрения, именно в этом принципе сосредоточена вся философия, методология и психология субъектно-деятельностного подхода. Но в то же время заметим: принцип каузальной детерминации как базовый психический механизм каузальной детерминации сегодня должны стать предметом критического рассмотрения. Поскольку с точки зрения развиваемой нами концепции онтологически-рефлексивной субъектности, указанный принцип является внутренне ограниченным и не позволяет рассматривать человека как универсальное предметное существо.

Огромный эвристический потенциал философской концепции С.Л.Рубинштейна о человеке как онтологическом субъекте, наиболее ярко и законченно выраженный самим С.Л.Рубинштейном только в посмертной работе «Человек и мир», к сожалению не нашёл адекватного воплощения в его же психологической концепции. Существенное несоответствие философского и психологического содержаний этих рубинштейновских концепций даёт серьёзные основания для критического анализа перспективности его психологической концепции в решении стратегической задачи человека как универсального субъекта. Отрывок из такого анализа, сделанного Г.С.Батищевым, в силу его чрезвычайной важности, мы считаем целесообразным привести практически полностью. « ... следующие три пункта [наследия С.Л.Рубинштейна. – В.А.] требуют критики.

Во-первых, С.Л.Рубинштейн, хотя далеко не всегда, но в некоторых своих общих формулировках все еще удерживается в рамках старой субъект-объектной схемы (**S – O**). Уже добыв новое, гораздо более богатое содержание, он, тем не менее, ещё не привел такие формулировки в соответствие с содержанием, которое он фактически в них вкладывает.

Во-вторых, С.Л.Рубинштейну ясна обоюдная тщетность всех и реактивистских («всё извне») и анти-реактивистских («всё изнутри») попыток объяснить мир субъекта. Он решительно настроен выйти прочь за пределы ложной альтернативности: «либо всё изнутри, либо всё извне». И по всей направленности, и по духу своих исследований он уже покидает обе эти позиции. Однако иногда при обобщенном формулировании им своей кон-

цепции, она выступает как независимая, принципиально «третья» по отношению к этим позициям, а как сохраняющая в себе их «обломки», их понятийный язык – язык объектно-вещного уровня. ... К сожалению, С.Л.Рубинштейн прибегает к истолкованию своей концепции не как призванной начинаться по ту сторону двух ложных альтернатив, а посредством сочетания «обломков» – посредством своего рода кентавризации «внешнего» с «внутренним». Так вот и сложилась у него знаменитая формула: «Внешние причины действуют через внутренние условия» (Проблемы общей психологии. с.227,359). Эта формула вполне отвечает тому методологическому и мировоззренческому горизонту, который очерчивается субъект-объектной схемой, но делается чем-то таким, против чего восстает все конкретное содержание и весь дух его исследований, когда она применяется к проблемам, по сути дела прорывающим этот горизонт. Она выглядит как искусственное, насильственно притянутое иносказание при наклаывании её на такие чрезвычайно глубокие идеи, каковы суть идея «разрыва» субъектом уз «полной поглощенности непосредственным процессом жизни» и идея поистине онтологической ответственности «не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет, станет», за непрерывно расширяющееся «поле» своей сопричастности бытию других субъектов. Эта формула употребляется им ради защиты нравственно-духовного, не только внешне, но и внутренне свободного (равно и от принуждения стимулами и от принуждения потребностями) субъектного самоопределения», ради «выгораживания» для него необходимого внутреннего «пространства». Цель эта, бесспорно, благородна. Но то, что! Употреблено в качестве средства, само по себе чревато совсем иными тенденциями – объективистско-редукционистским низведением «внутреннего» на уровень «внешнего» – на уровень объектно-вещного бытия. Оно чревато выравниванием высшего сообразно низшему и функционалистическим подчинением ему. Оно чревато нигилизмом к «высшим материям» духовной культуры.

Наконец, в-третьих, С.Л.Рубинштейну принадлежит неудачная попытка исправить недостатки категории деятельности, какою она фигурировала в литературе 30-х годов, - исправить с помощью понятия «активность». Само по себе стремление вне-

сти серьезные изменения в то истолкование, которое тогда было широко распространено, более чем оправдано и должно вызвать всяческое сочувствие и поддержку. Ибо эта на самом деле чрезвычайно богатая содержанием категория была тогда упрощена и уплощена некоторыми авторами ... до действия, которое имеет только один господствующий и определяющий вектор – центробежный от индивида вовне. Это была фактически подмена многомерной и многоуровневой деятельности её вырожденной и частичной формой осуществления, а именно – вещной активностью. ... Из содержания труда как процесса совершенно выпало то, что, изменяя вещь, взятую из природы, человек в этом же самом процессе изменяет также и свою собственную природу (МЭ. т.23.с.18). Так вот и случилось, что под деятельностью, или «практикой», стали понимать прежде всего и главным образом операторное воздействие человека, направленное от себя во вне. За сущность деятельность стал выдаваться этот центробежный вектор. Остальное же содержание в лучшем случае принималось за второстепенное и функционально производное.

Видя этот тяжкий недостаток в вульгарном истолковании деятельности, С.Л.Рубинштейн предпочел, однако, не такое критическое переосмысление его, которое вернуло бы категории деятельности её утраченный истинный богатый смысл, а пошел по пути компромисса. Он решил сохранить за деятельностью низший уровень содержания – тот центробежный вектор, который на самом деле лучше было бы назвать объектно-вещной активностью, а все более высокие уровни – уровни психического развития, субъектных способностей, процесса мышления и т.п. – вывел из-под «юрисдикции» этой грубой категории. «О деятельности, о действии в специфическом смысле слова мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего». Так у деятельности недвусмысленно отнимается все её внутреннее применение: «Обращение деятельность изнутри вовне, изменение её направленности с самого себя ... на внешний мир снимает сам страдательный характер деятельности человека» (Рубинштейн). Но поскольку все более высокие уровни, оставшиеся вне сферы деятельности, нуждаются в каком-то «заменителе-двойнике», который пришел бы занять освободив-

шее место, то С.Л.Рубинштейн решает дополнить ущербную категорию иным понятием, достойным применения его к более высоким уровням. В качестве такого заместителя он избирает активность. Отсюда и получается, что для него, например, «мышление как процесс – это ... активность, а не деятельность» (Проблемы общей психологии. с.93). Так были открыты ворота для вторжения в психологию понятия «активность», да и не только в психологию. ... Но это принесло далеко не те плоды, которые ожидались. Прошло немного времени, и возник бурный поток совершенно неумеренного употребления и злоупотребления сугубо центробежной «активностью». Последняя вышла из прежней второстепенной и подчиненной роли и стала притязать на положение новейшей «суперкатегории», низведя деятельность до своей ограниченной помощницы или частной своей выразительности.

Все это лишний раз свидетельствует о том, как важно, чтобы категориальный аппарат, призванный служить исследованию, размышлению и философскому поиску, был строго независим от обыденно-житейских ассоциаций, влиятельных поветрий моды и тому подобных факторов и чтобы он служил уточнению, а не огрублению нашей проблематизирующей способности ... » [1, с.132].

1.4. Культурно-историческая концепция деятельности (А.Н.Леонтьев)

Культурно-историческая концепция деятельности сформировалась на основании общепсихологической (и общепсихологической) культурно-исторической концепции, которая разрабатывалась, в том числе, и А.Н.Леонтьевым: « ... Представление о культурно-исторической психологии объединяет ученых многих национальных традиций, но обычно связывается с российскими учёными Алексеем Леонтьевым, Александром Лурией и Львом Выготским. Именно на основе их идей я пришёл к формулированию культурной психологии. Получившийся в результате подход, для которого я принял название культурно-исторической теории деятельности, даёт один из продуктивных путей преодоления дихотомии вундтовских двух психологий и

одновременного включения культурных процессов в развитие психики ... » [7, с.127].

Некоторыми отечественными историками А.Н.Леонтьев прямо называется соавтором культурно-исторической концепции: « ... Он [А.Н.Леонтьев. – В.А.] являлся одним из соавторов культурно-исторической концепции ... » [27, с.521], так как при разработке своей концепции деятельности А.Н.Леонтьев прямо исходил из культурно-исторической концепции как из ближайшей своей основы: « ... В разработке проблемы деятельности Леонтьев исходил из культурно-исторической концепции психики Л.С.Выготского ... » [5, с.352].

Собственно культурно-историческая концепция деятельности как таковая начинается с середины 30-х годов 20-го века. До этого времени сам А.Н.Леонтьев, как и Л.С.Выготский, говорит ещё не о деятельности (предметной деятельности), а о поведении. Толчком к его переориентации послужили как его собственные работы, так и публикации С.Л.Рубинштейна: « ... Как и Выготский, Леонтьев говорит ещё о поведении, а не о предметной деятельности, понятие о которой становится для него начиная с середины 30-х годов ключевым, образуя водораздел между культурно-исторической концепцией и новой объяснительной схемой. Каким же образом возник этот водораздел?

Представляется, что под влиянием двух обстоятельств: публикации Рубинштейна о проблемах психологии в трудах К.Маркса и обращения Леонтьева к общепсихологическим проблемам развития психики, побудившего его использовать идеи Павлова. В публикации Рубинштейна на передний план была выдвинута Марксова трактовка сущностных сил человека, «перехода субъекта в объект» в ходе общественно-исторической практики. Статья Рубинштейна была опубликована в 1934 г., а в 1935 г. Леонтьев выдвинул в качестве принципиальной задачи преодоление «разрыва между сознанием и деятельностью», подчеркнув, что в деятельности человека реализуется переход субъекта в объект ... » [27, с.522].

Именно в это время, на рубеже 30-х и 40-х годов XX века, намечилось теоретическое расхождение А.Н.Леонтьева и Л.С.Выготского, позднее переросшее в методологическое противостояние: « ... Леонтьев пересмотрел свои прежние воззре-

ния на роль знаков и общения в умственном развитии ребёнка. «Историзм и общественная природа психики ребёнка заключается, следовательно, не в том, что он общается, но в том, что его деятельность (его отношение к природе) предметно и общественно опосредствуется» (А.Н.Леонтьев) ... » [27, с.522].

Расхождение произошло в основном, в онтогенетических механизмах происхождения человеческого в человеке: « ... Теперь уже не «вращивание стимулов-средств», а практические действия ребёнка с реальными предметами, диктующие общественно закреплённые способы оперирования ими, выступили как основание детерминистского анализа развития психики в онтогенезе. К термину «деятельность» присоединяется определение «предметная». И это сразу же отграничило его от множества других значений («соотносительная», «высшая нервная», «психическая» и др.). При этом предметность трактовалась Леонтьевым как фактор, который конституирует психику в глобальных биологических масштабах ... » [27, с.522].

В это же время А.Н.Леонтьевым было сформулировано его собственное понимание предметности деятельности. Именно такое понимание предметности, по нашему мнению, с одной стороны, противопоставило его Л.С.Выготскому, а с другой стороны, привело его собственные исследования и исследования его школы к современному методологическому кризису психологии деятельности. В начале 30-х годов XX века начинается самостоятельная деятельность А.Н.Леонтьева по созданию психологической концепции предметной деятельности: « ... Истоки его [А.Н.Леонтьева. – В.А.] исследований восходят к началу 30-х гг., когда Леонтьев возглавил группу психологов в Харькове. В её состав входили А.В.Запорожец, Л.И.Божович, П.Я.Гальперин, П.И.Зинченко, Г.Д.Луков, В.И.Аснин. Для них центральной стала проблема практической деятельности и сознания ... » [5, с.352].

Программа работы группы А.Н.Леонтьева строилась на противопоставлении методологических взглядов А.Н.Леонтьева и Л.С.Выготского на роль предметной деятельности в онтогенетическом происхождении человека: « ... Программа исследований Харьковской группы строилась как критика понимания Выготским значения, но не его внутренней структуры (обобщения);

как раз представление о том, что значение является обобщённым отражением действительности, осталось неизменным. А.Н.Леонтьев полагал, что Выготский не заметил (или не отметил) существования некоего особого «слоя» жизненной реальности, который лежит за значением. Этим «слоем», по Леонтьеву, и является внешняя предметная деятельность ... » [26, с.28].

С Л.С.Выготским сторонники деятельностного подхода расходились в главном – в понимании онтогенетических механизмов происхождения человека и его сознания. В отличие от Л.С.Выготского, который отводил эту роль гносеологизированному «вращиванию», леонтьевцы роль такого механизма отводили внешнему предметному действию: « ... приверженцы деятельностного подхода полагали, что именно «внешнее предметное действие» – реальное столкновение с реальным миром и его реальная, практическая «обработка» – лежит в основе сознания, слова, значения, мышления и иных «внутренних» явлений и сущностей. Наиболее наглядно и последовательно этот ход мысли был воплощён П.Я.Гальпериным в его теории интериоризации (поэтапного формирования умственных действий) ... » [26, с.29].

Именно в это время (середина тридцатых годов XX века) А.Н.Леонтьев совершил революционный для себя пересмотр основания культурно-исторической традиции: не психика, опосредованная деятельностью, а психика как деятельность. Эту поистине стратегическую переориентацию, похоже, до сих пор ещё не все оценили по достоинству: « ... Но уже тогда (1934 г.) Леонтьев сделал первую переинтерпретацию концепции Выготского: вместо психики, опосредованной знаковой и орудийной деятельностью, появляется отождествление психики и деятельности. Но такое отождествление вело к демонтажу основных положений культурно-исторической концепции: деятельность сводилась к индивидуальной, опосредование – к употреблению орудий вещественного преобразования, структура психики – к структуре индивидуальных действий ... » [22, с.141].

Именно тождество внутренних и внешних структур деятельности явилось тем положением, которое позволило соединить культуру и индивидуальную деятельность. Но и это достижение до сих пор вызывает сомнение: « ... Вместо представлений о

противоречивом процессе интериоризации первоначально внешних для человека психических функций, в ходе которого при смене орудийного опосредования на знаковое психические функции кардинальным образом преобразуются, Леонтьев выдвинул положение о тождественности структур внешних и внутренних действий. Вместо совместной деятельности ребенка и взрослого первичной формой усвоения становятся индивидуальные действия с предметами ... » [22, с.141].

В предвоенное и военное время непосредственно теоретико-деятельностная проблематика у Леонтьева отошла на второй план, но за это время была в целом завершена работа по исторической логике развития психического отражения: « ... В конце 30-х гг. А.Н.Леонтьев обращается к проблемам развития психики: исследует генезис чувствительности, развитие психики животных. Итогом этих работ явилась докторская диссертация «Развитие психики» (1946) ... » [5, с.352].

Непосредственно в военное время исследовательская работа над деятельностной проблематикой была сосредоточена на её практическом приложении, что совершенно понятно: « ... Во время Великой отечественной войны А.Н.Леонтьев, будучи научным руководителем эвакуационного госпиталя на Урале, возглавил работу по восстановлению утраченной гностической чувствительности и движений после ранений путём специальной организации осмысленной предметной деятельности раненых ... » [5, с.353].

Но уже с середины 40-х гг. А.Н.Леонтьев издаёт ряд статей, в которых продолжают теоретические исследования деятельности и её структуры: « ... В 40-е и последующие годы Леонтьев опубликовал ряд своих статей [первая из этих статей опубликована в 1944 г.] и книг, в которых обобщенно представлена его точка зрения на соотношение деятельности – действия – операции в связи с мотивом – целью – условиями ... » [15, с.241]; « ... В статьях 1944-1947 гг., посвящённых развитию психики в онтогенезе, проблема деятельности получает специальную разработку ... » [5, с.353].

Примерно в эти же годы С.Л.Рубинштейн, интенсивно занимаясь деятельностной проблематикой, приходит к похожим выводам: « ... в 1935-1940 г.г. Рубинштейн уже выделяет внутри

деятельности разноплановые компоненты: движение - действие - операция - поступок. В центре этих разноуровневых компонентов находится действие. Именно оно и является, по мнению Рубинштейна, исходной «клеточкой», единицей психологии ... » [18, с.270].

Особую важность имеет тот смысл, который вкладывал сам А.Н.Леонтьев в понимание психологического содержания деятельности и предметности, а именно, его положение о том, что деятельность – это не само отношение человека к объекту, а способ, каким это его отношение практически осуществляется человеком: « ... первое, что должно быть выделено среди многообразных форм человеческой активности, - это различные типы сложных деятельностей, осуществляющие соответственно различные формы отношения человека к действительности (практическая деятельность, познавательная деятельность, эстетическая деятельность и т.п.) ... » [9, с.48].

Вторым существенным положением является утверждение А.Н.Леонтьева о том, что категория предметной деятельности является общим методологическим средством для выражения сущности жизнедеятельности и животных, и человека: « ... Другое значение деятельности, которое должно быть выделено, это значение деятельности как означающей такие процессы, присущие животному существу и индивиду, которые осуществляют то или другое определённое отношение этого индивида к среде, к условиям его существования, которые осуществляют, иначе говоря, некоторую определённую связь индивида и условий его существования. Вот в этом своём значении понятие деятельности может служить для анализа и выделения различных конкретных по своей направленности, по своему содержанию жизненных процессов.

В этом общем значении обычно и употребляют в психологии этот термин «деятельность» ... » [13, с.230]; « ... Деятельность рассматривалась им [А.Н.Леонтьевым. – В.А.] как одинаково присущая и человеку, и животным; правда, в последнем случае она трактовалась как жизнедеятельность ... » [23, с.129].

Признавая неоднозначное толкование термина «деятельность», сам А.Н.Леонтьев обозначил своё понимание его содержания, которое вместе с его же пониманием предметности убе-

дительно свидетельствует о расширенном толковании самим А.Н.Леонтьевым психологического понятия «деятельность». Это толкование, в принципе, сводит понимание предметной деятельности к предметной активности организмов, осуществляющих свои отношения с внешней предметной средой: « ... Сам термин «деятельность» употребляется в очень многих и при этом различных значениях. ... Собственно нам нужно выделить только некоторые из этих значений, именно и прежде всего следующие: во-первых, нужно выделить термин «деятельность», употребляемый в качестве общей категории жизни, употребляемый подобно тому, как мы употребляем другой сходный термин – «жизнедеятельность». Так, мы можем говорить и говорим о жизнедеятельности живой ткани, клетки, о жизнедеятельности организма, разумея при этом известную характеристику того, что биология назвала реактивностью этой ткани или клетки ... » [13, с.230]; « ... Леонтьев соотносит социально-историческое понимание предметности с биологическим, с направленностью организма на предметную среду. Не только на уровне человека, но и на предшествующих уровнях жизни биологические индивиды выживают благодаря тому, что их деятельность является предметной. Если деятельность – это «те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т.е. активное, отношение субъекта к действительности ... » (А.Н.Леонтьев), то предмет деятельности – «нечто противостоящее ... сопротивляющееся ... то, на что направлен акт ... » (А.Н.Леонтьев) ... » [27, с.523].

Такой же вывод напрашивается и при анализе общих определений деятельности, даваемых А.Н.Леонтьевым как совокупности процессов, осуществляющих жизненные отношения: « ... под деятельностью мы понимаем некоторую более или менее сложную совокупность или систему процессов, которые осуществляют некоторые определённые жизненные отношения индивида. Деятельность представляет собой как бы элементарное понятие жизни, как бы единицу, из которой складывается жизнь, бытие, т.е. жизнь в определённых конкретных условиях ... » [13, с.230]; « ... когда мы говорим о деятельности, мы всегда имеем в виду некоторые процессы, известным образом объединённые между собой, ясно очерченные, имеющие свой источник, так

сказать, своё начало, свою направленность, как я уже отмечал, своё осуществление, развитие, и наконец, - своё завершение ... » [13, с.231].

Такое определение психологического содержания предметной деятельности, фактически эмпирическое, идущее от физиологии, от её рефлекторных процессов (а какие ещё могут иметься в виду в предыдущих положениях А.Н.Леонтьева?), неизбежно должно было привести (и привело в конечном результате) к тому, что категория предметной деятельности была распространена на весь живой мир, а предметность стала пониматься как отнесённость любого живого организма к предметам внешней среды: « ... наиболее простыми случаями будут деятельности примитивные, животного типа. Примером такого рода простой деятельности может служить деятельность животного по овладению добычей, служащей животному пищей. В какой-то момент существования животного возникают процессы, которые осуществляют в целом обозначенный вид деятельности. Они возникают и в связи с какими-то внутренними, лежащими, так сказать, в самом животном, моментами – наличием известной потребности и в связи вместе с тем с какими-то стимулами, раздражителями, которые действуют извне. Эти процессы развёртываются. Иногда они очень примитивны, иногда они развёртываются в очень сложную, длинную цепь деятельности ... » [13, с.231].

Необходимо подчеркнуть, что и само понятие ведущей деятельности, являющееся ключевым для деятельностной периодизации психического развития человека, также непосредственно выводится из жизнедеятельности животных. Всё это ещё раз и достаточно убедительно подчёркивает отсутствие специфики человека в психологическом понятии «предметная деятельность» и её содержательное несовпадение с философским содержанием категории «предметная деятельность» К.Маркса: « ... разные конкретные деятельности, понятно, не сосуществуют одни рядом с другими, наряду с другими: напротив, даже наблюдение над самыми простыми деятельностями животных, тем более наблюдения над тем, как развиваются, осуществляются деятельности людей, показывают, что отдельные конкретные деятельности выступают не рядом, не наряду одна с другой, а

выступают в отношениях известной взаимной связи, соподчинения друг другу. Поэтому всегда могут быть выделены при анализе деятельности некоторые главные деятельности, которые могут быть также названы ведущими, и напротив – такие деятельности, которые имеют характер побочных, частных, я бы сказал, отдельных, подчинённых другим, занимающим это место ведущей или главной деятельности ... » [13, с.232].

Такая некритическая позиция самого А.Н.Леонтьева дала повод к утверждению о том, что понятие «деятельность» (даже «предметная деятельность»!) А.Н.Леонтьевым используется как концептуальное средство для описания и психики животных, и психики человека: « ... Означает ли это, что Леонтьев игнорировал качественное своеобразие психики человека сравнительно с животным? Отнюдь нет. Тем не менее, предметная деятельность выступала у него как категория, охватывающая любые формы жизненных отношений организма с окружающей действительностью ... » [27, с.523].

Не случайно, что уже в конце 60-х гг., когда теоретические проблемы внутри психологии деятельности стали мешать её собственному развитию, сам А.Н.Леонтьев начал поднимать вопрос о необходимости дальнейшей теоретической разработки понятия «предметная деятельность»: « ... я бы хотел поставить ряд вопросов такого рода: если эта система понятий [деятельности. – В.А.] представляет известное значение, т.е. способна работать в психологии, то, по-видимому, эту систему нужно разрабатывать – что в последние годы, в сущности, не делается. Эта система понятий оказалась замёрзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении. Всё движение идёт по разным проблемам, которые более или менее соприкасаются с проблемой деятельности, скорее более, чем менее, но в упор понятие деятельности разрабатывается в высшей степени недостаточно ... » [11, с.247].

Его собственная точка зрения на деятельность к тому времени выглядела следующим образом: « ... я зафиксировал это общее понятие о деятельности в пяти коротких положениях Первое положение. Мне представляется, что деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъ-

екта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. ...

Второе положение состоит в том, что развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности в ходе эволюции. ...

Третье положение заключается в том, что в общем виде деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение ..

Четвёртое положение состоит в том, что то, что мы называем психическим отражением ... , опосредствует деятельность. Можно также сказать, что оно управляет деятельностью. ...

Пятое положение является прибавочным. На уровне человека ... психическое отражение также кристаллизуется в продуктах деятельности. Деятельность в этом смысле не только проявляет в объективной форме отражение, но оно вместе с тем переводит ... образ в объективно-предметную форму – вещественную или идеальную, безразлично ... » [11, с.247].

Из всех этих положений следует, что:

во-первых, деятельность – это процесс удовлетворения потребностей: « ... деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. ... Важно, что это жизнь субъекта ... » [12, с.137].

во-вторых, деятельность – это субъект-объектное отношение: « ... В качестве простых моментов деятельность включает в себя оба связываемые ею полюса: полюс субъекта и полюс объекта ... » [8, с.246]; « ... она [деятельность. - В.А.] всегда является активным взаимодействием сознательно действующего субъекта (личности) с объектом (с миром) ... » [6, с.53].

в-третьих, деятельность – это гносеологическое понятие: « ... в общем виде деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение ... » [12, с.137]; « ... В деятельности происходит переход объекта в его субъективную форму - в образ, который лежит в основе ориентировки человека в мире ... » [25, с.10].

в-четвёртых, предметность деятельности – это её отнесенность к предметам внешнего мира: « ... Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они

порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность ... » [8, с.175]; « ... предметность выступает как универсальная пластичность деятельности, как ее возможность отражать в себе объективные качества предметов, среди которых действует субъект ...» [21, с.75].

в-пятых, механизмом предметности является уподобление:

« ... Представление об уподоблении было первоначально использовано для понимания механизма чувственного отражения (Леонтьев,1981). А.Н.Леонтьев утверждал, что таким механизмом является уподобление движением рецепирующего органа свойствам раздражителя. Впоследствии это представление получило более широкое применение. Уподобление было понято как воссоздание в деятельности свойств (отношений) ее предмета. Именно в таком воссоздании (адекватном предмету, но не тождественном ему) строится и образ, и понятие предмета, т.е. воссоздание предмета в деятельности является механизмом усвоения .. » [26, с.30]; « ... Вслед за П.Я.Гальпериным (1980) можно назвать образцы действий, исторически «заложенные» в человеческий предмет, «логикой предмета» (П.Я.Гальперин говорил о «логике орудия») и утверждать, что деятельность воссоздает именно заданную логику предмета, а не данную и наличную «логику органа», в чём состоит её уникальность и всеобщность (Давыдов,1976) ... » [26, с.31].

Анализ оснований психологической концепции деятельности А.Н.Леонтьева и основных её положений, высказанных самим А.Н.Леонтьевым, позволяет сделать следующий методологический вывод: попытка преодоления бихевиористской схемы поведения **S - R** самим А.Н.Леонтьевым решается за счёт введения в эту схему промежуточного звена – деятельности: « ... «Отмечая общность многообразных направлений, проявляющуюся в характеристике психики и личности, Леонтьев обозначает ее как формулу **S – R**, а попытки её преодоления сводит к введению «промежуточных переменных» [ДСЛ. М.,1975.с.76]. «В свое время С.Л.Рубинштейн выразил это в формуле, гласящей, что «внешние причины действуют через внутренние усло-

вия». ... Конечно, формула эта является бесспорной. Если, однако, под внутренними условиями подразумевать текущие состояния субъекта, подвергающегося воздействию, то она не вносит в схему **S – R** ничего принципиально нового». В порядке инициативы Леонтьев предлагает исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено («средний термин») – деятельность субъекта и соответственно её условия, цели и средства, - звено, которое опосредствует связи между ними [ДСЛ.М.,1975.с.81] ... » [15, с.284].

К такому же выводу приходит в результате уже философского анализа и Г.С.Батищев: « ... Другие авторы предпринимали попытки вставить в эту формулу в качестве среднего звена и язык, и психику, и культуру, и даже ... предметную деятельность, т.е. категорию марксистской философии! Так, признанный глава одной из двух школ в советской психологической науке, имеющий весомые заслуги в деле развития этой науки в течение длительного периода времени, в подытоживающей его идеи книге резюмирует свои размышления следующим признанием: «Итак, в психологии сложилась альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: воздействие объекта – изменение текущих состояний субъекта (или, что принципиально то же самое, схему **S - R**), либо исходить из трёхчленной схемы, включающей среднее звено («средний термин») – деятельность субъекта и соответственно её условия, цели и средства, звено, которое опосредствует связи между ними» (Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1977.с.81). Как видим, для А.Н.Леонтьева выбирать можно только внутри реактивистской схематики – между формулой грубой и формулой усовершенствованной:

(деятельность с её условиями)

S → (целями и средствами) → **R** ... » [1, с.92].

Это положение А.Н.Леонтьева полностью соотносится с положением Э.Кассирера об аналогичной природе человека и животного: « ... Эрнст Кассирер, создатель концепции человека как «символического животного», заявляет: «Между рецепторной и эффекторной системами, которые обе имеются также и всех других видов животных, у человека есть ещё третье, про-

межуточное звено, которое может быть обозначено как системы символов». Отсюда получаем:

S → символическая система → **R** ... » ... » [1, с.91].

Такой подход к пониманию содержания понятия «деятельность» и природе самого человека Алексеем Николаевичем, с нашей точки зрения, **во-первых**, предполагает, что есть исходное, не-деятельностное отношение, которое осуществляется за счёт деятельности; во-вторых, предполагаемая природа этого до-деятельностного отношения, по-видимому, является общей у животного и человека. Отсюда следует, что в этом случае понятие «деятельность» теряет свою специфику при описании сущности человека, толкуется методологически неоправданно широко, распространяется, в принципе, на всю живую природу и не решает задачи формулирования особой специфики существования человека.

Во-вторых, субъект-объектное содержание психологического понятия «деятельность» в объектно-деятельностном подходе неизбежно приводит к выводу (в том числе и самого А.Н.Леонтьева) об антагонистической поляризованности жизненного пространства человека: « ... Что касается всей школы А.Н.Леонтьева, то в ней безраздельно господствует единая предпосылка: «поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе которого стоит активный («пристрастный») субъект, на другом – «равнодушный» к субъекту объект» (Леонтьев, ДСЛ) ... » [1, с.156].

В-третьих, субстанциалистская трактовка деятельности, идущая ещё от Гегеля и разрабатывавшаяся в отечественной философии Э.В.Ильенковым, приводит к тому, что: « ... Так и получается, что не люди производят общество как продукт своего взаимодействия, а наоборот, «общество производит деятельность образующих его индивидов» и даже ... «личность человека тоже «производится» – создается общественными отношениями ... », т.е. «порождается» [Леонтьев. ДСЛ] той деятельностью, которая в ее исходных определениях субстанциально-безлична, «ничейна» ... » [1, с.184].

Таким образом, делая предварительный вывод о характере процесса становления деятельностного подхода в отечественной

психологии, можно утверждать, что оно проходило под знаком преодоления стимульно-реактивной схемы поведения, под знаком противостояния биологического и социологического факторов детерминации психики: « ... Перед нами вновь «диалог» двух ориентаций – биотропной и социотропной – как фактор развития психологического познания. Рассматривая отрезок исторического пути советской психологии до 40-х годов, можно выделить три узловых пункта в динамике этого «диалога» и фигуры, в творчестве которых он получил наиболее концентрированное выражение.

Первым следует назвать Корнилова. Переводя общее требование о реформе психологии с позиций марксизма на конкретное описание предмета исследования этой науки, он в конце концов пришёл к трактовке своего основного понятия – реакции как гибрида «идеологического содержания», которое сознание черпает из социальной среды (здесь он исходил из марксистского учения о социальной обусловленности психики), и механизма поведения, каковым являлся условный рефлекс.

Вторым пунктом стали воззрения раннего Выготского. Принимая марксистский тезис о социальной сущности сознания, он вместе с тем, по его собственной оценке, хотел быть «большим рефлексологом, чем Павлов». В данном случае это означало преобразование условно-рефлекторного действия в действие, которое является орудийным, поскольку в его структуре взаимоотношения организма со средой опосредованы орудием-знаком, на основе которого поведение строится не по биологическим законам, а по законам исторического мира культуры и общения с другими людьми.

И наконец, третий узловой пункт представлен Леонтьевым. Наряду с Рубинштейном он конкретизировал применительно к психологии учение К.Маркса о сознании как процессе опредмечивания сущностных сил человека в деятельности. В то же время в понимание самой деятельности он внёс признак сигнальной ориентации, открытый Павловым ... » [27, с.523].

1.5. Роль Л.С.Выготского в создании деятельностной психологии

Фигура Л.С.Выготского как выдающегося психолога и его влияние на становления всей советской психологии настолько значительны, что мы считаем необходимым специально прокомментировать его личное участие в создании психологии деятельности.

Это необходимо, с нашей точки зрения, по нескольким причинам. Во-первых, в затяжном споре между двумя деятельностными школами ещё не поставлена точка, а поэтому весьма важно понимать методологические основания каждой из них. Без привлечения анализа позиции Л.С.Выготского такое понимание невозможно. Во-вторых, до сих пор остаётся неясным, в какой степени основания культурно-исторической психологии являются основаниями деятельностного подхода. В последние годы эта неясность усиливается из-за того, что, по нашему мнению, недостаточно обоснованно Л.С.Выготскому, наряду с А.Н.Леонтьевым, приписывается участие (и даже первенство) в создании объектно-деятельностной психологии.

Необходимо отметить, что в вопросе об авторстве деятельностной концепции, впрочем, как и в других вопросах, так или иначе касающихся деятельностной проблематики, мнения представителей субъектно-деятельностной и культурно-исторической деятельностных школ существенно расходятся. Это касается и роли Л.С.Выготского в исследовании понятия «деятельность».

Тем не менее, можно считать установленным, что предметом исследований самого Л.С.Выготского было сознание:

« ... Л.С.Выготский избрал областью своего исследования психологию сознания ... » [14, с.5]; « ... В статье, посвященной памяти своего учителя [Выготского Л.С. – В.А.] А.Н.Леонтьев оценил его теорию как «конкретную теорию осознания человеком своего человеческого бытия», направленную на исследование системного строения сознания, единицей анализа которого является значение ... » [22, с.141].

По-видимому, именно это обстоятельство и послужило основанием (или могло послужить им), методологических разногласий между Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым: « ... Про-

грамма исследований Харьковской группы строилась как критика понимания Выготским значения, но не его внутренней структуры (обобщения); как раз представление о том, что значение является обобщённым отражением действительности, осталось неизменным. А.Н.Леонтьев полагал, что Выготский не заметил (или не отметил) существования некоего особого «слоя» жизненной реальности, который лежит за значением. Этим «слоем», по Леонтьеву, и является внешняя предметная деятельность ... » [26, с.28].

Хотя впоследствии В.В.Давыдов всё же утверждал, что: « ... Выготский имел иное понимание деятельности, чем её понимают в современной психологии, но и он правильно схватывал, на наш взгляд, её суть ... » [4, с.249]. Правда, аргументы В.В.Давыдова относительно этого утверждения требуют, с нашей точки зрения, дополнительного обоснования, поскольку даже на той же самой странице из Л.С.Выготского, на которую он ссылается в приведённой цитате, можно найти и термин «поведение», а в других местах этого текста Л.С.Выготского можно увидеть термин «деятельность», употребляемый в связи с жизнедеятельностью животных.

Представители субъектно-деятельностной школы приводят доказательства того, что, на самом деле, главным понятием в концепции Л.С.Выготского была не деятельность, а активность: « ... В работах Выготского прокладывание индивидом своей «жизненной дороги» выступает как одно из высших проявлений активности человека, порождаемое, инициируемое им самим.

Понятие активности — центральное и в общепсихологической теории этого психолога, и в его концепции личности. Активность как ведущая характеристика человека выступает в различных формах ... » [15, с.165].

А.В.Брушлинский, так же, как и Б.Д.Эльконин, подчеркивает тот факт, что деятельность, во всяком случае, находилась у Л.С.Выготского на периферии его научных интересов, причём эта аргументация основана на прижизненных работах самого Л.С.Выготского, раскрывающих его методологические позиции: « ... абсолютизация роли речевых знаков в развитии высших психологических функций ... заслонила для Л.С.Выготского фундаментальное значение изначально практической деятельно-

сти в формировании человеческой психики. В его «Психологическом словаре» (М., 1931), написанном вместе с Б.Е. Варшавой и предельно кратко и четко выражающем его взгляды, вовсе отсутствует статья «Деятельность» (как и статья «Практика», «Труд» и т.д.), а в статье «Марксистская психологи» ни разу не употреблено даже слово «деятельность» ... » [2, с.141].

Основные акценты критического анализа роли Л.С.Выготского представителями субъектно-деятельностного подхода сосредоточены, как правило, вокруг роли знака и значения в формировании человеческого индивида. При этом его «знакоцентристская» (по их выражению) позиция противопоставляется деятельности: « ... Рубинштейн с 1917-1922 г.г. и до конца жизни разрабатывал субъектно-деятельностный подход, а Выготский в последние 5-6 лет своего творчества – знаковый, но не деятельностный подход ... » [15, с.198].

Такие оценки дают основание авторам утверждать, что именно речь, слово, знак являются для Л.С.Выготского первичным в онтогенетическом становлении человека: « ... Выготский так резюмирует свою общую исходную позицию: речь как система знаков «становится основным средством мышления и всех высших психологических функций, основным средством построения личности» (Педология подростка. М.-Л., 1931.с.484). Или несколько иначе: по его словам, «законы речевого поля» становятся главными факторами, направляющими поведение ребенка. Таким образом, речевые знаковые средства, воплощающие в себе социальность, лежат в основе всего: личности, воли, мышления и т.д.

Ясно, что позиция Выготского существенно отличается от субъектно-деятельностной теории, разработанной С.Л.Рубинштейном и его школой. Эта теория конкретно реализует очень общую идею Гёте «вначале было дело (die Tat)» и утверждает, что субъект и его психика формируются и развиваются прежде всего на основе деятельности (изначально практической), осуществляемой на разных уровнях общения. Концепция же Выготского реализует другую очень общую идею, идущую от Библии: вначале было слово ... » [15, с.187].

В связи с приведёнными полярными точками зрения на роль Л.С.Выготского в создании деятельностного подхода, мы пола-

гаем, что этот вопрос найдёт своё решение в будущем. А пока: « ... участвовал или нет Выготский в разработке теории деятельности. Как ни странно, до сих пор не достигнуто единство взглядов по данному вопросу ... » [15, с.187].

1.6. Деятельностный подход в современной Европе

В современной европейской психологии имеет место практика деятельностного подхода, основанного не на марксистской категории «предметная деятельность», но в то же время придерживающегося диалектической традиции. Среди учёных, работающих в области немарксистской теории деятельности, можно выделить некоторые приоритеты, которые их объединяют: « ... Джин Лэйв (Lave,1993) так обобщает несколько тем, объединяющих ученых, работающих в области теории деятельности и практики:

- 1). Акцент на диалектическом характере фундаментальных отношений, образующих человеческий опыт (на языке Дж.Лэйв человеческий фактор «частично детерминирован, частично детерминирует»).
- 2). Пристальное внимание к опыту в мире, отвергающему структуру и динамику процедур психологического тестирования как универсально применимого шаблона.
- 3). Сдвиг границ между познанием и окружающей средой, при котором, говоря словами Дж.Лэйв, познание «простирается сквозь психику, тело, деятельность и окружение» (об этом иногда говорят как о распределенном познании): Hutchins,1995; Norman,1991; Salomon,1993) ... » [7, с.165].

Как отмечают исследователи, на сегодняшний день можно говорить о европейской и американской традициях. Обе эти традиции объединяет общая система понятий, главными из которых являются понятия субъекта деятельности, объекта деятельности и средств деятельности: « ... В области исследований по теории деятельности существует давняя немецкая традиция (Raeithel,1994), скандинавская традиция (Hiden,1984; Engestrom,1993), а теперь и американская традиция (Goodwin,1994; Mardi,1994; Scribner,1984). Общие принципы этого подхода хорошо сформулированы Ирве Энгестрёмом, который пишет, что система деятельности объединяет субъекта,

объект и инструменты (материальные орудия, а также знаки и символы) в единое целое ... » [7, с.163].

В Европе теория деятельности представлена так называемыми саарбрюккенской и скандинавской группами.

В Германии (саарбрюккенская группа) основным направлением явилась разработка культурной психологии Э.Боша, которая представляется как продолжение традиций В.Вундта и Ж.Пиаже, основанной на их синтезе: « ... В Саарбрюккене Лютц Эккенсбергер, Берндт Крюер и их коллеги начали выступать за создание культурной психологии, основанной на идеях Эрнста Боша, в чьих психологических теориях сочетаются германская историческая традиция, приведшая В.Вундта к утверждению о необходимости *Volkerpsychologie*, некая разновидность теории деятельности и конструктивизм Ж.Пиаже (1990) ... » . [7, с.125]

Кроме теории деятельности Э.Боша, направление культурной психологии ассимилирует в себе идеи экологической психологи, некоторые социологические идеи, а также множественные антропологические идеи: « ... В дополнение к созданному Э.Бошем варианту теории деятельности эта группа опиралась на идеи экологической психологии, как они представлены в работе Роджера Баркера и его учеников (1968), на некоторые положения критической социологии, а также на множество европейских и американских антропологических источников ... » [7, с.125].

Весьма существенным моментом в деятельности саарбрюккенской психологической школы представляет собой идея развития, которая является методологическим основанием их варианта культурной психологии: « ... Саарбрюккенская группа подчеркивала, что культурная психология требует подхода к изучению природы человека с позиций развития. Они верили в то, что их подход к изучению культурной психологии с позиций теории деятельности представлял, по крайней мере теоретически, «возможность установить взаимосвязь трех главных уровней представлений о развитии в рамках единого теоретического языка: актуальный генез (процесс), онтогенез и историогенез; то есть он позволяет существенным образом связать исторические и индивидуальные изменения» (Eckensberger, Krewer and Kasper, 1984) ... » [7, с.125].

Кроме саарбрюккенской группы, работы в области теории деятельности ведутся также и в Берлине: « ... В настоящее время различные варианты психологической теории деятельности стали создаваться в западных странах (например, западноберлинским психологом К.Хольцкампом) ... » [3, с.145].

Одним их ярких представителей скандинавской деятельностной школы является Ирве Энгестром. С нашей точки зрения, во всем западном направлении разработки теории деятельности именно он является последовательным сторонником целостного подхода к феномену деятельности: « ... Такой теоретик деятельности как Ирве Энгестром, начинает с утверждения о том, что «единицей анализа является полная система деятельности» (Engestrom,1993). Его рассмотрение наряду с индивидами, артефактами и опосредованными действиями включает также институциональные контексты и историю исследуемых систем деятельности. С точки зрения И.Энгестрома, опасность сосредоточенности на опосредованном действии состоит в том, что контекст при этом теоретически не прорабатывается в должной мере. Вследствие этого: «Индивидуальный опыт описывается и анализируется, как если бы он состоял из относительно дискретных и ситуативных действий», а система или «объективно заданный контекст», частью которого и являются эти действия, либо трактуется как непреложная данность, либо вообще едва описывается (там же,р.66) ... » [7, с.367].

1.7. Деятельностный подход в культурно-исторической психологии Майкла Коула.

Весьма интересным психологическим направлением в деятельностном подходе является культурная (или культурно-историческая) концепция деятельности Майкла Коула. Этот исследователь интересен для нас вдвойне, поскольку он является непосредственным учеником А.Р.Лурии. В своих работах Майкл Коул неоднократно подчёркивал влияние советского культурно-исторического подхода на собственные методологические позиции.

С другой стороны, как представитель прагматического подхода к деятельности, он даёт самобытные и, на наш взгляд, достаточно спорные трактовки и оценки как современной деятель-

ностной ситуации в психологии России, так и марксистской позиции в психологии, так и самому философско-психологическому содержанию понятия «деятельность».

Майкл Коул считает, что приоритет в культурно-исторической психологии по праву принадлежит советским психологам, именно советская культурно-историческая психология, по его словам, явилась основой его собственной позиции в культурной психологии: « ... Представление о культурно-исторической психологии объединяет ученых многих национальных традиций, но обычно связывается с российскими учеными Алексеем Леонтьевым, Александром Лурией и Львом Выготским. Именно на основе их идей я пришел к формулированию культурной психологии. Получившийся в результате подход, для которого я принял название культурно-исторической теории деятельности, дает один из продуктивных путей преодоления дихотомии вундтовских двух психологий и одновременного включения культурных процессов в развитие психики ... » [7, с.127].

Многие положения культурно-исторической концепции деятельности М.Коула созвучны общим положениям марксистского подхода, более того, иногда в тексте своей книги он прямо приводит цитаты из К.Маркса, обосновывая собственные утверждения. Так, например, ссылаясь на Росси-Ланди, М.Коул утверждает практически марксистский тезис о том, что: « ... Система деятельности включает как объектно-ориентированный продуктивный аспект, так и личностно-ориентированный аспект человеческого поведения. Производство и коммуникация неразделимы (Rossi-Landi, 1983) ... » [7, с.164].

Говоря о деятельности в непривычных для нашей психологии терминах «контекста», он выступает приверженцем генетического метода, высоко ценит роль совместной деятельности в происхождении психики, трактует человеческого индивида в терминах субъектности, и что особенно для нас важно, подвергает критике каузальный тип детерминации: « ... Культурная психология подчеркивает, что всякое действие опосредовано контекстом;

- настаивает на важности широко понимаемого «генетического метода», включающего исторический, онтогенетический и микрогенетический уровни анализа;
- пытается основывать свой анализ на событиях повседневной жизни;
- считает, что психика возникает в совместной опосредованной деятельности людей. Психика, таким образом, в существенном смысле созидательна и распределена;
- считает, что индивиды являются активными субъектами своего развития, однако их действия в конкретной среде не полностью определяются их собственным выбором;
- отвергает линейную причинно-следственную парадигму «стимул-реакция» в пользу утверждения эмерджентной природы психики в деятельности и признания центральной роли интерпретации;
- опирается на методы гуманитарных, а также социальных и биологических наук ... » [7, с.127].

Но внешнее сходство культурной психологии Майкла Коула с основными положениями деятельностного подхода отечественной психологии и его явная личная симпатия к советским психологам, к нашей культурно-исторической психологии и её деятельностной ветви, тем не менее, не должны вводить в заблуждение по поводу философско-психологического содержания категории «деятельность», лежащей в основе его собственной концепции. И дело здесь вовсе не в том, чтобы оценить позицию М.Коула или ещё кого-нибудь, а в кризисном положении нашей собственной деятельностной психологии.

Нам необходим содержательный анализ проблем и выявление их причин, поэтому-то и необходима объективная оценка методологии самого М.Коула. В связи с этим, можно утверждать, что его методологическим основанием является философия прагматизма. При этом, он не совсем верно, по нашему мнению, интерпретирует Гегеля. Т.е., утверждая сходство позиций Гегеля и: « ... американского прагматизма – философии, которая [по мнению М.Коула. – В.А.] вслед за Гегелем размещала источник познания внутри повседневной культурно организованной исторически развивающейся деятельности конкретной социальной группы ... », он незаметно для себя субстанциа-

лизм всеобщей гегелевской категории «деятельность» трансформирует в эмпиризм прагматического понятия единичной «деятельности» [7, с.49].

Эта, вроде бы несущественная на первый взгляд, процедура, переводит деятельность из универсальной категории, описывающей сущностные характеристики человека как универсального существа, во вспомогательный способ описания эмпирических ситуаций. Это утверждение можно подтвердить словами самого М.Коула, интерпретирующего уже К.Маркса: « ... Третье основное положение культурно-исторического подхода, воспринятое от Г.В.Ф.Гегеля через К.Маркса [первое – опосредование артефактами; второе – историческое развитие. – В.А.], состоит в том, что анализ психических функций человека должен основываться на его повседневной деятельности. Только посредством такого подхода, как утверждал К.Маркс, можно преодолеть противостояние материализма и идеализма, поскольку именно в деятельности люди осваивают идеальное и материальное наследие предыдущих поколений ... » [7, с.133].

Оказывается, что проблема заключается в том, чтобы рассматривать деятельность либо как эмпирическую категорию, либо как универсальную категорию.

Нам представляется, что именно этот факт различного толкования содержания этой категории привел к тому, что даже Майкл Коул, наиболее подготовленный по сравнению с другими зарубежными психологами к восприятию наших философско-психологических идей, не в состоянии адекватно понять основания внутридеятельностных противоречий между отечественными школами. Эти противоречия, на наш взгляд, носят глубокий и весьма содержательный характер, но оценить их можно только в том случае, если принимать идею универсальности деятельностной сущности человека.

Поэтому не случайно, наверное, что Майкл Коул пеняет российским коллегам на то, что свой анализ они не строят на деятельности как эмпирической действительности: « ... Российский культурно-исторический подход отправляется от обыденной деятельности лишь в самом абстрактном смысле. В центре внимания психологов были не конкретные параметры обыден-

ных обстоятельств, но то, что они считали ядром всякой деятельности, - её опосредованная природа ... » [7, с.372].

Причина непонимания заключается в том, что прагматизм при анализе конкретной ситуации не различает единичного и всеобщего. С этих позиций нам становится понятна оценка, данная самим М.Коулом содержательности внутрироссийских споров: « ... Длительное время наблюдая за дискуссиями по этому поводу среди российских психологов, я убедился, что они редко бывают продуктивными. Опосредованное действие и его деятельностный контекст – это два момента единого процесса ... » [7, с.368].

И если Майкла Коула ещё можно понять, то сегодня, по нашему мнению, уже нельзя принять всерьёз предложения решать деятельностные проблемы за счёт сведения проблемы человека как универсального предметного существа к проблеме человека как эмпирического субъекта.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.,1997.
2. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
3. Давыдов В.В. О месте категории деятельности в современной теоретической психологии // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
4. Давыдов В.В. Проблема деятельности как способа человеческого бытия и принцип монизма // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
5. Ждан А.Н. История психологии. М.,1997.
6. Коссаковски А., Ломпшер И. О концепции деятельности в педагогической психологии // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
7. Коул Майкл. Культурно-историческая психология. М.,1997.
8. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.,1983. т.2.
9. Леонтьев А.Н. Основные процессы психической жизни (1940) // Философия психологии. М.,1994.
10. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории развития советской психологии (1976) // Философия психологии. М.,1994.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (1969) // Философия психологии. М.,1994.

12. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
13. Леонтьев А.Н. Психологическая характеристика деятельности (1949) // Философия психологии. М.,1994.
14. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.,1999.
15. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.,1997.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1940.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.1.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.2.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.,1999.
20. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
21. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.,1988.
22. Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Петр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №2(70).
23. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
24. Современная психология. М.,1999.
25. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В.Давыдова, И.Ломпшера, А.К.Марковой. М.,1982.
26. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С.Выготского). М.,1994.
27. Ярошевский М.Г. История психологии. М.,1985.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чём причина возникновения двух деятельностных школ в психологии?
2. Значение трудов Басова М.Я. для создания психологии деятельности.
3. Отличие реактологии от психологии деятельности.
4. Отличие рефлексологии от психологии деятельности.
5. Отличие бихевиоризма от психологии деятельности.
6. В чём заключается влияние марксизма на психологию деятельности?
7. Суть субъектно-деятельностной психологии С.Л.Рубинштейна.
8. Суть объектно-деятельностной психологии А.Н.Леонтьева.
9. Сходство и различие двух деятельностных психологий.
10. Роль Л.С.Выготского в создании психологии деятельности.
11. В чём заключается сходство и различие марксистских и немарксистских подходов в психологии деятельности?
12. Особенности психологии деятельности Майкла Коула

Глава 2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

2.1. Предыстория происхождения категории «предметная деятельность»

Единственной возможностью, на наш взгляд, понять особенность человеческого существования, его непохожесть на другие живые существа, является попытка рассмотреть человека как существо, способное иначе, чем животные, относиться к природе, к самому себе. Такой подход, как известно, основан на философской категории «предметная деятельность» и пытается рассматривать человека как сознательно моделирующего и сознательно реализующего своё собственное будущее. Традиция рассматривать человека как деятельное существо восходит ещё к Аристотелю: « ... наверное, можно сказать, что в философии изучение деятельности как таковой началось примерно 350 лет назад, хотя общие основания и определенная традиция в этой области шли уже от Аристотеля ... » [70, с.233].

В рамках деятельностного подхода уже сложилась многовековая традиция рассматривать человека как деятеля, т.е. целеполагающего и сознательно созидającego средства собственной деятельности: « ... Благо везде и повсюду зависит от соблюдения двух условий: 1). правильного установления конечной цели всякого рода деятельности и 2). отыскания соответственных средств, ведущих к конечной цели (Аристотель) ... ».

Уже Аристотель [6, с.28] главные человеческие свойства как деятельного существа связывает со свободой поступка, способностью принятия самостоятельных решений и сознательным выбором средств: « ... если цель – это предмет желания, а средства к цели – предмет принятия решений и сознательного выбора, то поступки, связанные со средствами, будут сознательно избранными и произвольными. Между тем деятельности добродетелей связаны со средствами [и тем самым с собственной волей и сознательным выбором] ... » [7, с.104].

После Аристотеля стоики [35, с.437] с гордостью утверждали, что человек — это человек-производящий и человек-общающийся: « ... Он [Леон Баттиста Альберти. — В.А.] восхваляет стоиков, которые говорили «человек природой устроен так, чтобы быть и умозрительным и производящим» и «любая вещь рождается для того, чтобы служить человеку, а человек — для того, чтобы сохранить компанию и дружбу людей». Он восхищался словами Платона: «люди рождаются, чтобы быть людьми» ... » [17, с.245].

В трудах Альберти человек уже трактуется как родовой человек, как существо, своим трудом производящее собственную жизнь: « ... Его [Леона Баттиста Альберти. — В.А.] интересует *homo faber*, т.е. человек деятельной и производительной жизни, то есть активности, ориентированной не только на возможности отдельного человека, но на возможности других людей и Города ... » [17, с.245].

Несмотря на то, что уже Древние Греки связывали человеческое в человеке с производительным (деятельностным) началом, как научное понятие «деятельность» начала разрабатываться только в XVII веке в немецкой классической философии. Как известно, в средневековой Германии деятельность интерпретировалась как спонтанная активность сознания, как способность человека создавать нормы человеческого поведения: « ... Деятельность попала в фокус философского исследования лишь в XVII в. благодаря немецкой классической философии, в которой деятельность предстала как некоторая спонтанная активность сознания, не только не скованная нормами логики и рефлексии, но, напротив, сама создающая основу для всяких норм, и прежде всего для норм человеческого поведения, а не мышления ... » [28, с.35].

Именно в немецкой классической философии сложилось понимание философии как науки о сознании, впоследствии в полной мере выразившейся в гегелевской теории деятельности: « ... Именно в немецкой классической философии было сформулировано понимание философии как учения о познании и (или) сознании («критика разума» у Канта, наукоучение Фихте, диалектика как логика, совпадающая с «метафизикой», у Гегеля) ... » [39, с.17].

Историческая заслуга великих философов Германии заключается в том, что, благодаря их трудам, деятельность стала рассматриваться как особая действительность, как специфическая действительность человека: « ... Наиболее значительный вклад в выделение деятельности в качестве особой действительности и особого предмета изучения был сделан представителями немецкой классической философии – И.Г.Фихте, Ф.В.Шеллингом и Г.В.Гегелем ... » [70, с.233].

Особая роль в разработке категории «деятельность» принадлежит Гегелю, который впервые в истории создал научную категорию, способную выразить сущность человека как продукт его собственного труда: « ... проблема деятельности как специфической активности, присущей лишь человеку, впервые глубоко и систематически была поставлена и разработана в немецкой классической философии от Канта и до Гегеля. Особенно значительна в данном отношении заслуга Гегеля, который начал раскрывать сущность труда и пришёл к пониманию человека как результата собственного труда ... » [56, с.214].

Гегель своей категорией «деятельность» первым заложил научную основу понимания целевой самодетерминированности и свободы человека, благодаря трудам Гегеля был сформулирован новый тип детерминации – целевая детерминация будущим.

После Гегеля, как известно, категория «деятельность» как имманентная активность сознания, была переосмыслена К.Марксом и уже предстала предметно детерминированной способностью человека в виде категории «предметная деятельность», которая в дальнейшем в значительной степени стала определять характер философских и психологических разработок проблематики человека.

Понятие «деятельность», как характеристика истинно человеческой действительности, разрабатывалась не только в философии. В начале XX-го века в рамках социологии разрабатывалось понятие «социальное действие»: « ... В самом начале столетия М.Вебер, пытаясь определить предмет социологии, ввел понятие о социальном действии, которое он отделил от действия, направленного на неодушевленные объекты, а Дж.Мид в своих лекциях в Гарвардском университете разработал понятие

об акте деятельности и рассматривал в свете него все познавательные, психические и социальные феномены ... » [70, с.237].

Заметным явлением как в философии, так и в социологии начала XX-го века стала так называемая «праксеология», наука о человеческой деятельности, созданная польским учёным Т.Котарбиньским: « ... Ещё в конце 20-х г.г. нашего столетия польский философ и социолог Т.Котарбиньский изложил исходные идеи или даже основы специальной науки о деятельности – «праксеологии». С тех пор она непрерывно развивается, нашла многих последователей, а последнее время нередко используется в Польше в качестве методологического основания социокультурных и социальных наук ... » [70, с.237].

В 30-е годы, синтезировав теории Макса Вебера и Дж.Мида, Т.Парсонс создал так называемую аналитическую теорию социального действия: « ... Объединяя эти две традиции [Вебера и Мида. – В.А.] Т.Парсонс в 30-е г.г. построил аналитическую теорию социального действия. И хотя как у М.Вебера и Дж.Мида, так и самого Т.Парсонса понятие действия или акта учитывало в первую очередь явления и особенности поведения отдельных людей (и в этом плане недалеко ушло от традиционных представлений психологического бихевиоризма), тем не менее в нем содержались уже отчётливые методологические установки и фиксировались такие элементы человеческого действия – нормы культуры, ценности, институциональные ориентации и т.п., которые разрывали не только узкие рамки бихевиоризма, но и рамки всех наук, ограничивающих себя изучением людей как таковых и их объединений ... » [70, с.267].

И тогда же Т.Парсонс обосновал, что необходима общая теория действия, которая могла бы стать методологическим основанием всех гуманитарных наук: « ... Уже в этот ранний период Т.Парсонс говорил не только о структуре социального действия, но и об общей теории действия, которая, по его мысли, должна была стать методологическим и теоретическим основанием всех гуманитарных и социальных наук ... » [70, с.237].

В советской философии категория «деятельность» как таковая не становилась предметом непосредственного исследования вплоть до 50-х годов XX-го века, несмотря на принятие в Советском Союзе марксизма в качестве основной идеологической

доктрины: « ... Ещё в 50-е годы категория деятельности, как таковая, не выделялась в качестве особой категории исторического материализма ... » [31, с.98].

Деятельностная проблематика начала входить в философскую литературу только в 60-е годы, после «хрущёвской оттепели», одновременно с ростом интереса советских философов к проблеме соотношения человека и общества: « ... Проблематика деятельности входила в философскую литературу в 60-е годы вместе с ростом интереса к вопросам, связанным с темой человека, соотношения личности и общества ... » [31, с.99].

Одновременно с ростом интереса к деятельностной проблематике, зарождаются конкретно-научные исследования деятельности, в том числе в рамках известного московского семинара по системным проблемам: « ... В Советском Союзе Общая Теория деятельности разрабатывается исследователями, объединившимися в 1958г. вокруг Комиссии по психологии мышления и логике Всесоюзного общества психологов, а с 1962г. – вокруг семинара «Структуры и системы в науке и технике» философской секции Совета по кибернетике АН СССР ... » [70, с.238].

Деятельностная проблематика, особенно в последнее время, - это достаточно сложная и неоднозначная область научного знания. Внутренняя противоречивость многих деятельностных концепций как в философии, так и в психологии, связана с тем, что исторически деятельность разрабатывалась, по крайней мере, в рамках трёх традиций: в домарксистской философии как спонтанная активность сознания; в марксистской философии как специфическая действительность индивидуальной и социальной предметных деятельностей; в естественно-ориентированной психологии как спонтанная активность (рефлекторная деятельность) человеческого мозга.

В диалектической традиции, той, которая до недавнего времени называлась «диалектическим материализмом», категория предметной деятельности рассматривается как основополагающая для всей исторической человеческой действительности. Вплоть до того, что вся история человечества представляется как история его практической деятельности: « ... история познания и история философии суть духовное осмысление истории человеческой практической деятельности ... » [20, с.105].

Такая точка зрения ведёт своё начало от К.Маркса и трактует деятельность как универсальную историческую, хотя и неоднозначную, категорию: « ... хотя ... деятельность в марксизме играет роль подлинной субстанции культуры и истории, а ее объяснительные возможности сравнимы с универсальными, « ... у понятия деятельности нет единого, раз и навсегда фиксированного содержания, которое как инвариант выступает в любых предметных конструкциях. Даже в рамках одного предмета ... содержание и объяснительные функции этого понятия должны быть более или менее заметно видоизменяться, если изменяется характер предмета, в рамках которого оно работает ... » (Юдин Э.Г.) ... » [11, с.123].

Несмотря на то, что категории «предметная деятельность» в марксистски ориентированных концепциях общества и человека придаётся системный характер, само содержание этой категории (особенно в конкретных науках, в частности, в психологии) до последнего времени специально не анализировалось: « ... Однако до последнего времени содержание категории деятельности не подвергалось специальному анализу ... » [37, с.70].

2.2. Деятельность как субстанция

Как известно, Гегель является «отцом» не только самой категории «деятельность», но и деятельностного субстанциализма. Т.е. способа приписывания деятельности характер надчеловеческой действительности, статуса сверх-категории, самодовлеющей действительности всеобщего, задающей всё человеческое существование: « ... Как субстанция и всеобщая, себе самой равная постоянная сущность дух есть неизменная и неизблемая основа и исходный пункт действия всех и их конечная цель как мысленное «в себе» всех самосознаний. - Эта субстанция есть точно также всеобщее произведение, которое создается действием всех и каждого как их единство и равенство, ибо она есть для-себя-бытие, самость, действие ... » [14, с.234].

Но это не единственная трактовка субстанциальности, какую можно найти у Гегеля. С другой стороны, субстанциальность у него понимается как внутренняя характеристика самой деятельности, являющаяся основой её самодетерминации, способом

выражения которой является цель: « ... деятельность как таковая есть не что иное, как чистая, лишенная сущности форма для-себя-бытия вещи, и субстанция деятельности, которая есть не одно лишь определенное бытие, а есть всеобщее, цель деятельности, не находится вне ее; она сама по себе есть деятельность, которая возвращается в себя, а не направляется обратно в себя чем-нибудь посторонним ... » [14, с.141].

У субстанциализма Гегеля имеются современные последователи, создатели деятельностных концепций, в которых в современных терминах выражена старая гегелевская мысль о равенстве всех единичных перед всеобщим: « ... сущность сознания, для которого равенство отдельных лиц есть принцип ... » [14, с.229]. Логическим выводом из гегелевского субстанциализма является вывод о том, что: « ... индивид есть по существу единичное ... » [14, с.240]. Здесь предназначение индивида заключается в придании субстанциализированному всеобщему характера реальности: « ... Индивидуальность как реальность всеобщего ... » [14, с.207]; « ... движение индивидуальности есть реальность всеобщего ... » [14, с.208].

В рамках субстанциализма Гегелю впервые в истории, ещё до работ К.Маркса, удалось показать социальную природу человеческого индивида и решающую роль труда в социальной и индивидуальной жизни: « ... индивид имеет во всеобщей субстанции не только эту форму устойчивости своего действия вообще, но в такой же мере и свое содержание; то, что он делает, есть вообще мастерство и нравы всех. Это содержание, поскольку оно полностью распадается на единицы, в своей действительности вплетено в действие всех. Труд индивида, направленный на удовлетворение его потребностей, в такой же мере есть удовлетворение потребностей других, как и своих собственных, и удовлетворения своих потребностей он достигает лишь благодаря труду других ... » [14, с.189].

В рамках субстанциализма Гегель соответственным образом трактует и содержание деятельности. При этом деятельность у него выступает как способ трансформации содержания из единичной формы во всеобщую: « ... Действование есть поэтому только перевод своего единичного содержания в предметную стихию, где содержание - всеобщее ... » [14, с.343].

Марксистский подход к категории деятельности долгое время традиционно интерпретировался так же, а именно, как субстанциалистический, якобы возводящий, теперь уже категорию «предметная деятельность», в ранг субстанции: «... Философию диалектического материализма от всех других философских направлений отличает тезис о субстанциональной роли чувственно-предметной деятельности ... » [20, с.87]. По крайней мере, такое прочтение марксистской позиции по поводу деятельности не только не исключалось, но более того, реально являлось методологической основой многих известных философских и психологических деятельностных концепций.

Субстанциальному толкованию марксистской категории «предметная деятельность» в немалой степени способствуют тексты, в которых специфика и особенности индивидуальной и социальной деятельностей не становятся предметом различения. Это даёт возможность толкования деятельности, в том числе и как сверх-индивидуальной социальной субстанции: «... Зависимость состоит в том, что деятельность каждого находит дополнение и дальнейшее развитие в деятельности других. Такое понимание возможно только тогда, когда общество рассматривается не как сумма индивидов и их деятельностей, а как развивающаяся из одного корня, разветвленная, но, в сущности, единая деятельность, когда исходят из того, что человечество осуществляет одну деятельность, расчленяющуюся внутри себя, развивающую свою универсальность как единое в многообразном ... » [20, с.206].

Такая двусмысленность является хорошей почвой для субстанциализации предметной деятельности. Именно это понимание до недавнего времени было основным и в большой степени характерным для философских и психологических концепций человека.

Способствовало такой трактовке категории «предметная деятельность» то обстоятельство, что другой традицией рассмотрения деятельности как специфически человеческой активности стало «рефлекторное» направление, имеющее свои исторические корни в физиологии высшей нервной деятельности, впоследствии закрепившееся в психологическом бихевиоризме: «... По традиции, поскольку само понятие деятельности фор-

мировалось из понятия «поведение», деятельность как таковую в большинстве случаев рассматривали как атрибут отдельного человека, как то, что им производится, создаётся и осуществляется, а сам человек в соответствии с этим выступал как «деятель» ... » [70, с.241].

По-видимому, именно «рефлекторная» традиция побудила некоторых философов трактовать деятельность в ортодоксальном субстанциалистическом плане. Причём, основанием для такой трактовки является не только сам Гегель, что, в общем-то, было бы понятно, но и К.Маркс, приписывание которому субстанциалистской позиции весьма спорно, а может быть даже и ошибочно: « ... Но есть совершенно иная точка зрения. Работы Гегеля и Маркса утвердили рядом с традиционным пониманием деятельности другое, значительно более глубокое: согласно ему человеческая социальная деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как исходная универсальная целостность, значительно более широкая, чем сами «люди». Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: она само «захватывает» их и заставляет «вести» себя определенным образом. По отношению к частной форме деятельности – речи-языку – В.Гумбольдт выразил сходную мысль так: не люди овладевают языком, а язык овладевает людьми ... » [70, с.241].

Тем не менее, многие современные философы склонны трактовать деятельность субстанциалистски, подчёркивая её всеобщий, безличный характер: « ... Ещё одной важной чертой деятельности, на которую редко обращают внимание, является её безличный характер. Деятельность безлично в том смысле, что она не зависит от того, кто именно её совершает. Последовательность операций и используемые средства детерминируются целью и объективными условиями деятельности, а не особенностями субъекта ... » [49, с.55].

Основанием для такой субстанциализации деятельности служит очевидный эмпирический социо-культурный факт, который сам по себе не вызывает никакого сомнения: « ... Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью. Можно сказать, что универсум социальной челове-

ческой деятельности сначала противостоит каждому ребенку: чтобы стать действительным человеком, ребёнок должен «прикрепиться» к системе человеческой деятельности, это значит – овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности ребёнок становится человеком и личностью ... » [70, с.241].

Этот факт ничего другого, по сути дела, и не утверждает, как существование изначально независимо от индивидуального сознания (объективно) пространства материальной культуры.

Но вот выводы, которые делаются исследователями, разделяющими субстанциалистские взгляды, на наш взгляд, являются в высшей степени спорными: « ... Но изнутри ни одно специфически личностное действие не возникает. ... Внешнее усваивается, осознается, становится внутренней сущностью индивида, а затем снова объективируется в человеческой деятельности и поведении, чтобы вернуться к действительности и регулировать взаимодействие объекта и субъекта, принимая в сознании и деятельности специфически человеческую форму ... » [66, с.13].

В особенности это касается некоторых утверждений о человеке как элементе машинообразной структуры деятельности-субстанции: « ... При таком подходе, очевидно, универсум социальной деятельности не может уже рассматриваться как принадлежащий людям в качестве их атрибута или достояния, даже если мы берем людей в больших массах и организациях. Наоборот, сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в неё либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т.п. деятельность, рассматриваемая таким образом, оказывается системой с многочисленными и весьма разнообразными функциональными и материальными компонентами и связями между ними ... » [70, с.242].

2.3. Сознание как субъект деятельности

В гносеологической концепции Гегеля, как известно, активным, деятельным началом является сознание; для сознания деятельность является его собственной сущностной характеристикой: « ... Сознание же определяет себя в противоположность оп-

ределению как то сознание, которому присуща определенность как негативность вообще, как действие ... » [14, с.214].

Отсюда и понятие у Гегеля определяется активно, как форма действия (деятельности): « ... понятие есть действие сознания ... » [14, с.305].

Следуя дальше, видим, что действительность у Гегеля определяется через деятельность (поступок), поэтому действительность сознания как субъекта деятельности и есть сама деятельность (сам поступок): « ... действительное моральное сознание есть сознание, совершающее поступки; в этом именно состоит действительность его моральности ... » [14, с.331].

В понятии «деятельность» для Гегеля заключена созидательная потенция сознания, потенция его самопорождения. А содержанием понятия «деятельность» является его самообусловленность, его самодетерминированность как истинного субъекта: « ... категория, которая в наблюдении прошла через форму бытия, установлена теперь в форме для-себя-бытия; сознание более не хочет непосредственно находить себя, а хочет порождать себя само своей деятельностью. Оно само есть себе цель своего действия, тогда как в наблюдении для него важны были только вещи... » [14, с.185].

По Гегелю, смысл деятельности для сознания заключается в том, что именно сама природа деятельности позволяет сознанию стать предметом для самого себя, т.е. деятельность есть способ становления сознания как субъекта деятельности. Именно благодаря деятельности, сознание знает себя, т.е. деятельность по своей природе является категорией внутренне рефлексивной.

Деятельностная сущность индивида проявляется только в самой деятельности, поэтому человеческий индивид – это всегда действующий индивид. Поскольку он сам является целью своей деятельности, постольку сама деятельность внутри противоречива: до начала деятельности индивид, с одной стороны, не может иметь цели, а с другой стороны, – он должен иметь цель. Именно деятельность является способом разрешения этого противоречия: « ... Сознание должно проявлять деятельность только для того, чтобы то, что оно есть в себе, было для него, или: деятельность и есть становление духа как сознания. Что есть оно в себе, оно знает, стало быть, из своей действительности. Индивид

поэтому не может знать, что есть он, пока действованием не претворил себя в действительность. - Но тем самым он, по-видимому, не может определить цель своего действия, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперед иметь перед собою поступок как целиком свой поступок, т.е. как цель. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает лишь из действия, а чтобы действовать, у него наперед должна быть цель. Но именно поэтому он должен сразу начинать и при любых обстоятельствах должен приступать к деятельности, без всякого размышления о начале, средствах и конце; ибо его сущность и в-себе-сущая натура есть всё в одном; начало, средство и конец. Как начало она имеется налицо при обстоятельствах, когда совершаются поступки; и интерес, который индивид находит в чём-нибудь, есть уже данный ответ на вопрос: следует ли здесь действовать и как ... » [14, с.212].

2.4. Предметная деятельность как основа диалектической логики

В советской диалектической традиции, продолжающей традицию предметной деятельности Маркса, было принято рассматривать целостную деятельность не просто как одну из категорий, наряду со всеми остальными, выражающими человеческое в человеке, а как категорию, которой придаётся ключевое значение не только с точки зрения выражения сущности человека, но и в связи с решением глобальных проблем развития как сущностной характеристики объективного мира в целом. В этом смысле считается, что деятельность есть системообразующая категория диалектической логики: « ... мы рассматриваем целостную предметную деятельность, ступени ее развития как главное основание внутренней взаимосвязи категорий диалектической логики ... » [20, с.90].

Предметная деятельность есть универсальный способ генезиса всего человеческого, способ происхождения любых новых форм человеческого существования, способ трансформации со-

держания объективного мира в формы человеческого мышления и сознания: « ... Именно чувственно-практическая деятельность людей оказывается ближайшей перспективой мышления, источником формирования логических форм. Тут не может быть простого сопоставления логических форм и предметного содержания, необходим анализ претворения этого предметного содержания в процессе предметной деятельности общественного человека в формы его мышления. Только при таком подходе формы мысли обнаруживают свою содержательность, свою неразрывную связь с объективной реальностью. Попытка же непосредственного сопоставления форм мысли как таковых с формами вещей, игнорирующая генезис мышления, необходимо приведет к неудаче ... » [20, с.89].

Более того, считается, что только предметная деятельность человека является адекватным средством для построения системы логических категорий, диалектической логики в целом: « ... только изучая реальное функционирование предметной деятельности человека ... мы можем ... обосновать структуру, основные этапы диалектико-материалистической логики ... » [20, с.90].

В связи с этим, содержательной основой для выведения структуры диалектической логики являются механизмы предметной деятельности и закономерности её осуществления: « ... Исследование закономерностей человеческой практической деятельности, механизма ее функционирования должно быть ключом к разгадке истинной субординации логических категорий и принципов диалектики ... » [20, с.87].

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что предметная деятельность – это не просто содержательная основа структуры диалектической логики, а сама структура диалектической логики непосредственно выводится из структуры предметной деятельности: « ... структура диалектической логики должна соответствовать основной структуре целостной предметной деятельности, основным этапам ее функционирования ... » [20, с.90].

2.5. Деятельность как универсальная категория

Диалектика содержания и формы как внутренний источник самодвижения объективного мира, в предметной деятельности человека приобретает новое качество. В предметной деятельности, как в социальной форме движения материи, форма развития впервые совпадает со своим содержанием. Это означает, что предметная деятельность (и её непосредственно-чувственная форма) как универсальная форма движения способна воспроизводить любые формы объективного мира как свои собственные: « ... В своем развитии материя последовательно, «ступенчато» движется к совпадению своего внутреннего содержания с формой движения. Содержание материи при этом и совпадает и не совпадает со своей формой (формой движения) - это и есть побуждающая сила ее развития, причина перехода от одной формы движения к другой. В социальной форме своего движения материя наконец достигает наивысшего своего результата в осуществлении такого тождества. Чувственно-предметная деятельность, практика оказывается такой формой движения [материи. - В.А.], которая способна любые другие формы материи превращать в свои собственные, внутренние формы ... » [21, с.168].

Человеческая предметная деятельность имеет универсальный характер, т.е. является такой формой саморазвития, которая не имеет никакого заранее установленного внутреннего предела, а, следовательно, способна преодолевать любые ограничения и выходить за пределы любых собственных конечных форм и содержаний: « ... Универсальность и всеобщность материи, согласно диалектике развития, необходимо, следовательно, определять не по объему охватывания в пространстве, а именно по принципу самодвижения и саморазвития той или иной реальности, а в этом отношении практическая деятельность человека, т.е. развитие его реальных способностей, особенно на высшем этапе социальной организации, не имеет в себе никакого предела, определенного раз и навсегда масштаба, и в указанном смысле она бесконечна ... » [20, с.159].

Но предметная деятельность должна пониматься не только как антропологическая категория. Предметная деятельность – универсальный способ выражения универсального содержания

объективного мира. Предметная деятельность является такой формой, в которой сама объективная реальность (объективный мир) порождает собственную универсальность: « ... Природа не просто пассивно отражает свое универсальное содержание в человеческой деятельности, она выражает его в ней. Иными словами, эта универсальность не существует где-то абстрактно, вне разумной деятельности, а именно в последней материя доводит, достраивает до высшего состояния свою всеобщность, универсальность ... » [21, с.170].

Уникальность категории «предметная деятельность» заключается в её универсальности. Выражая, с одной стороны, универсальные характеристики объективного мира, а с другой стороны, выражая сущность человека как универсального существа, предметная деятельность является стратегической, системообразующей категорией для всех гуманитарных наук: « ... «в современном познании, особенно гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью даётся универсальная характеристика человеческого мира» (Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.,1978. с.266) ... » [68, с.9].

2.6. Деятельность как ключевое понятие, выражающее сущность человека

Монизм как способ построения парадигмального знания на основании одной категории, применительно к проблеме человека представляется как способ выведения всего человеческого из одного общего основания и предполагает конструирование такой базовой категории, которая бы могла быть положена в основу всей картины объективного человеческого мира. Марксизм как философская концепция человека, является одним из вариантов такой монистичекой парадигмы. А категория предметной деятельности является базовой категорией марксистской концепции человека: « ... предметная деятельность. Это безусловно первейшая категория культурно-исторической диалектики К.Маркса ... » [8, с.66].

Мы полагаем, что категория «предметная деятельность» может стать ключевой для построения целостной модели человека и человеческого мира: « ... Деятельность – это фундамен-

тальное философское понятие, сопоставимое по своей общности с категориями общественного бытия и сознания, оно является родовым по отношению к конкретным видам деятельности. Это ключевое понятие для понимания специфики «мира человека» ... » [38, с.196].

2.7. Деятельность как основной способ бытия (сущность) человека

Уже в гегелевской концепции внутренняя сущность человека понимается как такая действительность, которая способна выразиться только в деятельности: « ... индивидуальный человек есть то, что есть оно [действие. - В.А.] ... » [14, с.172]. Местами Гегель прямо говорит о тождественности человека и его деятельности: « ... действительный человек, т.е. его действие ... » [14, с.173]; « ... Истинное бытие человека ... есть его действие ... » [14, с.172].

Развивая положение Гегеля о значимости труда как способа выражения человеческой сущности, К.Маркс прямо определяет труд как всеобщий способ выражения и утверждения человеческой жизни, характерный именно для человека, независимо от конкретно-исторической формы социальной жизни: « ... Труд ... производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для необщественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение ... » [43, с.344].

В своих трудах К.Маркс всегда соотносит труд (чувственную форму предметной деятельности) с существенными характеристиками жизни и деятельности человека: « ... «промышленную, трудовую деятельность» Маркс ставит во главу угла везде, где только дело касается существенных вопросов жизни и деятельности человека ... » [47, с.20].

Как и Гегель, он прямо указывает на деятельность как на человеческую сущность: « ... что человек делает, таков он и есть ... » [47, с.154]. Вслед за Гегелем и К.Марксом современные фи-

лософы утверждают, что: « ... человек есть не что иное, как ряд его поступков ... » [47, с.155].

Идея совпадения деятельности и самого деятельного человека является главной для диалектической традиции изучения человека, в том числе она разделяется и современными философами: « ... В непосредственном процессе деятельности (поскольку он совпадает с самим человеком) ... » [30, с.24].

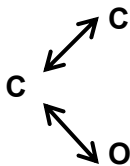
Под отождествлением человека и предметной деятельности, иначе говоря, под совпадением человека и предметной деятельности, конкретно понимается то, что предметная деятельность есть истинно человеческий способ существования («осуществления», как писал С.Л.Рубинштейн), как способ его отношения к объективному миру: « ... Только у человека любой объективный способ его существования, способ его отношения к миру как реальность обнаруживается прежде всего в процессе деятельности и как деятельность, а не как вещная оформленность ... » [19, с.7].

Предметная деятельность как производство является, с одной стороны, способом осуществления жизнедеятельности, а с другой – глубинной основой человеческой жизнедеятельности: « ... Оно [производство. - В.А.] есть способ и основа непосредственной жизнедеятельности общественного человека ... » [11, с.21].

Будучи, с одной стороны, непосредственным способом человеческого осуществления (существования), с другой стороны, предметная деятельность как категория является средством раскрытия специфики человеческого способа существования как особой формы движения материи: « ... Деятельность, как методологический принцип (принцип деятельности), служит раскрытию специфики социальной формы движения материи, способа существования человека ... » [22, с.112].

В свете методологического кризиса современной отечественной психологии, в частности, вызванного политическим кризисом марксистской идеологии, особое значение для психологии, с нашей точки зрения, имеет содержание и внутренняя структура самой предметной деятельности. В связи с этим, следует особо подчеркнуть, что в философии принято рассматривать предметную деятельность не как субъект-объектное отно-

шение, а как единство двух векторов: субъект-субъектного и субъект-объектного: « ... Деятельность характеризует всю систему:

в аспекте проявления сущностных сил человека. Только при этом условии приобретают подлинное значение характеристики деятельности как «способа существования человека», как «человеческого способа отношения к миру». При таком понимании деятельностный подход действительно может быть методологической основой для понимания познания в контексте социокультурной жизни, для решения многих актуальных теоретических и практических проблем ... » [57, с.80].

Наряду с широко распространённым в философии мнением о предметной деятельности как ведущей категории, выражающей человеческий способ существования (осуществления), тем не менее, ставятся под сомнение эвристические возможности этой категории. Такая критика имеет место как «снизу», так и «сверху».

Критика «снизу» сводится в отказе категории деятельности в универсальности и способности выразить сущность человека и, как правило, противопоставляют ей категорию «активность». С нашей точки зрения, такая критика свидетельствует лишь о том, что авторы неадекватно понимают сущность марксистской категории «предметная деятельность», а оперируют её эрзац-заменителем, особенно популярным в естественной психологии. Этот «заменитель» – понимание деятельности как воздействия (или взаимодействия), как воздействия на вещественный предмет или другого человека, как исключительно субъект-объектное отношение.

Критики категории деятельности «снизу» почему-то не отказываются от неё самой, но интерпретируют деятельность не как самостоятельную категорию, а как человеческую форму активности. В этом случае деятельность выступает как производная от активности, а развитие деятельности как формы активно-

сти всегда детерминировано не самой деятельностью (как у К.Маркса), а активностью.

Среди этих двух «критик» более значимой нам представляется критика «сверху», когда деятельность противопоставляется креативности как сущностному свойству самого объективного мира. Но и в этом случае деятельности приписывается только один из её аспектов – субъект-объектный вектор, и она именно к нему и сводится: « ... Концепция порогов распредмечиваемости ставит под сомнение тезис, что деятельность есть способ бытия человека, его культуры и т.п.; на самом деле деятельность есть способ бытия лишь допороговых содержаний ... » [9, с.28].

Такая критика, с нашей точки зрения, ещё больше утверждает уверенность в том, что деятельность есть двунаправленный вектор и не может быть описана полностью только механизмами распредмечивания-опредмечивания, которые характеризуют как раз только её объектный (воспроизводящийся) аспект: « ... Запороговые содержания требуют не просто разворота деятельности в ином специальном направлении, но принципиально иного уровня её совершенства ... » [9, с.28].

Поэтому для преодоления порогов распредмечивания необходимо рассмотреть деятельность уже не как субъект-объектное отношение, а как субъект-субъектное, рефлексивное, способное вывести её на новый уровень возможностей распредмечивания.

В любом случае, предметная деятельность как историческая категория в процессе собственного развития приобретает всё большую целостность и всё большую адекватность универсальному содержанию объективного мира: « ... сущностная или истинная реальность человека представляет собой совокупную, взаимосвязанную предметно-практическую деятельность человечества, исторически приобретающую все большую и большую целостность ... » [30, с.9].

2.8. Предметная деятельность как человеческое отношение

Важнейшим методологическим вопросом деятельностной проблематики человека является вопрос о содержании категории «предметная деятельность». Нам представляется, что именно с ним связано многообразие «прочтений» термина «деятель-

ность» в психологии и философии, и именно с ним связан сегодняшний кризис деятельностной проблематики в психологической науке.

И здесь необходимо напомнить, что сам К.Маркс, вводя категорию предметной деятельности, характеризовал её содержание как отношение: « ... Отношение человека как субъекта, к природной среде, как к объекту, Маркс называет трудом ... » [47, с.36].

Среди современных философов, в том числе разрабатывающих так называемый системный подход, также распространено понимание деятельности как отношения: « ... «Исходным отношением человека к миру является не пассивная реакция, а практическое преобразование предметной среды» ... » [4, с.213].

Диалектически ориентированные философы рассматривают категорию «предметная деятельность» не как понятие конкретной теории деятельности, а как выражающее исходное человеческое отношение, являющееся фундаментальной основой универсального объяснительного принципа: « ... категория деятельности, означающая определенный способ отношения к действительности, представляет, по нашему мнению, не исходное понятие какой-либо теории деятельности, а основу деятельностного подхода к анализу «человеческого мира», выступает, пользуясь терминологией Э.Г.Юдина, как отправной «объяснительный принцип» этого анализа ... » [68, с.20].

Деятельность как человеческое отношение является выражением сущности человека, специфики его существования, независимо от конкретно-исторической эпохи и конкретной формы социальности: « ... деятельность как собственное человеческое отношение к миру остается таковой независимо от конкретно-исторической формы её социальности (революции, традиции, эскапизма, активизма и т.п.). И уж во всяком случае ограниченность деятельностного подхода не доказывается недостатками тех или иных концепций деятельности ... » [27, с.180].

При этом предметная деятельность понимается не просто как человеческое отношение, а как отношение, предполагающее главное человеческое свойство - творчество: « ... Где нет предметно-деятельностного процесса-отношения и актуализируемо-

го им субъектного бытия с его свободой, там нет и творчества ... » [8, с.171].

Знаменательным, с нашей точки зрения, является различное толкование содержания предметной деятельности как философской категории и как психологического понятия. По сути дела, определяя предметную деятельность как специфически человеческое отношение в философском аспекте, некоторые авторы подчёркивают её предметность, т.е. внешнюю детерминированность. Но как только дело касается психологического аспекта, деятельность почему-то интерпретируется как функция, т.е. как внутренне детерминированное отношение: « ... Деятельность. 1. В философии – специфически-человеческий способ отношения к миру – «предметная деятельность» (Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей Д. ... В Д. человек относится к каждому предмету не как носитель чуждой этому предмету потребности и цели, а адекватно его природе и особенности: он осваивает предмет, делает его мерой и сущностью своей активности, при этом человек не просто взаимодействует с природой, а сам выступает как сила природы 2. В психологии – понятие, характеризующее функцию индивида в процессе его взаимодействия с окружающим миром ... » [63, с.108].

Подобная же точка зрения представлена и в более поздних изданиях: « ... Деятельность. 1. В философии – специфически-человеческий способ отношения к миру – «предметная деятельность» (Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы – объектом своей Д. ... В Д. человек относится к каждому предмету не как носитель чуждой этому предмету потребности и цели, а адекватно его природе и особенности: он осваивает предмет, делает его мерой и сущностью своей активности. При этом человек не просто взаимодействует с природой, а постепенно включает её саму в состав своей материальной и духовной культуры 2. В психологии – понятие, характери-

зующее функцию индивида в процессе его взаимодействия с окружающим миром ... » [62, с.91].

Нам представляется, что такое противоречивое понимание предметной деятельности самими философами создало благоприятную почву в психологии для искажённого толкования содержания понятия «деятельность».

Принцип предметной деятельности как универсальный философский объяснительный принцип выражает человеческий способ соотношения с объективным миром, способ генетической связи между человеком и объективным миром: « ... я за применение категории деятельности для выражения существа специфически человеческого взаимоотношения с миром при условии достаточно широкого понимания определяющих признаков деятельности. Они связаны для меня прежде всего с «открытостью» деятельности по отношению к объемлющему её бытию, будь оно вне или внутри человека, что, кстати замечу, в принципе исключает субстанциализацию деятельности и какую-либо абсолютизацию «человеческого начала», антропоцентризм, выражающийся, в частности, в концепции тождества субъекта и объекта гегелевского или псевдогегелевского толка ... » [67, с.163].

Существенным и чрезвычайно важным, с нашей точки зрения, является тот факт, что деятельность сама по себе – это не способ осуществления какого-то отношения, она и есть это человеческое отношение: « ... предметная, материально-производственная деятельность не есть просто процесс, опосредствующий отношение субъекта и объекта, а есть само это отношение ... : деятельность и является реальным отношением индивида к внешнему миру, к другим людям ... » [20, с.206].

Важность данного утверждения для нас заключается в том, что оно является критерием различения деятельности и не-деятельности (активности).

Прямым следствием признания деятельности отношением, является вывод о её самодетерминированности и самодостаточности. В этом случае деятельность не только характеризует сущность самого человека, но и выражает его самодостаточность как проявление самодетерминированности объективного мира.

Если же мы признаём, что деятельность есть способ осуществления какого-то отношения, то, тем самым, мы автоматически признаём, что за деятельностью должна находиться какая-то особая реальность, которую деятельность выражает и которой деятельность детерминирована. Вот тогда-то, по нашему мнению, и появляется активность как необходимое начало деятельности, тогда деятельность и превращается в форму проявления активности.

На наш взгляд, вторая позиция не только не имеет ничего общего с марксистским пониманием предметной деятельности, но кроме этого, просто закрывает возможность рассмотрения человека как универсального существа. Поскольку универсальность подразумевает предметность, то в этом случае активность забирает на себя детерминирующий фактор, деятельность превращается во второстепенную категорию, обслуживающую активность, а человек превращается в естественное существо, выражающего собой всеобщую естественную причинно-следственную связь как закон любой мыслимой и немыслимой действительности.

В этом случае вопрос об особом статусе человека не стоит, поскольку его предназначение как естественного существа заключается в отражении объективной реальности и следовании её законам. Он выражает собой всеобщие законы причинной детерминации, но не делает их предметом собственной индивидуальной деятельности. Он осуществляет всеобщие законы причинной детерминации, но не является их созидателем. Законы объективного мира и собственной жизнедеятельности никогда не становятся предметом его собственной индивидуальной активности.

2.9. Цель как конституирующая составляющая предметной деятельности

а). деятельность и сознание

Категория деятельности имманентно включает в себя категорию сознание, то есть предметная деятельность – это отношение, которое осознаётся как отношение. Этим осознанием собственного отношения человек и отличается от животного: « ...

человек отличается от животного именно тем, что он знает, что он такое и что он делает ... » [13, с.110]

Осознанность закреплена в структуре человеческой деятельности как цель. Развивая гегелевскую категорию цели, К.Маркс применяет её для выражения сущности предметной деятельности. По Марксу, цель как закон определяет всю деятельность, определяет вообще всё существование человека.

Следовательно, деятельность как человеческое отношение всегда предполагает сознание как форму существования самого этого отношения как самостоятельной действительности: « ... в любой данный момент не может существовать деятельность без имманентно присущего ей сознания, без управляющей программы ... » [57, с.73].

При всём при том, что именно марксизм ввёл в философию категорию предметной деятельности и трактовал цель как её ведущий детерминирующий фактор, тем не менее, в своих теоретических разработках первоначально сам К.Маркс отдавал преимущество чувственной форме предметной деятельности (труду). После него последующая марксистски ориентированная социальная и научая практика ещё больше сдвинула акценты в анализе ведущих факторов деятельности с рациональной сферы (сознания) на чувственную. Это дало основания некоторым философам обоснованно говорить о недооценке самим К.Марксом фактора сознания и необходимости уточнения самого содержания марксистского учения: « ... Однако марксизм ... недооценил роль общественного сознания, субъективного фактора в истории. В наше время ... необходима корректировка в марксистском учении ... » [48, с.12].

б). деятельность и мышление

Одним из ведущих отношений внутри самой деятельности является, наряду с отношением деятельности и сознания, отношение деятельности и мышления. Уже Гегель определял мышление (разум) как деятельность. Точнее, по Гегелю, разум – это и есть деятельность: « ... разум есть целесообразное действие ... » [14, с.11].

Таким образом, в гносеологических концепциях, мышление представляет собой высшую форму деятельности – деятельность как таковую, независимо от её предметного содержания, как

«чистую» форму: « ... Мышление как деятельность есть, следовательно, деятельность вообще - деятельность, производящая именно себя, так как деяние, то, что произведено, есть всеобщее ... » [13, с.112]. Более точно можно сказать, что мышление есть деятельность по производству самой себя: « ... наука логики рассматривает мышление в его деятельности и в его продуктах (а мышление не есть бессодержательная деятельность, ибо оно производит мысли и мысль как таковую) ... » [13, с.110].

Замкнутость гносеологического мышления на самоё себя неоднократно подвергалась критике со стороны материалистов. Такое понимание мышления, по их мнению, не только не придавало решающего значения практической деятельности людей, но и сам предметный мир понимался как продукт гносеологической деятельности мышления: « ... Для Гегеля чувственно-предметная деятельность миллионов людей, создающих своим трудом то тело культуры, самосознанием которого является научное мышление, остается вне поля зрения, кажется “предысторией” мышления. Поэтому внешний мир выглядит как “сырьё” для производства понятий, как внешний материал, который нужно обработать посредством наличных понятий, чтобы они были конкретизированы.

Мышление, таким образом, превращается в единственно активную и творящую «силу», а внешний мир - в поле его применения ...» [25, с.155].

С материалистической точки зрения, картина мира по Гегелю представляет собой как бы «перевернутое» изображение, «Перевернутое» в смысле генетической обусловленности предметного мира и мышления: « ... Реальная картина человеческой жизнедеятельности получает здесь перевернутое, с ног на голову поставленное изображение. В действительности человек мыслит потому, что такова его реальная жизнедеятельность. Гегель же говорит наоборот: реальная человеческая жизнедеятельность такова потому, что человек мыслит в согласии с определенной схемой. Естественно, что все определения человеческой жизнедеятельности, а через нее и положения вещей вне головы человека, фиксируются здесь лишь постольку, поскольку они «положены мышлением», выступают как результат мышления ... » [25, с.153].

В результате выясняется, что следствием фундаментальной концептуальной установки самого Гегеля является рассмотрение самого мышления в качестве субъекта деятельности. Поэтому и субъект, и деятельность в гегелевской концепции имеют явно выраженный гносеологический характер. Такие общие установки гегелевской философии явно противоречат материалистической картине мира, в которой именно предметный мир является генетической основой мышления, а само мышление трактуется как превращённая форма предметной деятельности: « ... Если Гегель ... рассматривал мышление как подлинный субъект деятельности, то в марксистской логике оно трактуется как идеальная форма предметной деятельности. Мышление не является самостоятельной реальностью и поэтому не может иметь особых законов параллельно с законами бытия, но в своем развитии подчиняется всеобщим законам развития природы, общества и человеческой познавательной деятельности. Диалектико-материалистическая логика, следовательно, исходит из идеи диалектического тождества, понимаемого материалистически. А это означает, что мышление, идеальное, являясь формой материального, в своем развитии подчиняется тем же всеобщим законам, которым подчиняется развитие самой материальной действительности ... » [20, с.20].

Поэтому материализму было свойственно трактовать мышление как идеальную действительность реального тела, относящегося с реальными же телами в реальном пространстве, а не в пространстве «знаков»: « ... Мышление есть деятельность мыслящего тела, имеющего дело с реальными телами в реальном пространстве, а вовсе не со «знаками» ... » [26, с.219-227].

Материализм трактует мышление как результат и продукт предметной деятельности, а не как её исходный момент: « ... разум есть прежде всего результат и продукт опосредствующей предметной деятельности человека ... » [47, с.138].

В материалистической концепции мира мышление есть та «искусственная» действительность, в которой обретают собственную самостоятельность законы объективного мира, воспроизводящиеся предметной деятельностью: « ... Всеобщие законы формирования самой природы раскрываются в предметной деятельности человека, всеобщие же законы последней в свою оче-

редь отражаются во всеобщих законах человеческого мышления ... » [21, с.155].

Таким образом, мышление не является субъектом деятельности, но является особой «идеальной» формой самой предметной деятельности: « ... мышление является формой предметной деятельности ... » [20, с.97].

Исходной формой мышления, так же как и в целом предметной деятельности, является непосредственно-чувственная форма: « ... Мышление в широком смысле слова, как деятельность, изменяющая образы внешнего мира вообще, выраженные в словах (а не слова сами по себе), мышление, «которое деятельно во всем человеческом и сообщает всему человеческому его человечность», как способность, создающая знание в любых формах, в том числе в форме созерцательных образов, и «проникающее» в них, а отнюдь не только субъективно-психологический акт обращения со словами и есть предмет логики – науки о мышлении.

Мышление «выступает сначала не в форме мысли, а в форме чувства, созерцания, представления – в формах, которые должно отличать от мышления как формы». Форма мышления как таковая выступает перед нами только в ходе мышления о самом же мышлении, только в логике ... » [25, с.121]. Вышеизложенное положение показывает нам, что и у деятельности, и у мышления имеются общие основания, основания, которые кроются в специфике не идеальной, а чувственной формы.

И далее предполагается, что теоретическим формам мышления и сознания предшествует чувственная форма отражения, так называемое эмпирическое сознание, которое существует до и независимо от теоретической формы. Таким образом, утверждается, что теоретическим формам деятельности (теоретическому мышлению и теоретическому сознанию) предшествуют не только сам предметный мир, но и непосредственно-чувственная, эмпирическая форма деятельности: « ... этот способ [от абстрактного к конкретному. – В.А.] предполагает, во-первых, существование неосмысленной конкретности, во-вторых - практически предметную деятельность общественного человека, развивающуюся независимо от мышления, и, в-третьих, - непосредственно-чувственную форму отражения объективной конкретности в

сознании, т.е. эмпирическое сознание, созерцание и представление, формирующееся опять-таки совершенно независимо и до специальной теоретической деятельности. Иными словами, теоретическому мышлению предпосылается существование не только предметного мира, но и другая форма сознания, непосредственно образующаяся в ходе чувственно-практической деятельности, - практически-духовный способ освоения мира, как её называет Маркс ... » [24, с.138].

В философии (и в психологии) существует иная трактовка предметной деятельности, не как способности воспроизводить (и производить) логику своего предмета, а как способность манипулировать с материальными или материализованными предметами. Исходя из такой трактовки, утверждается, что познавательная деятельность формируется в условиях вот такой «предметной» деятельности: « ... В философии диалектического материализма подчеркивается, что осуществляющееся на основе определенных эталонов и объектных норм познание во всех его формах, начиная с восприятия, формируется в процессе активной практической деятельности субъекта с материальными предметами. Исходным отношением человека к миру является не пассивная рецепция, а практическое преобразование предметной среды ... » [38, с.157].

Но какой бы ни придавать конкретный смысл содержанию понятия «предметная деятельность», с материалистической точки зрения мышление – это всегда всеобщая форма предметной деятельности, схемы которой и составляют «субстанцию» самого мышления: « ... Рассматриваемое как деятельность мыслящего существа в ее всеобщей форме, мышление и фиксируется в тех его схемах и моментах, которые остаются инвариантными, в каком бы особенном (частном) материале соответствующая деятельность ни выполнялась и какой бы продукт она в том или другом случае не производила ... » [25, с.120].

При этом, содержанием категорий мышления является совпадение всеобщего способа формирования вещи и всеобщего способа деятельности: « ... Совпадение всеобщего способа формирования любой вещи и всеобщего способа деятельности имеет своим компонентом всеобщий идеальный образ этого процесса - систему всеобщих категорий мышления ... » [20,с.220].

Здесь можно утверждать, что с точки зрения материализма мышление – это идеальная действительность всеобщих форм деятельности, выражающих собой всеобщие способы происхождения предметного мира.

В этом смысле, сама предметная деятельность, социальные отношения рассматриваются как содержательная основа возможности формирования мышления: « ... Предметная, практическая деятельность, общественные отношения рассматриваются как основа формирования мышления ... » [20, с.63].

Вообще, общей установкой для материалистически понимаемой диалектики является положение о том, что: « ... Человек вырабатывал о предмете определенное знание лишь тогда, когда он его активно вовлекал в сферу своей практической деятельности ... » [20, с.93].

На основании приведённых выше положений следует подчеркнуть, что применение философского принципа деятельности в изучении человека и его внутреннего мира предполагает, что субъектом деятельностного отношения является целостный человек, а не тот или иной его орган. Этот очевидный с точки зрения деятельностной сущности человека факт, совсем неочевиден в другой парадигме, где под сущностью человека понимается не предметная деятельность как истинно человеческое самодетерминируемое отношение, а активность (рефлекторная деятельность мозга), в результате оказывающаяся исходным детерминирующим фактором самой деятельности человека в целом: « ... Мыслит, т.е. действует в идеальном плане, не мозг как таковой, а человек, обладающий мозгом, притом человек в единстве с внешним миром ... » [26, с.219-227].

в). деятельность как единство материального и идеального

Деятельность как человеческая действительность, как истинная действительность человека как универсального предметного существа, по своей сути есть единство материального и идеального. Именно это чудесное свойство деятельности: « ... Именно эта двойственность [единство материального и идеального. – В.А.] даёт деятельности « ... власть наделять материальный мир новым классом свойств, которые, хотя и обязаны нам своим происхождением, обретают бесконечное присутствие в

объективной реальности, существуя независимо от отдельных людей» (Bakhurst, 1991) ... » [34, с.161].

г). диалектика внутреннего и внешнего

Диалектика внешнего и внутреннего традиционно характерна для психологии. В истории психологии можно разделить отдельные школы и направления именно по признакам: какую роль та или иная из них отводила внутреннему или внешнему, или каким образом конкретно решался вопрос о соотношении внутреннего и внешнего в человеке.

В этом смысле категория деятельности не исключение и является собой арену этих содержательных споров.

Разумеется, самое привлекательное, – ~~это~~ пытаться рассматривать внешнее и внутреннее как две стороны некоего единства. Именно с этих позиций и выступал Гегель как классический диалектик, когда утверждал, что: « ... Внешнее, по понятию своему, есть бытие для другого ... » [14, с.144]. Что непосредственно для нас означает: « ... Каков человек внешне, т.е. в своих действиях (речь идет, конечно, не о телесной внешности, не о наружности), таков он и внутренне, и если он только внутренний, т.е. если он остаётся добродетельным, моральным и т.д. только в области намерений, умонастроений, а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое ... » [13, с.308].

Гегель одним из первых в науке сформулировал главное положение культурно-исторического подхода, которое впоследствии было широко использовано в нашей отечественной психологии. Имеется в виду способ происхождения внутреннего из внешнего и способ существования самого внутреннего. Из этого утверждения вышло основное положение культурно-исторической психологии о том, что источник происхождения внутреннего находится не в нём самом, а во внешних культурных предметах. Именно так можно интерпретировать слова Гегеля на его примере статуи: « ... которой присуща лишь внешняя форма самости, а, «внутреннее», деятельность ... , находится вне этой формы ... » 14, с.399].

Подчёркивая сложность соотношения внутреннего и внешнего, Гегель утверждает, что: « ... Та сторона, которая называется «внутренним», имеет свою собственную внешнюю сторону,

которая отлична от того, что в целом называется внешним ... » [14, с.144]. Тем самым он показывает, что диалектика внутреннего и внешнего не ограничивается соотношением «видимого и невидимого», а гораздо сложнее.

Гегель считает, что способом разрешения противоречия между внешним и внутренним является деятельность, а средство деятельности – это и есть как раз та действительность, которая делает возможным эту связь внешнего и внутреннего: « ... средство есть единство внешнего и внутреннего ... » [14, с.213].

С точки зрения самого Гегеля, «внутренним» (содержание деятельности) является цель, а «внешним» – реальная предметная действительность. Их единство в деятельности и даёт основание Гегелю утверждать, что внешнее есть выражение внутреннего: « ... Таким образом, мы видим, что под внутренним приблизительно подразумевается понятие цели, а под внешним – действительность; и их соотношением порождается закон, гласящий, что внешнее есть выражение внутреннего ... » [14, с.142].

Если, как известно, с точки зрения Гегеля, предметная действительность как внешнее есть материал для спонтанной активности сознания, то с марксистской позиции продукты деятельности являются детерминирующими факторами развития самой деятельности: « ... Внешние условия деятельности есть результаты прошлой деятельности ... » [30, с.10].

Последнее утверждение открывает перспективу противопоставить (различить) активность и деятельность; рассмотреть деятельность не как внутреннюю активность, внутреннюю спонтанность и самопроизвольность. Теперь мы можем рассмотреть деятельность как рефлексивную категорию, являющуюся, в отличие от активности, предметной, т.е. способной делать предметом порождения объективный мир и самоё себя. Возникновение предметной деятельности знаменует собой возникновение нового типа детерминации, переход с причинной на целевой тип детерминации.

Теперь открываются хорошие перспективы при рассмотрении существа и специфики человеческого способа жизни, возникает возможность уйти от фатальности естественной причинно-следственной детерминированности (внутренним образом детерминированной активности), которая сводит человеческое и

целевое к естественному и причинному. Только с предметной деятельностью появляется возможность объяснять человека из его собственной деятельности, а не из его естественной природы (не из его спонтанности). Но такая возможность открывается только в том случае, если мы откажемся от причинного объяснения человека, и перейдём к его объяснению, исходя из него самого. Т.е. в основу человеческой детерминации положим не причинный, а целевой тип детерминации.

д). историческая динамика содержания целесообразной деятельности

Целесообразность предметной деятельности является проблемной точкой и местом встречи противоборствующих концепций человека. Именно по отношению к цели, целесообразности и целеполаганию можно содержательно различить концепции деятельностные и концепции активистические. Именно цель является тем базовым критерием, на основании которого можно выявить истинное содержание той или иной психологической концепции человека и установить, признаётся сознание детерминирующим фактором деятельности или нет.

На содержательную проблему целеполагания накладывается, кроме всего прочего, ещё и её культурно-исторический аспект. Известно, что свободно целеполагающий человек является не началом, а результатом истории: « ... Человек разумный (способный к целеполаганию) не предпосылка истории, а всегда её результат ... » [64, с.43].

Несмотря на то, что родовой характеристикой человека как предметного существа всеми признаётся способность к целеполаганию, тем не менее, исторически первые люди ещё не имели этой способности в полной мере, или имели, но в весьма зачаточном состоянии: « ... Первоначально, когда человек только выделяется из животного состояния, еще нет целесообразной деятельности ... » [20, с.66].

На исторической границе между биосферой и ноосферой существует ещё инстинктивная форма деятельности, некое подобие целеполагания: « ... В инстинктивных формах труда нет еще человеческого отношения, человеческой целеполагающей деятельности, а есть только некая целеподобная деятельность,

есть желание, потребление, использование готовых результатов природных процессов в своих целях ... » [20, с.67].

И только впоследствии, в процессе культурно-исторического развития человеческого рода спорадическая активность превращается в предметную (целеполагающую) деятельность: « ... В процессе эволюции происходит постепенное превращение спорадической [непостоянной, случайной, являющейся иногда, от случая к случаю. – В.А.] цели, еще удовлетворяемой природными процессами, в целесообразную деятельность, которая является всеобщим условием социальной жизни. Нашему древнему предку целеполагание еще не было свойственно ... » [20, с.66].

Можно сказать, что генеральной тенденцией исторического развития деятельности является всевозрастающее значение её целевой составляющей, возникающей на фоне сознательного употребления орудий: « ... Целесообразная деятельность, играющая вначале подсобную роль и уступающая место размножению как средству выживания, постепенно приобретает все большее значение. Млекопитающие, например, значительно уступают в репродуктивной деятельности нижшим классам живых существ. Однако они лучше используют внешнюю информацию, у них развиваются сложные формы защитной деятельности, забота о потомстве. Условием этого является развитие головного мозга, совершенствование форм отражения и использование информации. У высших животных развиваются способности обобщения, сравнения, появляется опережающее отражение, повышается роль языка. Растет значение орудийно-предметной деятельности ... » [48, с.38].

В своё время ещё К.Маркс сформулировал генетически исходную структуру предметной деятельности на примере структуры труда: « ... Простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда ... » [42, с.170].

При этом необходимо отметить широко известный, но почему-то практически игнорируемый в экспериментальной психологии факт, что только такая деятельность является источником человеческого сознания, предметом которой становится она сама, её собственные средства: « ... Только такая предметная дея-

тельность, которая основана на орудиях и средствах, изготовленных самим человеком, делает труд подлинно человеческой деятельностью. Именно такая деятельность и является основой возникновения и быстрого развития сознания, мышления и других человеческих способностей ... » [20, с.71].

Философы подчёркивают, что целесообразная деятельность – это, прежде всего, способ производства самих средств деятельности для воссоздания условий происхождения предмета деятельности: « ... истинно человеческая целесообразная предметная деятельность ... возникает, во-первых, тогда, когда человек производит нечто, целесообразно изменяет форму вещества природы и еще до начала трудового процесса мысленно представляет результат своей практической деятельности. Во-вторых, она формируется тогда, когда предмет, не представляющий для человека непосредственного интереса, приобретает опосредованное значение в качестве средства производства вещи, соответствующей его потребности. И в-третьих, человеческое отношение к предмету возникает только тогда, когда наши предки, не удовлетворяясь использованием готовых результатов действий природы, стали пытаться сами воссоздавать условия, обеспечивающие возникновение данного эффекта, данного результата ... » [20, с.67].

Предметная деятельность приобретает свою субстанциальную форму (т.е. деятельность становится самостоятельной, в полной мере осуществляется сознательная самодетерминация деятельности) только тогда, когда человек сам, самостоятельно производит средства собственной деятельности (в том числе, орудия труда): « ... трудовая деятельность достигает своей субстанциональной, родовой формы только тогда, когда человек сам изготавливает орудия труда ... » [20, с.70].

Полноценная целесообразная деятельность может быть освоена только в условиях общения и чувственно-предметной формы деятельности: « ... Только в ходе своего общения, предметной деятельности, в процессе овладения общественным опытом человек осваивает целесообразную деятельность ... » [20, с.66].

ВЫВОДЫ:

Историческую логику развития целесообразной деятельности человек воспроизводит и в своём онтогенезе со всеми вытекающими из этого положения последствиями. Это значит, что создание самим человеком средств собственной деятельности является единственным источником саморазвития и в онтогенезе

е). идеальное как форма деятельности

Человеческое отношение предметно, а предметность может быть обеспечена только способностью оперировать идеальным. Проблема идеального – одна из наиболее важных в проблеме предметной деятельности. Идеальное – это *способ удержания* деятельности как таковой: « ... идеальное, как форма человеческой деятельности, и существует только в деятельности, а не в ее результатах ... » [25, с.180].

Идеальное как «чистая» форма деятельности, как способ деятельности, лишённый всякой предметности, существует только в процессе деятельности, но не в её результатах: « ... Идеальное как форма человеческой деятельности, и существует только в деятельности, а не в ее результатах, ибо деятельность и есть это постоянное, длящееся «отрицание» наличных, чувственно воспринимаемых форм вещей, их изменение, их «снятие» в новых формах, протекающее по всеобщим закономерностям, выраженных в идеальных формах. Когда предмет создан, потребность общества в нем удовлетворена, а деятельность угасла в ее продукте, - умерло и само идеальное ... » [26, с.219-227].

Тем самым, можно сказать, что идеальное – это содержание сознания, а форма его существования есть знак: « ... Идеальное, как оно складывается и существует в процессе управления предметной деятельностью, просто-напросто не существует без знаков ... » [54].

Природа идеального (и самого рефлексивного сознания) заключена в уникальной способности человека делать предметом собственной деятельности самоё деятельность: « ... идеальное, по-существу, есть там, где сама схема деятельности превращается для человека в особый предмет, с которым он может действовать, не изменяя при этом до поры до времени реального предмета ... » [54].

Именно эта исходная рефлексивная способность и является содержанием человеческого в человеке и содержательной основой для возникновения рефлексивного сознания.

Наряду с приведённой трактовкой идеального, имеет место и другая его интерпретация [Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.,1983].

Существенное значение категории идеального для проблемы деятельности признают не все учёные, в особенности это касается так называемых онтологических концепций психического. Так, например, признанный современный методолог субъектно-деятельностной психологической концепции К.А.Абульханова-Славская (ученица С.Л.Рубинштейна) признаёт значение идеального только для гносеологических теорий, к которым она почему-то относит концепцию деятельности Э.В.Ильенкова: « ... Признаки предметности и целесообразности наиболее правомерны в гносеологической теории идеального, которая разрабатывалась на протяжении ряда лет в советской философии Э.В.Ильенковым ... » [3, с.6].

ж). знак и деятельность

Непосредственно необходимость в рефлексивном отношении к собственной деятельности возникает у человека в тех случаях, когда возникает необходимость её перестройки, создания новых способов деятельности. Именно в этих случаях сама деятельность становится собственным предметом. Действительностью (пространством), в котором может быть зафиксирован способ, является особое знаковое пространство. Т.е. предметное пространство способов – это знаково-символическое пространство. Именно в форме знака (как его значение) способ деятельности только и может стать предметом самой деятельности: « ... когда в деятельности появляются «разрывы» и предшествующие её звенья уже не могут направлять последующие, возникает потребность в знаках. Знаки выступают заместителями действий, выполняющих роль идеальных образов ... » [54].

Знак является средством осуществления перестройки действия, фиксируя в собственном значении (т.е. в пространстве идеального) способ как таковой, «чистый» способ: « ... В случае нарушения непрерывности в деятельности функцию воплощения идеального образа принимает на себя знак ... » [54].

Поэтому, по-видимому, средством, которое обеспечило возможность гигантского скачка живого существа из биосферы как среды животного мира в собственно человеческое пространство ноосферы, является порожденное им самим идеальное пространство («телом» этого пространства являются «тела» символов и знаков). В ноосфере человек действует над собственной деятельностью в идеальном пространстве предметов-знаков: «... в отличие от орудий человек, оперируя со знаками, воздействует не на сами по себе внешние предметы, а на способ своего поведения. Генетически ... знаки складываются как средство регуляции деятельности и управления ею ... » [54].

3). сущность как цель деятельности

Проблема предметной деятельности – это, прежде всего, проблема цели. В психологии не существует общепринятого определения цели, как не существует и общепризнанного мнения о природе и роли цели в жизнедеятельности человека.

В связи с анализом категории «предметная деятельность», мы неоднократно обращались к философской позиции Гегеля. Это естественно, поскольку он, да ещё К.Маркс, являются немногими из философов, создавшими целостную концепцию деятельности. Из истории философии известно, что К.Маркс в начале своей научной карьеры был «ярким» гегельянцем, и в течение всей своей научной жизни как философ разрабатывал предложенную Гегелем категорию деятельности.

В связи с тем, что психологическое содержание цели как образа будущего результата является неполным и недостаточным, и по этой причине нас не устраивает (хотя это определение в принципе принято представителями обеих деятельностных школ, несмотря на то, что предложено было лидером только одной из них - А.Н.Леонтьевым), мы считаем целесообразным обратиться к истокам возникновения понятия «цель».

И здесь весьма интересным представляется то, как сам Гегель определял содержание цели. На основании его текстов можно сделать вывод, во-первых, что под целью он понимал всеобщее, а не единичный результат; во-вторых, целью деятельности у него является сама деятельность: «... деятельность как таковая есть не что иное, как чистая, лишенная сущности форма для-себя-бытия вещи, и субстанция деятельности, которая есть

не одно лишь определенное бытие, а есть всеобщее, цель деятельности, не находится вне ее; она сама по себе есть деятельность, которая возвращается в себя, а не направляется обратно в себя чем-нибудь посторонним ... » [14, с.141].

Такая трактовка цели ещё недавно могла бы поставить под сомнение научную благонадёжность учёного, рискнувшего её разделить. Но справедливости ради необходимо сказать, что основанием для такого осуждения было бы специфическое понимание материальности, которое в советской науке непосредственно связывалось с субстратностью, вещественностью. В связи с этим, в том «советском» понимании материализм – это позиция, разрешающая главный вопрос философии (о генетической связи материи и сознания) в пользу материи (читай – вещественности).

Современное прочтение Гегеля может быть совсем и не идеалистическим, но и, разумеется, не вещно-материалистическим. Если предположить, что материальность – это вовсе не субстратность (вещественность), а самодетерминированность, то в этом случае Гегель читается просто как философ, который в своей концепции развивает идею самодетерминированности человеческого мира.

В своей трактовке деятельности (и человеческих поступков) Гегель исходит из того, что деятельность (поступок) – это способ выражения действительности и субстанции самой деятельности (т.е. цели), и что действительность есть действительность сущности: « ... действительность цели есть цель поступков. Поступки как раз и выражают единство действительности и субстанции, они говорят о том, что действительность не случайна для сущности ... » [14, с.251].

Идея Гегеля о том, что целью является сама целостная деятельность, её первоначальная сущность, а сама деятельность (поступок) есть способ разрешения внутреннего противоречия между наличной деятельностью и деятельностью будущей нам представляется в высшей степени современной для психологии развития, разрабатывающей проблему самодетерминированности человека: « ... Сознание должно проявлять деятельность только для того, чтобы то, что оно есть в себе, было для него, или: деятельность и есть становление духа как сознания. Что

есть оно в себе, оно знает, стало быть, из своей действительности. Индивид поэтому не может знать, что есть он, пока действием не претворил себя в действительность. - Но тем самым он, по-видимому, не может определить цель своего действия, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперед иметь перед собою поступок как целиком свой поступок, т.е. как цель. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает лишь из действия, а чтобы действовать, у него наперед должна быть цель. Но именно поэтому он должен сразу начинать и при любых обстоятельствах должен приступать к деятельности, без всякого размышления о начале, средствах и конце; ибо его сущность и в-себе-сущая натура есть всё в одном; начало, средство и конец. Как начало она имеется налицо при обстоятельствах, когда совершаются поступки; и интерес, который индивид находит в чём-нибудь, есть уже данный ответ на вопрос: следует ли здесь действовать и как ... » [14, с.212].

ВЫВОД:

Цель есть образ целостной деятельности; идеальная форма целостной деятельности; «проект» будущей деятельности

и). целеполагание как определяющая характеристика деятельности

Уже Гегель различал просто целесообразность и собственно цель как детерминирующий фактор деятельности: « ... в действовании различается целесообразность и цель ... » [14, с.299].

В том числе, Гегель на фоне того, что цель – это сама себя определяющая (себя детерминирующая!) деятельность, уже различил внешнюю и внутреннюю целесообразность: « ... цель «есть самое себя определяющая деятельность (Гегель)». Гегель рассматривает внешнюю и внутреннюю целесообразность. В первом случае содержание целесообразности является внешним для цели ... » [55, с.29].

Понятие целесообразности является достаточно спорным и нечётко определённым. Многие учёные, особенно естествоиспытатели, целесообразную деятельность приписывают в принципе любому живому организму. И в психологии нет необходимой ясности на соотношение целесообразности и цели. Поэтому многие деятельностные психологические концепции человека подразумевают способность к целесообразной деятельности (имеется в виду деятельность, детерминированная целью) и у животных. В этом вопросе, к сожалению, имеется много общего и в обеих деятельностных школах.

Для нас важным является различение целесообразности как характеристики всего живого, и цели, как характеристики истинно человеческой: « ... целесообразное действие свойственно всякому организму, но оно не всегда преследует сознательную цель, что присуще главным образом человеку ... » [51, с.31].

С нашей точки зрения, необходимо категориальное различение цели и целесообразности для того, чтобы в самом философско-психологическом содержании цели было выражено именно человеческое отношение к миру, характеризующее тем, что предметом человеческого отношения является сам человек: « ... в действительности ... цели в то же время содержатся и ... форма этой действительности ... » [14, с.331].

Именно таким образом понимаемая предметность и есть истинно человеческая форма отношения к миру, именно предметное содержание отношения, выражающееся прежде всего в цели, кардинально разделяет человека и весь остальной живой мир. Именно по предметности как рефлексивности и цели как идеальной форме будущей деятельности проходит граница человека и не-человека.

Человек – это в первую очередь сознание как главный детерминирующий фактор предметной деятельности, как генеральная детерминанта всей его жизнедеятельности. Выразителем содержания сознания является цель: « ... Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю ... » [42, с.170].

Именно рефлексивным сознанием, а не просто спорадическим сознанием, которое характерно и для высших животных, отличается человек от животных, сознанием как устойчивым детерминирующим фактором: « ... Маркс говорил, что человек тем отличается от животного, что действует согласно предусмотренной цели, исходя из представлений и идей, построенных им сначала в своей голове ... » [47, с.303].

В материалистической диалектике общепризнанно значение труда для человека и человеческого рода. Но хотелось бы специально подчеркнуть, что содержанием труда (целесообразной практической предметной деятельности) являются сущностные силы природы, которые являются источником всего человеческого в человеке: « ... Труд - целесообразная деятельность, имеющая своим содержанием преобразование, освоение природных и социальных сил для удовлетворения исторически сложившихся потребностей человека, общества ... » [61, с.261].

В связи с этим, можно утверждать, что именно целеполагание является фундаментальной характеристикой предметной деятельности как методологического принципа при анализе сущности человека: « ... Целеполагание и является определяющей характеристикой деятельности как методологического принципа марксистской философии при анализе сознательных действий индивида ... » [23, с.117].

ВЫВОД:

Целеполагание является конституирующим свойством предметной деятельности

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Деятельность как категория Гегеля.
2. Субстанциальность и несубстанциальность деятельности.
3. Сознание как субъект деятельности.
4. Отличие предметной деятельности и деятельности сознания.
5. Предметная деятельность и диалектическая логика.
6. Предметная деятельность как универсальная категория.
7. Предметная деятельность как способ выражения человеческой сущности.
8. Предметная деятельность как способ бытия (сущность) человека.
9. Предметность как человеческое отношение к предметному миру.
10. Цель и целесообразность.
11. Цель как психологическая проблема.
12. Цель как сущность предметной деятельности.

Глава 3.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

3.1. Деятельность как субъект-объектное отношение

Один из самых проблемных вопросов в общей проблематике предметной деятельности связан с решением вопроса об её объектности или субъектности. Психологическое содержание проблемы объектности деятельности заключается в том, что деятельность как субъект-объектное отношение понимается как способ воспроизводства объекта в способах человеческой деятельности. Именно эта характеристика деятельности является, по мнению многих авторитетных психологов, достоинством психологического понятия деятельности и выражает её сущность как истинно человеческого отношения к миру.

В спорах с философами, сторонники объектного толкования деятельности всегда доказывают истинность своей собственной позиции, апеллируя, как правило, к самому К.Марксу: « ... Почему же В.Н.Сагатовский ... пугается такого сведения деятельности к преобразованию объекта, полагая, что это приводит к упрощенному её пониманию? Ведь изменение и преобразование объективной действительности, согласно марксистско-ленинскому учению, является наиболее существенной характеристикой деятельности человека и особенно труда как её исторически исходного вида ... » [16, с.285].

Такая трактовка деятельности характерна не только для объектно-деятельностного подхода, апологетом которого являлся сам Василий Васильевич Давыдов, но и противоположного ей субъектно-деятельностного. В критике правомерности рассмотрения Брушлинским А.В. [ведущим представителем субъектно-деятельностного подхода. - В.А.] деятельности только в объектном аспекте, да ещё и в сведении её к воздействию, мы видим упрощённый подход к категории «предметная деятельность» в отечественных деятельностных концепциях, в искажении её первоначального философского смысла и неадекватности пси-

хологического аналога своему философскому первоисточнику: « ... Прежде всего с упрощенным пониманием деятельности, когда она сводится либо к одному из своих видов (как правило, к субъект-объектному преобразованию) или к одному из своих элементов – действию.

Сведение деятельности к делу, действию совершенно откровенно провозглашается сутью деятельностного подхода у А.В.Брушлинского, и в результате, во-первых, сплошные конъюнкции: «деятельность и общение», «деятельность и сознание», а во-вторых, оказывается, что может быть не только деятельность субъекта, но и деятельность органа (например, головного мозга). Конечно, говорят и о вулканической деятельности, слова многозначны. Но неужели же именно из действия, по отношению к которому общение и сознание не имманентны, да ещё действия органа (даже столь важного, как головной мозг), можно действительно объяснить психическую жизнь человека, тем более человеческое бытие в целом? ... » [58, с.199].

Но и среди философов, разрабатывающих деятельностную проблематику, до сих пор нет единого мнения о содержании категории деятельности. В связи с этим, многие философы не согласны с тем, что деятельность сводится к субъект-объектному отношению, а субъект-субъектное отношение выводится за пределы деятельности « ... [Г.С.Батищевым. – В.А.] деятельностная проблематика, по существу, сводится к субъект-объектным отношениям, определяемым в плане «потребностного детерминизма». Субъект-субъектное отношение выводится в данной статье за пределы деятельности или (что в сущности то же самое) сводится к видам внешней коммуникации и на этих основаниях противопоставляется деятельности творческой. Причем делается это чисто декларативно путем введения термина «запороговость» – «деятельность не может», и всё тут ... » [23, с.27].

Справедливости ради необходимо отметить, что сам Г.С.Батищев всегда разделял критику объектной ориентированности деятельности, в том числе и «ранний» период своего творчества. Вот, в частности, как он высказывался в своё время о возможности субстанциализации деятельности: « ... Вот что говорил Батищев во вступительном слове на защите докторской

диссертации: «Субъект-объектное отношение, принимаемое за единственно фундаментальное отношение человека к миру, было тем ограничивающим принципом, той обязательной рамкой, которая не оставляла места для творчества и делала необходимым редукционизм – тот философский редукционизм, действием которого человек как субъект сводился к тому, что исходит из объекта и в конечном счете из абсолютного начала – Субстанции, т.е. к тому, что предписывает человеку во всем существенном готовый «сценарий для его жизни». Субстанциализм враждебен творческой субъектности, его девиз: только Субстанция есть субъект, и ничего кроме нее» ... » [69, с.450].

В связи с этим, он резко критиковал позицию А.Н.Леонтьева, который прямо отождествлял деятельность с субъект-объектным отношением: « ... Можно ли абстрагировать из многомерного деятельностного процесса-отношения центробежную составляющую, т.е. принудительное внесение в среду исходящих от субъекта форм и структур и запечатление их в ней? Конечно, можно. ... И тогда мы получим внешний, поверхностно-эмпирический слой процесса опредмечивания, вернее, даже не всего этого процесса, а только его направленности на отделимый от процесса продукт – на внешний результат. ... »

К сожалению, вышеуказанной возможности нередко придавалось непомерное неоправданное значение. Так, в концепции А.Н.Леонтьева «человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий», и последние оказываются в роли «важнейшей «образующей» человеческой деятельности». Критикуя двухрядную схему: «деятельность действие – операция и мотив – цель – условие», Э.Г.Юдин справедливо замечал: «Действие и заключало в себе, так сказать, психологическую квинтэссенцию гораздо более общего понятия деятельности». В таком возведении действия в квинтэссенцию деятельности уже сделан решающий шаг на пути того самого редукционизма, который самим же А.Н.Леонтьевым назван «страшным». Особенно же опасным и нигилистичным к культурно-историческому миру субъекта становится эта гиперболизация внешнего акта в теории интериоризации, идущей от эмпирика-клинициста и позитивиста в психологии Пьера Жанэ ... » [8, с.171].

Нам близка философская позиция, не ограничивающаяся только субъект-объектным аспектом и стремящаяся рассматривать деятельность не только как целесообразную, но и как целеполагающую: « ... нет оснований ограничивать исходное содержание понятие деятельности, во-первых, только активностью по достижению заданной цели, реализации программ, норм и т.д., короче, целесообразной деятельностью. Исходная идеализация деятельности должна включать и момент целеполагания.

....

Исходное понимание категории деятельности, во-вторых, не должно ограничиваться субъект-объектными отношениями, «предметной деятельностью» в узкообъектном, «вещном» её понимании ... » [67, с.162].

Мы разделяем и ту точку зрения, согласно которой утверждается, что при субъект-объектной трактовке деятельности она не может выступать основанием ни самого человеческого бытия, ни быть средством его анализа: « ... речь идет об узкой трактовке категории деятельности в собственно концептуально-теоретическом плане, то есть как проекцию субъекта на объект, как только изменения объекта в соответствии с заданной системой целей и программ. Ясно, что при таком понимании деятельности она не может выступать основанием человеческого бытия ни в плане социума, ни в плане индивидуального существования ... » [68, с.16].

В этом смысле, на наш взгляд, правы те философы, которые считают бесперспективной попытку превратить деятельность как субъект-объектное отношение в универсальную категорию для описания всей человеческой действительности: « ... он [Батищев Г.С. – В.А.] считает, что попытка универсализации категории деятельности, распространение её на все пространство человеческого взаимоотношения с миром в целом было бы в принципе неверной «духовно-практической», если угодно, ценностной ориентацией. И заметим, он прав, если под деятельностью понимать то, что понимает он сам и что, с его точки зрения, понимают сторонники так называемого деятельностного подхода и превращения деятельности в «сверхкатегорию» ... » [67, с.160].

3.2. Предметное-распредметное как механизм осуществления деятельности

Безусловная заслуга Гегеля в изучении природы человека заключается, с нашей точки зрения, в открытии механизма предметного. Именно за счёт предметного осуществляется единство деятельности и бытия: « ... истинное произведение есть лишь указанное выше единство действия и бытия, хотения и осуществления ... » [14, с.218].

Продуктом предметного является «произведение» (по терминологии Гегеля), в котором сознание впервые становится перед собой и открывает свою собственную сущность: « ... в произведении сознание открывается себе так, как оно поистине есть, и его пустое понятие о себе самом исчезает ... » [14, с.217].

Прежде всего в продукте (произведении) человеческий индивид раскрывает свою сущность, которая (по Гегелю) есть всеобщее: « ... Произведение есть реальность, которую сознание сообщает себе; оно есть то, в чем индивид оказывается для сознания тем, что он есть в себе и при том так, что сознание, для которого индивид открывается в произведении, есть не особенное, а всеобщее сознание ... » [14, с.215].

В продукте различаются действительность деятельности и действительность бытия. Эта противоположность, которая в не-предметной форме сознания является началом деятельности, в предметном сознании является результатом деятельности: « ... для сознания в его произведении возникает противоположность действия и бытия, которая в прежних формах образования сознания была вместе с тем началом действия, тогда как здесь она - только результат ... » [14, с.216].

Уникальная особенность продукта («произведения») заключается в том, что именно в нём индивид выражает свою внутреннюю рефлектированность (рефлексивность) как собственную сущность: « ... Индивидуальность отказывается от той рефлектированности в себя, которая выражена в чертах лица, и вкладывает свою сущность в произведение ... » [14, с.170].

Такое чудесное свойство произведения (продукта) даёт основание Гегелю сделать вывод о том, что внешнее (произведение) есть выражение внутреннего (цели): « ... Таким образом, мы видим, что под внутренним приблизительно подразумевает-

ся понятие цели, а под внешним - действительность; и их соотношением порождается закон, гласящий, что внешнее есть выражение внутреннего ... » [14, с.142].

Гегель отмечает внутреннюю противоречивость продукта деятельности, которая заключается в единстве противоположности внутренней индивидуальности и внешней действительности: « ... действие как выполненное произведение имеет двойное противоположное значение: - или оно есть внутренняя индивидуальность, а не её выражение, или, будучи внешним, оно есть свободная от внутреннего действительность, которая есть нечто совершенно другое, чем внутреннее ... » [14, с.167].

К.Маркс продолжил разработку идеи Гегеля об опредмечивании, но поскольку исходные методологические основания у него существенно отличались от гегелевских, то одного опредмечивания оказалось недостаточно для описания целостной предметной деятельности. Как известно, у Гегеля деятельность всё-таки является внутренне детерминированной спонтанной активностью сознания, механизмы детерминации которой сам Гегель не описал. В этом смысле природа марксистской категории предметной деятельности совсем иная и характер детерминации самой деятельности совершенно другой.

Введение дополнительного механизма распредмечивания и переосмысление внутреннего содержания этих обоих механизмов («опредмечивания-распредмечивания»), привело К.Маркса к созданию категории, совершенно не связанной по своей природе с гегелевской спонтанной активностью сознания. После К.Маркса предметная деятельность стала пониматься как единство опредмечивания и распредмечивания, и, тем самым, исключительно внутренний характер детерминации гегелевской категории спонтанной активности был преобразован в единую внешне-внутреннюю детерминацию предметной деятельности. Стало принято считать, что: « ... деятельность есть единство противоположностей - опредмечивания и распредмечивания ... » [60, с.145].

При такой метаморфозе активности сознания в предметную деятельность человека изменился и сам характер базовых процессов опредмечивания-распредмечивания: « ... Опредмечива-

ние - это переход совершаемого субъектом процесса в объект, превращение действующей способности в форму предмета.

Распредмечивание - это обратный переход предметности в живой процесс, в действующую способность: оно есть творческое начало освоения субъектом предметных форм культуры, а посредством их - также и природы ... » [61, с.154].

Как и у Гегеля, предметом деятельности является она сама, то есть, человек, опредмечиваясь в «прочных» или «непрочных» формах, объективируясь, порождает (создаёт) своей деятельностью свой человеческий мир. Таким образом, человек живёт в предметной среде, которую порождает собственной деятельностью. В этом смысле, поскольку он опредмечивает себя, собственную сущность, человек удваивает себя, удваивает реально, а не только идеально: « ... именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. ... Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире ... » [40, с.566].

Благодаря предметным формам объективации человека, возникает возможность аккумулировать свои сущностные силы во внешней предметной среде. Это позволяет порождать собственной деятельностью новую предметную среду, творить свою вторую природу, превращать в предмет деятельности весь объективный мир: « ... человек, придавая объекту желаемую целесообразную форму, превращает его наличную форму в субстрат, на котором и опредмечивает себя и свои сущностные силы. Поэтому именно этот процесс и называется опредмечиванием, объективированием человеческой сущностной силы.

Человеческая деятельность не исчерпывается опредмечиванием, это лишь одна сторона деятельности. Другой же стороной является распредмечивание, т.е. вовлечение предмета снова в деятельность, в результате которой возникает новый предмет, новая вещь. По этой именно причине распредмечивание не есть уничтожение вещи, превращение бытия вещи в ничто, а только снятие самостоятельности данной формы, поскольку она пре-

вращается в средство, в субстрат другой вещи, другого предмета ... » [20, с.92].

Особенность процесса распредмечивания в том, что в его результате воспроизводится история происхождения самого предмета, которая в определённом смысле является и его будущим: « ... любой предмет в процессе деятельности с ним человека распредмечивается в том смысле, что его наличное бытие разворачивается в его историю, в процесс его становления, причем, как это было сказано, не только в ретроспективном, но и в перспективном плане ... » [21, с.168].

Предметный мир человека представляет собой некое волшебное пространство, вложенное одно в другое. Человеческий мир – это не только мир реальных предметов, но и идеальный мир человеческих сущностей. Человеческая предметность есть такая чудесная вещь, в которой человек аккумулирует все свои человеческие качества, включая сознание, мышление и пр. Только благодаря своей предметности человек способен существовать как род: « ... Сознание, мышление, логические категории и все сугубо человеческие качества не могут иметь места, если все способы и схемы деятельности не представлены отдельно от тела человека, не воплощены во внешних, созданных людьми же предметах. Способы и схемы деятельности человек опредмечивает в вещах, в их формах и отношениях, и в дальнейшем изменяет и совершенствует их, т.е. действует с ними, как с любыми другими, ещё не освоенными природными предметами ... » [20, с.213].

Своей деятельностью, своим трудом человек преобразует, переделывает объективный мир. Суть переделки заключается в том, что человек придаёт смысл природе, делает её человеческой за счёт передачи предметам природы своих человеческих свойств: « ... Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности, теперь на стороне продукта, выступает в форме покоящегося свойства, в форме бытия ... » [42, с.172].

В человеческом мире труд зафиксирован как способ деятельности человека. Данный способ существует как функция человеческого предмета, которая реально осуществляется в процесс последующего общения людей при помощи предмета-средства. Форму (способ) деятельности, как бы «застывшую» в предмете, и принято понимать как идеальное, а самое натуральную форму предмета принято рассматривать как натуральное бытие идеальной формы: « ... в предметах процесс деятельности угасает. В измененном облике предмета представлена функция, которую предмет может выполнять в будущем, в новых процессах деятельности и человеческих отношениях. Эту именно застывшую в предмете форму и рассматривает Маркс как идеальность ... » [30, с.27].

3.3. Интериоризация и экстериоризация

Философское содержание механизма опредмечивания-распредмечивания в психологических терминах выражается в процессах формирования внутреннего мира человека и последующего его проявления во внешнем реальном мире. Согласно теории социальной интериоризации, в основе которой лежат философские механизмы опредмечивания-распредмечивания, внутренний психологический мир человека формируется в результате взаимодействия индивидуальной деятельности с предметным миром человеческой культуры. И здесь исходным человеческим отношением, с точки зрения некоторых философов, является отношение формирования внутреннего плана как результата взаимодействия индивида и внешней социальной среды: « ... В то же время деятельность субъекта первоначально направлена не столько на внешнюю объективацию того содержания, которое уже имеется «во внутреннем плане», сколько на формирование последнего. И лишь на этой основе затем осуществляется второй процесс, который, возникнув, начинает взаимодействовать с первым - экстериоризация, внешняя объективация, опредмечивание внутреннего содержания сознания, процесс, являющийся необходимым компонентом всякого творчества ... » [38, с.176].

Тем самым утверждается, что социальные нормы, в том числе, социальные нормы познания, возникают в результате соци-

альной деятельности (т.е. в системе межличностного взаимодействия). Это значит, что субъектом нормотворчества является социум как *совокупный субъект*. При этом индивидуальное «Я» является производным от совокупного социального субъекта и возникает в результате интериоризации внешних по отношению к нему (т.е. не произведённых лично им самим) социальных норм: « ... Речь идет о системе межчеловеческой деятельности, в которой практическое преобразование предметного мира, коммуникация и познание существуют в непосредственном единстве. Именно в процессе этой социальной деятельности вырабатываются нормы познания. Интериоризация эталонов этой деятельности порождает само индивидуальное Я ... » [38, с.271].

Такая трактовка способа социального происхождения человеческого индивида широко распространена как среди философов, так и среди психологов. Но если в философской среде кроме этого варианта интерпретации социальной природы существуют и другие, то в психологической среде он является практически единственным. С нашей точки зрения, данный факт сослужил плохую службу для всей психологии в целом и в каком-то смысле обусловил сегодняшний её кризис.

3.4. Деятельность как единство субъект-объектного и субъект-субъектного отношений

Широко распространённое среди психологов мнение о том, что исходным в онтогенетическом становлении человеческого индивида является субъект-объектное (познавательное) отношение, с философской точки зрения является не вполне верным.

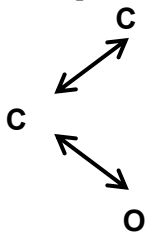
Среди философов, непосредственно занимающихся разработкой принципа деятельности как философского и методологического основания для построения целостной картины человеческого мира, уже давно распространено убеждение, что исходным отношением является другое, а именно, субъект-субъектное отношение: « ... деятельность имеет две ипостаси и соответственно два вектора - действие и общение; первое направлено на предмет, второе на субъект, на другой субъект. Объектность составляет лишь момент предмета, а потому и субъект-объектное отношение, во-первых, составляет лишь момент предметного действия, во-вторых, оно всегда вплетено в

ткань между-субъектных отношений, в-третьих, оно не первично не исторически, ни логически. Первично отношение между-субъектное. Только внутри и посредством него у ребенка формируется и закрепляется также и субъект - объектное отношение ... » [30, с.73].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что целостная деятельность представляет собой единство субъект-объектного и субъект-субъектного «векторов», и только в этом случае предметная деятельность может быть использована как универсальная категория для описания человеческой жизнедеятельности: « ... деятельность, согласно В.Н.Сагатовскому, характеризует всю систему субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в аспекте проявления сущностных сил человека ... » [27, с.180].

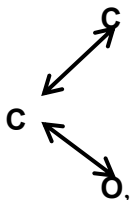
И особо следует подчеркнуть, что, несмотря на гармоничное единство обоих векторов предметной деятельности, ведущим в нём является всё-таки субъект-субъектное отношение: « ... поскольку в предметной деятельности субъект-объектное отношение является подчиненным моментом отношения субъект-субъектного, постольку культурно- историческое пространство преимущественно между-субъектно («диалогично») ... » [18, с.521].

Этот чрезвычайной важности факт подтверждается обоснованием не просто ведущей роли субъект-субъектного вектора, но, что в высшей степени важно, его генетической исходности: « ... Субъектно-объектное преобразование само по себе ни генетически, ни тем более функционально не может быть основой для вывода и объяснения всей сложности человеческого бытия, ибо «клеточка» должна содержать в себе основное противоречие системы. А такое противоречие можно найти только в

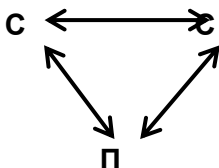

и ни в коем случае не в подсистеме $С \longleftrightarrow О \dots$ » [58, с.201].

Правда, в приведённой выше схеме, оба аспекта предметной деятельности (и субъект-объектный, и субъект-субъектный) представлены как равноправные. Поэтому есть смысл согласиться с уточнением Н.С.Злобина, который подчёркивает приоритет именно субъект-субъектного вектора: « ... В тексте В.И.Сагатовского междусубъектность деятельности представлена поэтому как включенная в состав субъект-объектных отношений

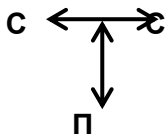

тогда как по логике его собственного анализа правильной, на мой взгляд, была бы схема

(где П – предмет, как раз и представляющий взаимодействие субъекта с объектом) ... » [23, с.227].

Если несколько уточнить приведенную схему, то можно в более полной мере выразить генетическую исходность и главенство субъект-субъектного вектора для всей предметной деятельности в целом. Это можно изобразить следующими образом:

У некоторых современных психологов мы можем найти подтверждение точки зрения о ведущей роли субъект-

субъектного вектора в структуре целостной деятельности: « ... в самом акте осуществления исходного, субъект-объектного отношения ... складываются предпосылки для установления новых, субъект-субъектных отношений ... » [52, с.66].

Приведённые положения о единстве объектного и субъектного аспекта и о ведущей роли субъектного аспекта в целостной предметной деятельности свидетельствуют о том, что предметная деятельность по своему внутреннему содержанию, по своей сущности является категорией внутренне рефлексивной. Это особенно важно подчеркнуть, так как в психологии понятие деятельности отождествляется только с её объектностью, но не с рефлексивностью: « ... Отношение субъекта к объекту всегда обернуто на себя. Человек осознает эту обернутость в рефлексии, в сознании как самосознание, иначе говоря, сама осознанность обернутости есть её идеальное выражение ... » [20, с.201].

Это означает, что рефлексивное содержание философской категории предметной деятельности пока ещё не нашло своего адекватного выражения в психологическом понятии «деятельность».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Деятельность как отношение.
2. Деятельность как субъект-объектное отношение.
3. Психологическая сущность опредмечивания.
4. Психологическая сущность распрепредмечивания.
5. Определмечивание как механизм деятельности.
6. Распредмечивание как механизм деятельности.
7. Определмечивание-распредмечивание как единый механизм предметной деятельности.
8. Психологический смысл интериоризации.
9. Психологический смысл экстериоризации.
10. Ограниченность механизма опредмечивания-распредмечивания.
11. Ограниченность субъект-объектного отношения.
12. Перспективность субъект-субъектного отношения.

Глава 4.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ПРИРОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

4.1. Деятельность как онтологическая категория

Важнейшим, по нашему мнению, является вопрос об онтологическом статусе предметной деятельности. Ключевое значение онтологического статуса предметной деятельности для современного образования непосредственно связано с моделью человеческого мира, в рамках которого мы решаем проблему сущности и человеческого существования. Выбор гносеологического или онтологического статуса деятельности означает выбор в качестве предмета нашего исследования или человека как социального существа, или человека как универсального (предметного) существа.

В свою очередь, выбор социальности или универсальности человеческой природы влечёт за собой выбор глобальной картины объективного мира и места человека в нём.

Признание онтологического характера деятельности говорит о признании человека предметным универсальным существом и одновременно онтологическим субъектом. Такая позиция знаменует собой признание человека в качестве сущностной (творящей) силы природы. Это значит, что человеческий индивид как индивидуальная форма всеобщей творящей природы способен, в конечном счёте, определять собственной деятельностью природу в целом.

Мы исходим из понимания бытия как непосредственно-чувственной действительности: « ... непосредственное есть само бытие ... » [14, с.322]. В этом случае бытие субъекта деятельности есть сама его практическая деятельность: « ... Относительно сущности духа мы указали выше, что бытие есть деяние ... » [12, с.36].

Исходя из своих гносеологических установок, Гегель естественным образом выводил онтологический характер мышления: « ... бытие в себе и мышление - одно и то же ... » [14, с.311]. Вполне логичная установка, поскольку мышление есть всеоб-

щая деятельность, а деятельность есть бытие. Следовательно, мышление есть всеобщее бытие сознания (мышления) как субъекта деятельности.

Это вполне соотносится с утверждением самого Гегеля о том, что: « ... бытие есть мышление ... » [14, с.29].

Гносеологическая установка не помешала Гегелю сформулировать фундаментальные положения, выражающие истинную сущность человека. Одним из них является утверждение о том, что: « ... Истинное бытие человека ... есть его действие, и оно-то и снимает мнимое с обеих его сторон ... » [14, с.172].

Таким образом, уже Гегель полагал, что деятельность есть истинное бытие человека, только бытие у Гегеля – это гносеологическая категория. Несмотря на это, именно категория деятельности концентрирует в себе неограниченные возможности объяснения специфики и универсальности человеческого существования (осуществления).

Поистине неисчерпаемые эвристические возможности категории «деятельность» заключены в её универсальной природе, в её предназначении выражать бытие (самопорождающееся бытие): « ... Мы далеко еще не продумываем существо деятельности с достаточной определенностью. Люди видят в деятельности просто действительность того или иного действия. Его действительность оценивается по его результату. Но существо деятельности в осуществлении. Осуществить значит: развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* - произвести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие ... » [65, с.192].

Материалистический характер марксистской философии задаёт иную онтологическую модель мира, по-иному интерпретирует само бытие. Оно тоже представляется как непосредственно-чувственная действительность, но теперь уже как непосредственно-чувственная форма деятельности (практика) человека как субъекта предметной деятельности: « ... Действительность в марксизме-ленинизме непосредственно понимается как «человеческая чувственная деятельность, практика» ... » [20, с.87].

С возникновением человека, объективный мир кардинально меняется, он становится «человеческим миром». Прежде всего,

человеческий («очеловеченный») характер объективного мира подчёркивался и самим К.Марксом, и всей последующей материалистически ориентированной диалектикой. С этой точки зрения, объективный мир (и непосредственно-чувственная его форма - бытие) есть человеческий непосредственно-чувственный мир, человеческая практика: « ... Предмет, действительность, чувственность должны быть рассматриваемы как «человеческая чувственная деятельность, практика» (Маркс, Энгельс. т.3. с.1) - в этом суть марксистского мировоззрения. Другой объективной реальности в социальном мире не существует ... » [30, с.8].

Более того, отличая собственную диалектическую позицию от позиции примитивного материализма, именно К.Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» сформулировал утверждение о том, что: « ... человек есть не просто «чувственный предмет», а «чувственная деятельность» ... » [11, с.51].

Следовательно, можно говорить о том, что бытие человека есть его чувственно-практическая форма деятельности (практическое действие, практика), которая преобразует и порождает предметную структуру самого объективного мира: « ... В целом же под практикой понимается такая деятельность человека, которая влечет за собой преобразование материальных объектов ... » [4, с.214].

Именно поэтому главным критерием реальности самого человека является не идеальная деятельность мышления (сознания), а характер непосредственного изменения его собственной деятельностью своей онтологической среды: « ... Критерием реальности деятельности, поступка и т.д., в конечном счёте самого человека (так как он есть самодеятельность) является непосредственное изменение действительности и самого себя как реальности ... » [30, с.36].

Признание приоритетным в человеке его практического отношения к объективному миру, как отношения онтологического преобразования (изменения и порождения самой онтологической среды), всегда было критерием различения домарксовского и марксистского понимания содержания материализма: « ... В чем же слабости позиции Фейербаха? В общем и целом они те же самые, что и слабости всего домарксовского материализма:

прежде всего непонимание роли практической деятельности как деятельности, изменяющей природу ... » [25, с.147].

Историческая роль человека как онтологического природного существа заключается в том, что с возникновением человека сама природа начинает изменяться, терять видимость единичности и утверждаться в истинно сущностных своих характеристиках: « ... Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной) ... » [10, с.78].

4.2. Предметность деятельности

Ключевой методологической проблемой для деятельностной психологии до сих пор остаётся проблема предметности деятельности.

После Гегеля, всеми исследователями деятельностной проблематики признаётся, что рефлексивная природа человека может осуществиться только за счёт главного свойства деятельности – её предметности. Чтобы осознать себя – человек должен стать сам для себя предметом: « ... То, что есть в себе, должно стать для человека предметом, должно быть им осознанно; так оно становится для человека. То, что для него стало предметом, есть то же самое, что он есть в себе; лишь благодаря тому, что это в-себе-бытие становится предметным, человек становится для себя самого, удваивается, сохраняется, но другим не становится ... » [12, с.27].

Таким образом, по Гегелю, предмет есть результат и процесс становления самого сознания как субъекта деятельности, а с другой стороны, предмет есть бытие, непосредственная чувственность. Только став для себя предметом, сознание может узнать себя как целое: « ... Предмет, таким образом, есть, во-первых, непосредственное бытие или вещь вообще, что соответствует непосредственному сознанию; он есть, во-вторых, становление себя иным, его отношение или бытие для другого и для-себя-бытие, определенность, что соответствует восприятию; в-третьих, сущность, т.е. как всеобщее, что соответствует рас-

судку. Как целое предмет есть заключение или движение всеобщего через определение к единичности, как и обратное движение - от единичности через нее как снятую единичность или определение к всеобщему. - Следовательно, согласно этим трем определениям сознание должно знать предмет в качестве себя самого ... » [14, с.423].

Это означает, что только как предмет собственной деятельности человек может существовать как целое, только в форме предмета человек может осуществляться как рефлексивное существо.

Другой фундаментальный вывод Гегеля основывается на утверждении того, что истинная предметность существует только в случае, когда предметным содержанием является сам действующий человек, его внутренняя сущность: « ... предметность имеет значение некоторого лишь негативного содержания, себя снимающего и возвращающегося в самость, т.е. только самость есть для себя, собственно говоря, предмет, или: предмет обладает истиной лишь постольку, поскольку он имеет форму самости ... » [14, с.286].

Гносеологическая установка Гегеля даёт ему основание интерпретировать предметность как единственный способ самопознания, который не изменяет ничего в самой деятельности, а только удостоверяет наличие или отсутствие таковой: « ... Предметность не меняет самого действия, а только показывает, что оно есть, т.е. есть ли оно, или не есть ли оно ничто ... » [14, с.173].

Потому у Гегеля предметность действия не изменяет самого действия. Несмотря на то, что само сознание и становится предметом собственной деятельности, но предметом не становится сам способ, которым познавательное действие осуществляется. Другими словами, если сознание становится предметом для своей деятельности, то сама деятельность не становится для себя предметом. Если предметность не изменяет способа действия, то значит гегелевское действующее сознание – это спонтанно действующее сознание, характер детерминации которого не подлежит никакому анализу со стороны сознания, потому что никогда не опредмечивается.

Именно поэтому глубинные механизмы активности (спонтанности) сознания закрыты для гносеологической парадигмы и не случайно, что Гегель нигде в своих трудах их не анализирует. И здесь можно сделать предварительный вывод о том, что в любых гносеологических концепциях человека его познавательная активность (спонтанность), т.е. способ, которым осуществляется активность, всегда является неким феноменом, выходящим «за скобки» концептуальных построений, а познающий человек – всегда человек, внутренне детерминированный и не способный сделать собственную детерминацию предметом своего целенаправленного изменения.

Структура опредмечивания (по Гегелю), по нашему мнению, весьма характерна и имеет важное методологическое значение и для сегодняшнего времени. Гегель утверждает, что внутренним движущим противоречием самой деятельности является противоречие между деятельностью как целью и деятельность как действительностью (реальностью). Опредмечивание происходит как «превращение первоначальной натуры» (исходный субъект деятельности) в своё «иное», в предмет за счет создания (применения) специального средства, соединяющего в себе внутреннее и внешне деятельности: « ... Простая первоначальная натура в действовании и в сознании действования вступает теперь в то различие, которое свойственно последнему. Сначала действование имеется налицо в качестве предмета, и притом предмета в том виде, как он принадлежит еще сознанию, т.е. в качестве цели, и этим оно противоположно имеющейся налицо действительности. Другой момент есть движение цели, которая представлялась покоящейся, претворение в действительность как соотношение цели с чисто формальной действительностью, следовательно, представление самого перехода или второй момент, как средство. Наконец, третий момент - это предмет, поскольку он уже не цель, которую то, что действует, непосредственно сознает как свою цель, а поскольку он - вне действующего, и существует для последнего как «иное» ... » [14, с.211].

Итак, гегелевское понимание предметности деятельности заключается в том, что предмет как результат опредмечивания – это непосредственно-чувственная реальность, содержанием которой является сам субъект деятельности. Т.е. предмет по своей

природе есть чувственная форма изначально рефлексивной действительности субъекта деятельности, и только за счёт «предметной деятельности» субъект может быть адекватным своей рефлексивной сущности.

Данная гегелевская позиция содержательно представлена только в некоторых отдельных современных психологических трудах, да и то только в тех, которые раскрывают психологическое содержание человека с позиций рассмотрения человека как универсального существа. К сожалению, такая ориентация на человека как на универсальное предметное существо (по Гегелю и К.Марксу), не является характерной для большинства современных психологических теорий. В связи с этим, понятие «предметность» в психологических деятельностных концепциях приняло некий искажённый по сравнению с исходным философским содержанием вид и мало соответствует его исходному пониманию.

Это обстоятельство дало основание некоторым философам довольно резко противопоставлять философскую и психологическую интерпретацию предметности. Такое противопоставление производится, как правило, в терминах объектности (вещности) или субъектности самой деятельности, что даёт основание квалифицировать предметность, понимаемую как «вещность», как характеристику не собственно предметной деятельности, а активности: « ... Деятельность предметна вовсе не в том смысле, что она всегда имеет перед собою только одни лишённые объективных ценностных качеств и измерения «сырьёподобные» объекты-вещи (объектно-вещное бытие), но в том, что она постоянно встречает впереди себя (а также и в своих собственных виртуальных слоях) бытие аксиологически значимое и достойное универсальной взаимности с ним. Если же тем не менее происходит ... редукция подмена всего объективного бытия, которое может и должно быть предметным для деятельности, бытием только объектно-вещным, то и сама деятельность подменяется тем самым объектно-вещной активностью ... » [8, с.67].

Традиция рассматривать предметность как чувственную форму рефлексивной деятельности, основоположником которой является Гегель, была продолжена К.Марксом в терминах «че-

ловеческой предметности». Понимание существенности различия предметности в «прочной форме» и «человеческой» предметности отличает диалектическую традицию в деятельностной проблематике от редукционистской: « ... общественное развитие осуществляется не только через вещнопредметные формы, но и аккумулируются в развитии самого субъекта. Однако между вещной предметностью и предметностью человека как субъекта имеется существенное различие. ...

Маркс ... разграничивает предметность в «прочной форме» и человеческую предметность. Последняя по всем законам логического вывода должна быть понята как не имеющая «прочной формы». Граница определяется местом каждой из них в практической деятельности. Предметность в «прочной» ... форме есть момент движения человека как субъекта ... » [11, с.69].

Некоторые философы понимают предметность как социальность, тем самым, различая, вслед за Марксом, «вещную» и «невещную» предметность: « ... Предметность Д. [деятельности. – В.А.] зачастую понимают прямолинейно, как овеществление её, как поглощённость процесса Д. [деятельности. – В.А.] вещью (таковы многие современные технологические концепции, соответствующие технократические проекты, вызывающие естественную критику, которая разоблачает подобную интерпретацию Д. [деятельности. – В.А.] и вместе с тем как бы замыкает Д. [деятельность. – В.А.] в рамках такой интерпретации). Однако предметность Д. [деятельности. – В.А.] по сути означает социальность её, ибо предмет не замыкает человеческую самореализацию, а открывает её социальному миру, другому человеку ... » [59, с.138].

Внутренним содержанием «человеческой» предметности (по К.Марксу) является её междусубъектность. Этим положением утверждается тот факт, что *человеческое в человеке* начинается не с отношения человека к объекту, а в среде субъект-субъектного отношения. Исходным для человека является не его отношение к объекту, а его отношение к другому субъекту (к другим людям):

« ... Объект, вовлеченный в сферу человеческой деятельности, снимается в своей объективной определенности и становится предметом, т.е. становится населенным культурно-

историческими, субъектными (и - главное - междусубъектными) характеристиками. И эта деятельность является воистину предметной именно благодаря опосредованию его междусубъектными отношениями. Предметная человеческая деятельность «начинается не с вещи самой по себе, а в судьбах других субъектов, которым адресуется она также и своим определенным бытием» (Г.С.Батищев) ... » [18, с.503].

Нам представляется, что фундаментальным выводом из всего сказанного может быть понимание предметности как способности социума делать себя предметом собственного производства: « ... Суть Марксовой идеи состоит в том, что предметом производства является общество в целом ... » [11, с.21].

ВЫВОД:

предметность деятельности - это способность человека делать себя предметом собственного творчества.

4.3. Предметная деятельность как самодеятельность

Нам представляется, что одной из значительных методологических проблем современной психологии является отождествление (неразличение) содержания понятий «предметная деятельность», «деятельность» и «активность». Проблема имеет глубокие исторические корни, которые находят благодатную методологическую почву в принципе тождественности материальности и субстратности.

Такая односторонняя трактовка материализма особенно интенсивно осуществлялась в период становления отечественной психологии, и в виде методологических оснований закрепилась в психологических концепциях, которые видели первоисточник человеческого действия в исходно физиологической реакции, рефлексе, рефлексорной деятельности организма или его органа.

Поэтому совпадение в этих концепциях терминов «деятельность», «деятельность мозга» и «деятельность человека» не является случайным, а выражает имеющуюся общую основу всех этих видов «деятельности», содержательно объединяющую все возможные «деятельности», а именно ей и является активность как первооснова и первопричина всех вообще возможных подобных «деятельностей».

Такая естественнонаучная трактовка человеческой деятельности (в том числе, и не имеющей никакой естественной основы «предметной деятельности»), характерна для наук, ориентированных на философию позитивизма, и в первую очередь, для физиологии. Это привело к тому, что в позитивистской психологии, фактически выросшей из физиологии, термины «поведение», «активность» и «деятельность» очень часто употреблялись (и до сих пор продолжают употребляться) как синонимы.

В связи с этим, при обсуждении предметной деятельности, в принципе отличающейся по своей природе от указанных терминов, необходимо иметь в виду, что предметная деятельность – в отличие от активности, рефлексивная категория, или как говорят философы – «самодеятельность»: « ... восходя к наиболее глубокому элементу предметной деятельности – к тому, что она есть процесс, в котором субъект, изменяя и преобразуя объективные обстоятельства, посредством всего этого совершает также и самоизменение, - мы получаем определение предметной деятельности как самодеятельности, как работы, устремленной к бесконечному становлению и к «вырабатыванию внутреннего человека» (Маркс, Энгельс. т.42.с.24) ... » [8, с.66].

Т.е. на самом деле предметная деятельность знаменует способ порождения человеком самого себя и социума как среды своего осуществления, а никак не способ адаптации, каким является активность: « ... всеобщее содержание труда как способа самопорождения человеком себя и общества в целом ... » [20, с.177].

Более того, в отличие от активности, рефлексивный характер предметной деятельности выражается в том, что её предметом становится она сама, сам действующий человек, вся природа в целом: « ... Поскольку субъект не есть внутри себя простое нерасчлененное целое, а исторически функционирующий организм, по характеристике Маркса, постольку его деятельность простирается на себя, на самоорганизацию и саморазвитие. Без этого невозможно осуществлять деятельность, преобразующую внешнюю природу ... » [20, с.202].

Главным отличием предметной деятельности от «целесообразной» активности является её целеполагающий, а не целесообразный характер: « ... сам человек становится самодеятельной,

т.е. способной к свободному целеполаганию, личностью ... » [64, с.33].

Для нас это означает, что главной детерминантой предметной деятельности является она сама. А цель есть идеальная форма будущей деятельности, которая является детерминирующим фактором реальной формы деятельности. В отличие от предметной деятельности, которая нами понимается как способ взаимного превращения логики предметного мира в логику предметной деятельности, и логики предметной деятельности в логику предмета, активность является способом полагания собственной логики во внешнюю среду.

Поскольку у активности нет обратного вектора полагания, т.е. она не способна изменять собственную логику (внутреннюю логику активности) под воздействием логики внешней среды, иначе говоря, активность не способна воспроизводить логику внешних предметов и логику внешней среды, постольку и её собственная логика не становится её предметом и не может стать для неё детерминирующим фактором, как это происходит у предметной деятельности.

Другими словами, для активности предметность не является характерной особенностью (предметность, понимаемая в гегелевско-марксовском духе), поэтому субъект активности не способен опредмечиваться. Отсутствие предметности у активности означает её адаптивный, а не порождающий характер, как у предметной деятельности.

Поскольку логика активности зафиксирована в логике тела, а субъект активности собственную логику тела предметом свой активности сделать не может, поэтому, в отличие от субъекта активности, субъект предметной деятельности – это человек, сама сущность которого есть самодеятельность, а не логика тела, и которая не сводится к телесности: « ... человек и есть процесс самодеятельности, и не сводится как к своему органическому, так и к своему неорганическому телу ... » [30, с.11].

Вывод:

сущность человека как субъекта предметной деятельности есть самосозидание, а сущность субъекта активности – это самовоссоздание

4.4. Сущность предметной деятельности

То качество деятельности, которое как бы свидетельствовало всегда об идеализме гегелевской концепции и всегда служило предметом материалистической критики, при ближайшем рассмотрении и внимательном к нему отношении может быть интерпретировано иначе. Мы имеем в виду гносеологическую самодостаточность деятельности, которую Гегель абсолютизировал и на основании которой можно говорить о консервативности гегелевской концепции развития и гегелевской концепции деятельности.

На наш взгляд, эти претензии справедливы только в том случае, если замкнутость на себя понимается как роковая финальность, предреши́нная ограниченность, конечность движения самопознания, возникающая из-за статичности природы самого внутреннего содержания: « ... Всякое познание и изучение, наука и даже действие имеют своей целью не что иное, как извлечение из себя и выявление вовне того, что есть внутри или в себе, и, следовательно, не что иное, как становление для себя предметом ... » [12, с.27].

Но если вспомнить о том, что под субстанцией деятельности сам Гегель понимал причинное отношение, а: « ... действие же и есть действительная самость ... » [14, с.247], то возможна и другая интерпретация гегелевской самодостаточности деятельности. А именно, если предположить, что сущность деятельности есть её самоизменение (т.е. если предположить, что предметная деятельность есть практическая самодеятельность), то «действие» как способ извлечения из себя и делания своей собственной сущности предметом, выглядит как единственно разумный механизм бесконечного саморазвития человека как универсального существа, постоянного преодоления конечных форм, постоянного самоизменения, т.е. бесконечное трансцендирование.

Поэтому вполне логично предположить, что непосредственно-чувственная (практическая) форма предметной деятельности действительно разрешает противоречие между идеальной (всеобщей) формой деятельности и её реальной формой за счёт качественного самоизменения деятельности, поскольку: « ... в действии перед сознанием по существу должно было бы встать не-

соответствие между целью, которая есть общая цель, и осуществлением, которое есть единичное осуществление ... » [14, с.307].

Здесь, по нашему мнению, уместно будет заметить, что именно таким образом, как процесс взаимодействия идеальной и реальной форм деятельности, представлял себе процесс развития Л.С.Выготский и его последователи (Д.Б.Эльконин, П.Я.Гальперин, В.В.Давыдов, Б.Д.Эльконин, В.Т.Кудрявцев и др.).

Такой подход даёт возможность решить проблему детерминации предметной деятельности и, тем самым, окончательно отличить её от активности. Собственно, сам Гегель уже сформулировал источник и движущие силы предметной деятельности: « ... Необходимость действия состоит в простом соотношении цели и действительности, и это единство есть понятие действия; поступки совершаются, потому что действие в себе самом и для себя самого есть сущность действительности ... » [14, с.217].

Это значит, если движущие силы активности находятся вне неё и сосредоточены в природных свойствах субстрата (тела; организма), то движущие силы предметной деятельности сосредоточены в её собственном внутреннем основании и заключены в противоречии цели как идеальной формы деятельности и практического действия как реальной формы деятельности.

Пример К.Маркса и Э.В.Ильенкова говорит нам о том, с какой тщательностью и вниманием необходимо относиться к положениям самого Гегеля, поскольку любая небрежность может повлечь методологическую ошибку. В данном случае мы имеем в виду идеалистическую онтологию и диалектический метод Гегеля, которые, на наш взгляд, сами по себе находятся в противоречии. Применённый Гегелем к идеалистической онтологии метод анализа целостностей привёл его к выводу, совершенно противоположному, который сделал Маркс, применив тот же метод к материалистической онтологии: « ... Действование ничего не изменяет и ни против чего не направлено; оно - чистая форма процесса перевода из состояния невидимости в состояние видимости, и то содержание, которое выносится на дневной свет и проявляется, есть только то, что есть это действование уже в себе. Оно есть в себе - это его форма в качестве мысленного

единства; и оно существует действительно - это его форма как сущего единства; оно само есть содержание лишь в этом определении простоты в противоположность определению процесса его перехода и его движения ... » [14, с.210].

Именно поэтому у Гегеля: « ... Действование есть именно только чистый процесс перевода из формы еще не проявившегося в форму проявившегося бытия ... » [14, с.212]. Сам процесс возникновения бытия, как известно, им не ставился, поскольку Гегель исходил из неизменности природы.

Очень характерной у Гегеля является «схема» осуществления деятельности: деятельность – это способ превращения знания как гносеологической действительности (понятия) в предметную действительность как онтологическую категорию: « ... Сам поступок есть это превращение того, что знают, в противоположное ему, в бытие ... » [14, с.394].

Чрезвычайная важность этой «схемы» заключается в том, что деятельность (по Гегелю) детерминирована идеально, знанием, целью. Но если оставить без внимания происхождение этого самого знания (цели) и сосредоточиться только на одной стороне этой схемы, то возникает необходимость какой-то дополнительной детерминанты. В этом случае как раз становится оправданным привлечение в качестве причины активности как спонтанной деятельности.

Но уже давно установлен факт, что предметная деятельность действительно детерминирована целью, т.е. *идеально*. В этом и есть радикальное отличие человека и животного, активности и деятельности. Но по К.Марксу, в отличие от гегелевского понятия деятельности, содержанием предметной деятельности (в том числе и её непосредственно-чувственной формы – труда) является превращение природного вещества из одной формы в другую: « ... Содержание предметной деятельности, процесса труда как превращение вещества природы из одной формы в другую является общественной необходимостью, и именно в этом смысле предметная деятельность одинакова для всех ступеней общественной жизни, различны лишь уровни зрелости, ступени эффективности и развития орудий труда ... » [20, с.98].

Это значит, что предметная деятельность не есть процесс перевода имеющегося содержания бытия из неявной формы в

явную, а есть именно и вполне определённо процесс порождения, созидания новых форм онтологического пространства бытия.

Более того, предметная деятельность есть способ развития, т.е. качественного изменения не только форм природы, но самой природной субстанции: « ... Человеческая предметная деятельность ... исторически, шаг за шагом синтезирует все иные особенные воплощения субстанции и её атрибутов и тем самым развивает их ... » [18, с.505].

Онтологическая модель, в рамках которой строятся диалектические концепции деятельности, представляет собой целостный объективный мир (природу), главным способом осуществления которой является её качественное самоизменение (саморазвитие). Причём, развитие осуществляется за счёт самодетерминации и понимается как качественное самоизменение онтологического пространства, самого бытия, чувственно-предметной сферы.

С возникновением социальной формы развития - предметной деятельности – возникает исторически первая форма развития, которая совпадает с сущностью самодетерминированного объективного мира, природы, самой материи: « ... социальная форма - предметная деятельность человека - является такой наиболее сложной видовой формой, которая по своей природе совпадает со всей материей, с ее родовой сущностью ... » [20, с.156].

Именно марксизм, развивая идеи Гегеля, открыл первую невещественную форму развития объективного мира, которая впервые выразила своим развитием универсальные законы развития самой природы: « ... Марксизм открыл такую форму объективной реальности, которая, будучи определенной особенной формой материи, в то же время не сводится к вещественности, к каким-либо формам вещественного существования, хотя и постоянно принимает тот или иной вещественный облик. Это и есть предметная, практическая деятельность человечества, преобразование им внешней природы и созидания своего общественно-исторического бытия. Именно в данной конкретной области действительности, в освоении законов природы и в преобразовании их в законы общественного развития и действуют

универсальные законы, одинаково общие и природе, и обществу, и мышлению ... » [20, с.149].

После К.Маркса мы теперь вправе отождествить жизнь человека и предметную деятельность: « ... (... что такое жизнь, если она не есть деятельность?) ... » [40, с.564]. Это высказывание в равной степени относится и к деятельности индивидуальной, и к деятельности социальной. Причём, таким образом понимаемая жизнь есть жизнь как бы опережающая самоё себя, т.е. происходящая не «здесь и теперь», а «везде и всегда»: « ... Но что есть общественное бытие, если не живая предметная деятельность человеческих индивидов, общества в целом! И коли происходит его становление в качестве такой деятельности, то это всегда и везде деятельность целеполагающая, т.е. опережающая сама себя ... » [20, с.248].

Внутренним содержанием такой жизни является единство объективирования и субъективирования, именно оно задаёт процесс развития: « ... Практическая деятельность - это единство объекта и субъекта, единство процесса объективирования и субъективирования здесь осуществляется единство возникновения и уничтожения, т.е. становление ... » [20, с.93].

И хотя предметная деятельность – это единство субъекта и объекта, тем не менее, субъект-объектное отношение в деятельности является условием осуществления главного, генерального для предметной деятельности отношения – общения как субъект-субъектного отношения: « ... чтобы познать сущность предметной деятельности, всеобщие законы ее функционирования, мы должны перейти к анализу общественных отношений людей ... » [20, с.99].

Всё это свидетельствует о том, что предметная деятельность обладает огромным эвристическим потенциалом для выражения сущности человеческого мира и предназначения человеческого индивида, и её главным качеством надо признать: « ... универсальность человеческой деятельности, ее способность изменять мир, окружающую действительность по логике самой бесконечной природы ... » [20, с.83].

Поэтому миссия человека в природе заключается в том, чтобы быть движущей силой развития самой природы. Природа позаботилась об этом, наградив человека способностью к пред-

метной деятельности, благодаря которой: « ... Человек, вступая в чувственно-предметную деятельность, воспроизводит логику природной субстанции ... » [20, с.89].

Вывод:

сущность предметной деятельности совпадает с сущностью самой природы, способом существования которой является «способность» порождать самое себя

4.5. Деятельность как единство репродуктивности и продуктивности

Одним из главных свойств предметной деятельности является её производительность (продуктивность). Недаром некоторые философы специально подчёркивают, что: « ... Суть Марксовой идеи состоит в том, что предметом производства является общество в целом ... » [11, с.21].

Предметная деятельность, и, в частности, труд как её исходная непосредственно-чувственная форма, производит не только общество как систему общественных отношений, не только новую онтологическую среду своего существования, но, как самодетерминированная действительность, она также производит и собственную мотивационную сферу, и продукты её удовлетворения: « ... труд как целесообразная (а точнее - целеполагающая) орудийная деятельность человека, осуществляемая коллективно и направленная на такое изменение природы, продукты которого становятся предметами удовлетворения человеческих потребностей ... » [20, с.227].

Но характеризовать деятельность только с её продуктивной стороны было бы неполно, поскольку в реальности её онтологического осуществления она представляет собой единство двух моментов – продуктивного и репродуктивного: « ... В преемственности, реализующейся в форме материально-практической деятельности, слиты воедино два ее момента. Первый состоит в репродукции - воспроизведении старых образцов деятельности на основе имеющихся средств труда.

Второй момент характеризуется продуктивностью в том смысле, что современный субъект на основе использования старого опыта создает новые формы деятельности, новые средства

и конечные продукты, не имеющие аналогов в прошлом. Продуктивная сторона преемственности связана с преобразующей деятельностью всего общества: преобразуя природу новое поколение добавляет нечто существенно новое к тому, что создано всеми предшествующими поколениями ... » [33, с.52].

В этом смысле вся рациональная сфера индивидуального и социального субъектов представляет собой такой продукт: « ... разум, сознание, логический строй мышления являются продуктом социально организованной предметной деятельности ... » [20, с.79].

При анализе взаимосвязи продуктивного и репродуктивного компонентов в целостной предметной деятельности выявляется то обстоятельство, что онтологическая рефлексивность, выражающая фундаментальное свойство природы быть детерминантой самой себя, проявляется именно в продуктивности, т.е. в порождении обстоятельств собственной жизнедеятельности как её же собственных продуктов: « ... если люди суть продукты обстоятельств, то такая зависимость, конечно, существует, но она существует постольку, поскольку является результатом другой, более фундаментальной зависимости, той, что обстоятельства сами представляют собой продукты человеческой деятельности. ... И поэтому, когда люди действительно зависят от обстоятельств, они по сути зависят от себя, от своего определенного наличного бытия ... » [30, с.12].

А поскольку: « ... В продукте происходит претворение и выявление субъекта. Лучше и полнее индивид не может проявиться ни в чем другом, как в результатах своей деятельности ... » [47, с.123], то детерминация собственными продуктами по сути означает детерминацию субъекта деятельности самим собой. Это чрезвычайно важное положение выражает, по сути дела, важнейший факт первичности для становления человека между-субъектного общения, а не отношения его к объекту, поскольку: « ... Продукт труда, безотносительно к человеку и к социальным потребностям, не имеет, разумеется, никакого смысла и не существует как продукт ... » [47, с.128].

И другое важнейшее стратегическое положение К.Маркса нам бы хотелось использовать в качестве методологического ориентира всех исследований проблемы человека: « ... как само

общество производит человека как человека, так и он производит общество ... » [40, с.589].

4.6. Рефлексивная природа предметной деятельности

Природа предметной деятельности, которая в основных чертах уже была описана Гегелем, заключается в её рефлексивности. Рефлексивность предполагает наличие предмета рефлексии, т.е. чтобы (по Гегелю) было в наличии то, что надо знать о себе – надо прежде быть собой, поэтому: « ... в-себе-бытие и для-себя-бытие суть моменты деятельности ... ». [12, с.29]

Согласно Гегелю, противоположность наличности и рефлексивности по своей природе характерна для деятельности, поскольку рефлексивная природа деятельности уже предполагает наличность себя: « ... на деле эта противоположность была точно также заложена в основу, когда сознание как в себе реальная индивидуальность приступало к деятельности; ибо деятельность предполагала определенную первоначальную натуру в качестве в-себе-бытия, содержанием которой было чистое осуществление ради осуществления. Но чистое действование есть себе самой равная форма, которой тем самым определенность первоначальной природы не равна ... » [14, с.216].

Если следовать мысли Гегеля о рефлексивной природе деятельности и не рассматривать цель как внешнее, как форму объекта, тогда цель естественным образом должна рассматриваться как «самоцель», т.е. как идеальная форма самой деятельности. В этом случае: « ... Речь идет ... о существенной трансформации цели в деятельности, когда она направлена на себя. «Самоцель» в высоком смысле этого слова требует и иной деятельности. Такая деятельность осуществляется как жизнь. Уровень жизни, искусство жизни определяется уже не частными целями, а принципами, идеалами, в конечном счете мировоззрением. Жизнь действительно становится, как писал Гегель о Сократе, «воплощающимся принципом» ... » [11, с.110].

4.7. Самодостаточность деятельности

Нам представляется, что для решения проблемы человека как универсального существа, непосредственно связанной с проблемой самодетерминации деятельности, феномен самодос-

таточности, который Гегель раскрывал с позиций пангносеологизма, сегодня требует переосмысления как феномен материалистической парадигмы.

Если у Гегеля самодостаточность интерпретировалась как самодостаточность духа (сознания), механизмы этой самодостаточности не раскрывались, а обоснование сводилось к утверждению, что: «... Дух ... есть сама себя поддерживающая абсолютная реальная сущность ... » [14, с.234], то вполне естественно, что самодостаточность сводилась к самотождественности: « ... результат только потому тождествен началу, что начало есть цель ... » [14, с.11].

В связи с этим вполне логично, что деятельность есть самоцель и свой собственный предмет: « ... Так как индивидуальность в самом себе есть действительность, то материал воздействия и цель действия заключаются в самом действовании ... » [14, с.210].

Поэтому совсем не требует специального обоснования или доказательства утверждение, вытекающее из всей логики самотождественности, что: « ... Все совершённые поступки, таким образом, не выходят за свои пределы ни в качестве обстоятельств, ни в качестве цели, ни в качестве средства, ни в качестве произведения ... » [14, с.213].

Это означает, что в гносеологической концепции деятельности она представляет собой действительность, самодостаточную, самотождественную и самодетерминируемую, предназначение которой заключается в воспроизводстве и которую ничто и никогда не выводит за пределы самой себя, за пределы раз и навсегда заданного и неизменного качества этой действительности. Таким образом, развитие в концепции Гегеля – это не процесс изменения качества, а способ преобразования одной формы качественно определённой действительности в другую её форму. В современных терминах такое развитие мы бы назвали «горизонтальным»

4.8. Деятельность как самодетерминированная действительность

Несмотря на то, что и материалистическая версия культурно-исторической концепции предметной деятельности как онто-

логической категории (К.Маркс), и идеалистическая версия культурно-исторической концепции деятельности как гносеологической категории (Гегель) основываются на рефлексивной природе деятельности, т.е. рассматривают деятельность как самодетерминируемую действительность, всё же единого мнения по этому вопросу у современных философов до сих пор нет.

Одни высказывают сомнение в самодетерминированности деятельности и в том, что деятельность должна рассматриваться как исходная категория при анализе человека и его социальной жизни: « ... всё-таки преувеличением является трактовка деятельности как исходной категории исторического материализма, как субстанции общественной жизни, как причины самой себя и т.п. ... » [31, с.103].

Другие, наоборот, самодетерминированность деятельности считают универсальным механизмом процессов развития: « ... действие, вызвавшее внутреннее изменение системы и тем самым приведшее ее в новое состояние, само будет изменено в силу того, что новое состояние системы (результат) изменяет условия, при которых проявилось указанное действие, а следовательно, и характер самого действия. Это универсальный механизм развития, действующий на всех уровнях материи ... » [4, с.51].

Неоднозначность оценок возможностей предметной деятельности как объяснительного принципа свидетельствует о том, что проблематика деятельности в целом, проблема предметной деятельности как универсального принципа объяснения человеческого существования ещё далека от своего окончательного разрешения.

4.9. Трансцендирующая сущность деятельности

Несмотря на неоднозначное отношение к категории деятельности философов, нам всё же ближе трактовка деятельности как универсальной категории, поскольку она позволяет объяснять человека исходя из понимания его трансцендирующей сущности. Т.е. как существа, способного преодолевать любые свои внутренние и внешние границы: « ... В деятельности поразительным образом объединяется заданность, ограниченность человеческого бытия социальными и личностными контекстами

и способность человека выходить за их пределы, перестраивать и изменять саму степень собственной ограниченности. Более того, именно культурная замкнутость деятельности делает возможным преодоление этих границ ... » [29, с.308].

Нам особенно близка та точка зрения, согласно которой считается, что: « ... именно в своей предметной деятельности человек приобретает способность и возможность преодолевать «пороги» любой системно заданной нормативности, т.е. творить свой собственный мир, не «употребляя», а осваивая Вселенную ... » [23, с.221].

4.10. Рефлексивность как сущность предметной деятельности

Говоря о сущности предметной деятельности, нельзя забывать, что деятельность как рефлексивная категория уже применяется Гегелем для описания развития органических систем, т.е. таких целостностей, которые характеризуются единым для всех своих компонентов основанием, из которого выводятся все её составляющие, и которые, благодаря своей целостности, способны при необходимости достраивать себя, порождая недостающие свои элементы и части: « ... рефлексия в себя, составляющая сущность органического ... » [14, с.153].

Больше того, это свойство рефлексивности (по Гегелю) характерно вообще для бытия как некоего тотального целого: « ... самость, т.е. сознающее себя наличное бытие ... » [14, с.343]. И сознание Гегель определяет как рефлексивное сознание: « ... всеобщее сознание: знание, знающее себя само ... » [14, с.354].

Тем самым можно говорить, что само исходное бытие имеет рефлексивную природу.

Но рефлексивность признаётся главной характеристикой бытия и деятельности не только в гносеологических концепциях человека. И в материалистических концепциях человека рефлексивность природы, человека и предметной деятельности также является основным предметом анализа: « ... Развивая орудейную деятельность, человек использует силы природы и тем самым как бы заставляет её рефлексировать, т.е. воздействовать на саму себя. ... В этом смысле человек есть рефлектирующая во всеобщей и бесконечной форме природа ... » [64, с.73].

Разница в подходе изучения рефлексивной природы деятельности в гносеологических и онтологических концепциях состоит в том, что гносеологическая рефлексия как сущность активности сознания не является порождающей, а ограничена процессами трансформации неизменного содержания (качества); в то время как онтологическая рефлексия как сущность предметной деятельности является реальной предметно-порождающей (онтологической, бытийной) силой, изменяющей не только самого человека, но и его онтологическую среду, и весь предметный мир природы.

Исходя из вышеизложенных позиций, можно утверждать, что предметная деятельность есть самодетерминированная действительность, что: « ... Предметная деятельность есть рефлексированное движение. Изменение объекта (овладение им) является средством для изменения и развития самого субъекта ... » [20, с.200].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Деятельность как гносеологическая категория.
2. Деятельность как онтологическая категория.
3. Предметность и предмет деятельности.
4. Деятельность как самодеятельность.
5. Самодетерминированность как сущность предметной деятельности.
6. Репродуктивность и продуктивность: два вектора деятельности.
7. Рефлексивная природа деятельности.
8. Рефлексивность и самодостаточность деятельности.
9. Психологический смысл самодостаточности деятельности.
10. Деятельность как трансцендирующая действительность.
11. Рефлексивность как сущность предметной деятельности.
12. Самодостаточность как сущность предметной деятельности.

Глава 5.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РАЗВИТИЕ

5.1. Чувственно-предметная деятельность как основание всех видов деятельности

В материалистической диалектике, при рассмотрении источников и движущих сил развития человека и социума, принято анализировать предметную деятельность как субстанцию человека и социума. После К.Маркса считается, что генетически исходной формой самой предметной деятельности, всего человеческого и социального является непосредственно-чувственная форма деятельности – труд: « ... Исходной ... формой предметной деятельности и всего социального был, как известно, труд ... » [20, с.227].

Пример К.Маркса, основывавшего свою теорию развивающихся социально-экономических целостностей на поиске генетически исходной «клеточки», из которой как из единого основания выводится всё целое, и законов качественного изменения самой этой «клеточки» (генетически исходного основания целого) даёт возможность за исходную «клеточку» всего человеческого (социального) принимать труд: « ... «Клеточкой» человеческой деятельности выступает труд. «Клеточкой» в том смысле, что он является основным видом деятельности человека и сосредоточивает в себе все существенные ее определения, хотя, разумеется, понятие «деятельность» шире, чем понятие «труд» ... » [55, с.42].

Если понимать под предметной деятельностью её исходную непосредственно-чувственную форму (труд), тогда эта форма является исходной для всех других форм деятельности: « ... Предметная деятельность является исходной формой всех других ее родов и видов ... » [2, с.7].

Это означает, что практическая деятельность является первичной по отношению к мыслительной: « ... люди, прежде чем начинают «мыслить» теоретически, действуют ... » [51,с.21]. Более того, практическая форма деятельности является источни-

ком возникновения духовности, одним из выражений которой является познание: « ...Практически преобразующая деятельность людей оказывается всеобщим базисом, на основе которого возникает познание как реализация духовной потенции практического процесса ... » [20, с.89].

Капитальным выводом из анализа чувственно-предметной формы деятельности является то, что именно в этой исходной для всех других форме происходит совпадение человека и объективной реальности: « ... Чувственно-предметная деятельность людей предстает как исходное основание всех других видов деятельности, именно в ней происходит непосредственное совпадение понятий субъекта (человека) с реальностью ... » [20, с.88].

ВЫВОД:

в чувственной форме предметной деятельности происходит непосредственное совпадение человека со всей объективной реальностью, природой

5.2. Деятельность как производство (порождение)

Проблема деятельности как способа порождения нового едва ли не самая главная во всей проблематике предметной деятельности. До сих пор остаётся много неясных вопросов о содержании и всеобщности процессов порождения. Присуща ли человеческому индивиду способность порождения или это характерно лишь для социума и природы в целом? Эти и многие другие вопросы ещё ждут своего разрешения.

Существенно важной, как нам представляется, является точка зрения Гегеля на деятельность как на способ порождения самого субъекта деятельности: « ... Поскольку действие обладает характером всеобщности и то, что действует, приравнено к тому, что порождается благодаря этому, целесообразное действие как таковое не могло бы быть присуще органическому ... » [14, с.141].

Правда, сам характер порождения (по Гегелю) означает самопознание, поскольку и начало деятельности, и её конец – это одно и то же, а результат деятельности есть его цель: « ... Но конец обнаруживает этот приоритет самого себя в том, что благодаря изменению, произведенному действием, ничего ино-

го не происходит, кроме того, что уже было. Или если начать с начала, то оно в конце своем или в результате своего действия приходит лишь обратно к себе самому; и именно благодаря этому оно оказывается чем-то таким, что имеет своим концом себя само, следовательно, как начало оно уже вернулось к себе, или: оно есть в себе и для себя самого.

Следовательно, то, чего органическое достигает благодаря движению своего действия, есть оно само; и то, что оно достигает только себя самого, и есть его чувствование себя. Правда, тем самым имеется налицо различие между тем, что оно есть, и тем, чего оно ищет, но это только видимость различия, и благодаря этому оно само по себе есть понятие ... » [14, с.139].

Можно сказать, что органическая система не порождает нового, а в результате деятельности приходит к себе же, т.е. к тому, что уже было до начала деятельности: « ... Органическое не порождает чего-либо, а лишь сохраняет себя; иначе говоря, то, что порождается, в такой же мере уже имеется налицо, как и порождается ... » [14, с.139].

Поэтому термин «порождение» здесь означает не создание нового, а приведение в соответствие внутренней цели и внешней действительности: « ... совершение поступков есть не что иное, как претворение в действительность внутренней моральной цели, не что иное, как порождение некоторой действительности, определяемой целью, или создание гармонии между моральной целью и самой действительностью ... » [14, с.331].

Важнейшая проблема самодостаточности деятельности, самодостаточности человека Гегелем решается за счёт утверждения самотождественности человека самому себе. Поэтому «действие» - это не порождение нового содержания, а перевод имеющегося «неявного» содержания в «явную» форму, в форму понятия. В форме понятия сознание узнаёт себя, но себя, которое уже есть как действительность. Неоднократное подчёркивание Гегелем непроизводительного характера деятельности нужно понимать как деятельность самопознания, а не самосозидания.

Неслучайно, что вопросы возникновения внутреннего содержания самого сознания (его в-себе-бытия) Гегелем не обсуждаются. И здесь вполне объяснимо, что идеалом Гегеля явля-

ется уже состоявшийся мир, главная проблема которого является его самопознание. Не случайно, что завершённость природы и финальность развития сознания в гегелевской концепции стали предметом критики со стороны К.Маркса.

В материалистической диалектике проблема самодостаточности деятельности решается иначе. Другой вариант решения непосредственно связан с другой онтологической картиной объективного мира. Как известно, марксизм основывается на предположении о существовании объективных законов развития природы как целого, а деятельность (и её непосредственно-чувственная форма – труд) есть способ связи человека (социума) с природой как целым: « ... Труд есть основной канал связи между обществом и природой. Общественно организованный труд как обмен веществ, энергии и информации между человеком и природной средой есть материальное производство, которое выступает как вечная необходимость, первое условие существования общественной жизни ... » [46, с.23].

Как видно, исходные положения марксизма коренным образом отличаются от гносеологических положений концепции Гегеля. В отличие от него, К.Маркс постулирует производящий характер деятельности, более того, деятельность как производство прежде всего направлена на порождение собственной жизни человека: « ... Что разумеет Маркс под «промышленной деятельностью»? Это прежде всего производство самими индивидами средств и условий своего существования, стало быть, производство собственной жизни ... » [47, с.30].

Если Гегелем происхождение самого сознания не объясняется, то К.Маркс связывает возникновение сознания с особым статусом человека в объективном мире. А именно с тем, что человек сам производит самого себя: « ... Человек выделился из мира других животных с того момента, когда он стал производить средства существования, создавать орудия производства ... » [5, с.121].

В отличие от гегелевской активности сознания, результатом которой является то же содержание сознания, которое уже было до начала активности, результатом предметной деятельности становится новая онтологическая предметная среда – человеческая предметная среда: « ... В результате предметной деятель-

ности, в результате становления возникают конкретные вещи, удовлетворяющие определенным человеческим потребностям ... » [20, с.93].

Если онтологическим пространством гегелевского активного сознания является пространство познания, понятийное пространство, пространство познавательных образов, а понятие является средством гармонизации действительности, но не средством её созидания, то онтологическим пространством предметного человека (по К.Марксу) является пространство производства человеком себя нового за счёт производства нового предметного мира: « ... Понимание общественного бытия как практики, а практики как производства, прежде всего производства человеком самого себя, обнажает уровень, который скрыт за материальными структурами и овеществленными формами. На этом уровне индивиды выступают в своей конкретно-исторической целостности, человеческой подлинности ... » [11, с.21].

Таким образом, в отличие от Гегеля, где основой жизнедеятельности человека является его самопознание, основой жизнедеятельности предметного человека по К.Марксу является производство им самого себя, собственной предметной среды: « ... Оно [производство. - В.А.] есть способ и основа непосредственной жизнедеятельности общественного человека ... » [11, с.21].

Идея Гегеля о самодостаточности, К.Марксом была решена по-своему. Если самодостаточность Гегелем понималась как самоидентичность, то самодостаточность по Марксу – это самодетерминированность и самопорождение: « ... Суть Марксовой идеи состоит в том, что предметом производства является общество в целом ... » [11, с.21].

Всё человеческое в человеке является продуктом производства, является результатом его собственной предметной деятельности. Предметная деятельность (по К.Марксу) есть всеобщий способ самопорождения человека, универсальный способ его саморазвития: « ... К.Маркс подчеркивал, что именно производство «производит ... предмет потребления, способ потребления и побуждение к потреблению ... » [46, с.74].

ВЫВОД:

Самодостаточность по Гегелю – это самотождественность субъекта самому себе. Деятельность есть способ обеспечения самотождественности.

Самодостаточность по Марксу – это самопорождение субъектом самого себя. Предметная деятельность есть способ производства (порождения) самого себя

5.3. Деятельность как творчество

Если исходить из понимания предметной деятельности как способа порождения нового, то вполне естественно рассматривать её не как способ потребления, а как способ созидания: « ... Суть деятельности не в потреблении, а в созидании ... » [22, с.119].

То есть, любое человеческое созидание, творчество – это и есть деятельность: « ... В любом своем значении творчество – это деятельность ... » [53, с.274].

Нам близка точка зрения, согласно которой, с одной стороны, сущность предметной деятельности отождествляется с творчеством, а с другой, творчество понимается как способ существования личности: « ... Человеческая деятельность по самой своей сущности, по характеру осуществления, по общественно-культурной значимости есть творчество, а потому для всесторонне развитой личности творчество есть способ её бытия ... » [64, с.34].

Но что особенно важно для нас, так это то, что предметная деятельность понимается как творчество индивидом самого себя, и что чрезвычайно важно – как творчество собственных социальных отношений (своего социума): « ... Своей предметно-преобразующей деятельностью индивид не только выполняет функции, определяемые социальной системой, но и творит собственные общественные отношения и самого себя ... » [22, с.118].

Есть и другое понимание творчества и его соотношения с предметной деятельностью. Не-деятельностное происхождение творчества, как правило, связывают с концепцией порогов распредмечивания. В этом случае считается, что преодоление этих порогов является заслугой не самой деятельности, а неких запороговых креативных сил: « ... Не деятельность порождает из

своей сферы творчество, а, наоборот, собственно креативность как над-деятельностное отношение, в котором участвуют запороговые содержания и самого субъекта, и внечеловеческого мира, порождает все новую и новую деятельность, раскрывая субъекту прежде недоступные ему уровни бытия, сдвигая шаг за шагом порог рапредмечивания. Вся без исключения допороговая сфера образовалась исторически только благодаря такой ведущей или первичной роли креативности ... » [60, с.154].

Сам факт преодоления порогов распредмечивания (а по сути дела - акт развития) трактуется не как деятельностный феномен, а как результат осуществления объективной креативности, как осуществление надпороговой или запороговой креативности: « ... до тех пор, пока на каждой исторически достигнутой ступени развития и совершенствования общества, или социальной группы, или индивида (поскольку он персонифицирует определенные типы социальности) уровень развития деятельности остается в принципе тем же самым по своему типу, до тех пор остается относительно постоянным и столь же относительно непреходимым предел доступности объективного содержания для распредмечивания. Это значит, что для культурной эпохи, для общества, социальной группы и для индивида всегда существует исторически определенный порог распредмечиваемости, по ту сторону которого лежат такие содержания, которые могут оказаться доступными лишь при радикально ином уровне деятельности и иных её парадигмах. Назовем их: запороговые. Все виды человеческой деятельности, поскольку они происходят в стандартных или в проблемных, но не творчески-проблемных ситуациях, не преодолевают этого порога и остаются внутри допороговой сферы. Что же касается сдвига порога, то это исторически важное дело удастся только собственно творчеству, креативности в самом узком и строгом смысле ... » [9, с.27].

Нам представляется, что концепция порогов распредмечивания, по своему внутреннему содержанию весьма интересная и во многом адекватная процессу развития как качественного самоизменения, тем не менее, строится на предположении и допущении источников самодвижения вне самой предметной деятельности.

Поскольку предполагается, что креативность не является (и не может являться) характеристикой самой предметной деятельности, то, тем самым, необходимо искать источники креативности вне предметной деятельности. Нам представляется, что такая позиция во многом отходит от концепции деятельности как самодостаточной действительности, заложенной ещё Гегелем. Для нас это означает, что при такой трактовке деятельности проблема самодетерминированности человека решена быть не может, а сам человек, при такой постановке вопроса, должен рассматриваться как детерминированный извне.

Кроме того, нам представляется, что подобная позиция открывает теоретические возможности истолковывать деятельность, с одной стороны, как активность, т.е. непредметное, детерминированное «изнутри» собственной естественной природой отношение, а с другой стороны, как детерминированное «извне» «искусственной» (божественной) природой отношение.

Ни то, ни другое не решает проблемы самодостаточности человека как универсального существа. А утверждение, что буд-то бы для сдвигания порогов распредмечивания необходимо что-то иное, кроме самой деятельности, только подтверждает наш предыдущий вывод: « ... Творчество отличается от деятельности тем, что оно может именно то, что деятельность принципиально не может, ибо оно есть прогрессивное сдвигание самих порогов распредмечиваемости, ограничивающих деятельность и замыкающих её в её собственной сфере – при любой её относительно внешней (парадигмально той же самой) экспансии ... » [9, с.29].

Не отрицая деятельностной природы творчества, некоторые исследователи все же источник его происхождения помещают не внутри деятельности, а вне неё: « ... Конечно, творчество есть также и деяние, креативное деяние. Но прежде чем стать деянием и для того чтобы стать им, творчество сначала должно быть особенного рода наддеятельностным отношением субъекта к миру и к самому себе, отношение ко всему сущему как могущему быть иным ... » [9, с.29].

Такая точка зрения даёт основания для критики сторонников позиции разделения природы деятельности и природы творчест-

ва, поскольку логическим выводом из неё является отказ от деятельности как от универсального способа бытия человека:

« ... Г.С.Батищев ограничивает применимость понятие деятельности ... со стороны творчества. Хотя он и не отрицает, что творчество – деяние, однако деятельность у него ограничена пределами уже освоенного человеком мира. Он прямо заявляет, что его трактовка лишает правомерности тезис о том, что деятельность есть способ бытия человека, его культуры ... » [32, с.207].

На деле отказ деятельности в творческом потенциале означает замкнутость деятельности на её культурные образцы и утверждение неспособности ею самой эти образцы преодолевать: « ... Во-первых, оказывается, [у Батищева. – В.А.], что сама деятельность носит нетворческий характер, поскольку наглухо замкнута своими культурными образцами, парадигмами, между которыми нет совпадения. Это буквально тезис культурной несоизмеримости со всеми вытекающими следствиями ... » [27, с.178].

5.4. Проблема возникновения нового качества деятельности

К проблеме природы творчества тесно примыкает проблема возникновения нового качества самой деятельности. До сих пор этот вопрос окончательно не решён. Нам представляется, что его трудно будет решить, оставаясь в пределах рассмотрения продуктов предметной деятельности и стабильности самого объективного мира: « ... Откуда возникает новое качество деятельности, если человек в процессе такого конструирования имеет дело только с продуктом прошлого труда или относительно постоянным миром природы ... » [29, с.309].

Видимо, в состав условий возникновения нового, в состав его детерминант необходимо ещё включать и иные факторы, такие как, например, логика развития культуры и логика развития самого объективного мира.

5.5. Деятельность и развитие

Отдельной самостоятельной проблемой является вопрос о деятельности как развивающейся целостности и, в связи с этим,

как фактора собственного развития. В этом смысле можно говорить о том, что появление человека как субъекта предметной деятельности ознаменовало новую эру в развитии самой объективной реальности: « ... Появление человека, общества было возникновением нового типа взаимодействия со средой, новой формы бытия, нового вида развития ... » [48, с.40].

Теперь уже характер развития природы определяется характером развития человека, а его развитие как субъекта предметной деятельности определяется развитием самой предметной деятельности, а не развитием структур его организма: « ... установлено, что ступени развития человека определяются не морфологическими изменениями организма, а уровнем и характером развития его предметной деятельности ... » [20, с.73].

В свою очередь, развитие предметной деятельности детерминировало развитие познания и форм знания: « ... С развитием человеческого общества, его производственной деятельности изменялись и методы познания и формы бытования накопленных сведений о мире ... » [20, с.29].

Возникает новая форма развития – социальная, которая порождает новую для естественной природы форму предметности. Наряду с вещной предметностью, возникает так называемая «человеческая предметность». Теперь именно в «человеческой предметности» аккумулируется креативный потенциал развития: « ... общественное развитие осуществляется не только через вещнопредметные формы, но и аккумулируются в развитии самого субъекта. Однако между вещной предметностью и предметностью человека как субъекта имеется существенное различие. ...

Маркс ... разграничивает предметность в «прочной форме» и человеческую предметность. Последняя по всем законам логического вывода должна быть понята как не имеющая «прочной формы». Граница определяется местом каждой из них в практической деятельности. Предметность в «прочной» ... форме есть момент движения человека как субъекта ... » [11, с.69].

В противоположность гегелевской точке зрения, не сознание задаёт характер внешней предметности, а предметная деятельность определяет уровень сознательного отношения к реальной действительности: « ... мера развитости теоретического освое-

ния действительности соответствует уровню развития практической преобразующей деятельности человека ... » [20, с.28].

Само же развитие человека понимается как результат его собственной познавательной и преобразовательной деятельности: « ... в процессе деятельности человека, направленной на познание и преобразование внешнего мира, происходит одновременно и развитие его собственных интеллектуальных, нравственных и физических способностей ... » [4, с.219].

Если в до-человеческом мире развитие осуществлялось как изменение физиологических способов приспособления, являющихся свойствами приспосабливающегося организма, то развитие человека осуществляется как изменение способов его деятельности, осуществляемое через преобразование человеческой природы – культуры: « ... Если самоизменение человека осуществляется путем изменения способов его деятельности, а деятельные способности человека могут существовать только в предметном воплощении, то развитие человека приобретает как в онтогенезе, так и филогенезе совершенно уникальную для природы форму. ... его развитие происходит не в форме изменения данного ему от природы тела или физиологических механизмов жизнедеятельности этого тела, а в результате изменения способов его предметно-практической деятельности, т.е. путем преобразования мира культуры как предметного воплощения деятельных способностей, производительных сил человека ... » [64, с.23].

Невещественная (несубстратная; идеальная) форма развития человека позволяет ему стать универсальным существом, поскольку человек, в принципе, может собственное развитие сделать предметом собственной деятельности: « ... Индивиды приобретают универсальность по мере того, в какой степени предметом или мотивом их деятельности становится их собственное развитие, т.е. развитие индивидов как таковых. Только в таком случае предметом, на который направлена их деятельность, могут быть способы их жизнедеятельности, их собственные отношения друг к другу ... » [30, с.53].

Сделав предметом собственной деятельности собственное развитие, человек становится самодостаточным существом, законы развития которого совпадают с законами развития социу-

ма и универсальными законами объективного мира в целом. Поэтому самодетерминированное развитие человеческого индивида порождает не только его самого, но и в целом весь социум: « ... Развиваться ... человек может только сам. И именно такое развитие в конечном счете изменяет не только самого человека, но и общество ... » [11, с.67].

ВЫВОД:

единственно возможная форма развития человека и общества – это индивидуальная форма

5.6. Механизм порождения как деятельность

Деятельностный подход к человеку как общий методологический принцип рассмотрения человека и законов его развития, позволяет рассматривать развитие как решение задач. При этом сами механизмы решения могут рассматриваться как деятельность, что говорит за то, что порождающие механизмы – это и есть деятельность.

На примере познавательного отношения можно сказать, что: « ... порождающие же знания механизмы, выявляемые посредством рефлексии над основаниями знания, представляют собой деятельность по решению различных познавательных задач ... » [15, с.133].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Особенности чувственной формы предметной деятельности.
2. Чувственная форма как генетически исходная форма деятельности.
3. Деятельность как порождение (созидание).
4. Порождение как производство.
5. Деятельность как творчество.
6. Деятельность и её новые качества.
7. Проблема возникновения нового качества деятельности.
8. Развитие как качественное изменение.
9. Деятельности и развитие.
10. Развитие деятельности как её саморазвитие.
11. Деятельность как самопрождающаяся действительность.
12. Деятельность как механизм порождения.

Глава 6.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕНИЕ

6.1. Социальная природа деятельности

Достаточно серьёзна проблема, наряду с психологическим содержанием самой предметной деятельности, - это проблема соотношения предметной деятельности и общения.

Исходным для её решения может стать марксистское положение о том, что: « ... труд возможен только как социальная, но никогда как индивидуальная деятельность ... » [47, с.52].

Это означает, что в основе всей жизнедеятельности человека, в том числе: « ... В основе познания лежит практическая деятельность, подчеркивает теория познания диалектического материализма; при этом последняя должна быть понята в ее специфически человеческих характеристиках, а именно: как деятельность коллективная, совместная, в ходе осуществления которой индивид вступает в определенные отношения с другими людьми; как деятельность опосредованная, в процессе которой человек ставит между собой и внешним, естественно-возникающим предметом, другие предметы, созданные людьми и играющие роль орудий деятельности; и, наконец, как деятельность, исторически развивающаяся и несущая в себе собственную историю ... » [37, с.38].

Истоки социальной природы деятельности многие философы видят в исторической необходимости разделения её функций. Поскольку: « ... Деятельность, даже в ее самой неразвитой, примитивной форме, с самого начала предполагает разделение функций между её участниками, ибо какой бы простой она ни была, она всегда слишком сложна, чтобы её мог осуществить отдельный индивид ... » [20, с.210].

6.2. Предметная деятельность и взаимодействие

Многие исследователи деятельности связывают её социальную природу с всеобщим характером механизма взаимодействия: « ... Категория «взаимодействие» является одной из фунда-

ментальных в диалектическом материализме. Она отражает объективный процесс функционирования и развития сложных и многообразных динамических связей между различными системами ... » [4, с.111].

По их мнению, взаимодействие является реальным критерием самого объекта познания, а переход на новый уровень взаимодействия связан с новым уровнем познания самого объекта: « ... В процессе познания определение объекта по одному из его существенных взаимодействий вполне оправдано до некоторого предела, после которого необходимо искать другое существенное взаимодействие ... » [4, с.113].

6.3. Предметная деятельность и общественные отношения

Но исследование социальной природы деятельности, с нашей точки зрения, не может быть ограничено категорией «взаимодействие». Не менее важной (а может быть и более важной) является категория «общественные отношения».

Принято считать, что непосредственной основой возникновения и существования общественных отношений является труд: « ... Труд есть основной канал связи между обществом и природой. Общественно организованный труд как обмен веществ, энергии и информации между человеком и природной средой есть материальное производство, которое выступает как вечная необходимость, первое условие существования общественной жизни ... » [44, с.21].

Труд как непосредственно-чувственная форма предметной деятельности непрерывно порождает и обновляет социальное поле, воспроизводя и производя социальные отношения: « ... Трудовая деятельность человека постоянно созидает нечто новое или ставит старые отношения в другом свете, непрерывно производит новые отношения, т.е. создает вокруг людей постоянно обновляющееся социальное поле и в силу этого держит сознание в состоянии постоянной бдительности, не давая ему усыпляться ... » [47, с.117].

И у К.Маркса общество (система социальных отношений) предстает как продукт взаимодействующих индивидов: « ... Маркс ставил вопрос: «Что же такое общество, какова бы ни

была его форма?». И отвечал: «Продукт взаимодействия людей» ... » [30, с.41].

В итоге, социальная форма движения материи не имеет собственной особой природы, отличной от природы индивидуальности, а является продуктом взаимодействия самих людей: « ... Как продукт взаимодействия людей общество является высшей из известных форм движения материи ... » [46, с.23]. Это означает, что из внутренних отношений, присущих самой предметной деятельности, вышли все внешние формы социальности, в том числе, социальные отношения: « ... Из отношений предметной деятельности как первичной, исходной формы вышли все известные в обществе способы коммуникации ... » [36, с.196].

Поэтому при анализе связи предметной деятельности и общественных отношений (общения) необходимо иметь в виду, что общение (субъект-субъектные отношения) есть изначально внутренняя структура самой деятельности как целого: « ... Общественные отношения и есть всеобщая внутренняя схема целостной деятельности ... » [20, с.215].

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым специально подчеркнуть, что общий способ формирования вещей не может стать предметом индивидуальной формы деятельности: « ... Выявление и преобразование всеобщего способа формирования вещей и его структуры невозможно в деятельности одного индивида ... » [20, с.216]. Т.е. развитие как изменение общего способа собственной деятельности (общего способа преобразования вещей) может произойти только в форме общения, поскольку: « ... отношение людей к природе опосредовано их реальными отношениями друг с другом ... » [20, с.99].

Это означает, что не существует субъект-объектного отношения как одного из аспектов содержания предметной деятельности, вне субъект-субъектного его аспекта: « ... содержание предметной деятельности не существует без определенной общественной формы, без определенных общественных отношений людей друг к другу ... » [20, с.91].

Отсюда следует чрезвычайно важный вывод: процесс превращения предметных структур в структуры деятельности (распредмечивание) имеет не индивидуальное, а социальное (субъект-субъектное) содержание: « ... превращение предметных

структур в структуру деятельности приобретает содержание общественных отношений ... » [20, с.216].

И теперь сделаем важнейшее для нас обоснование – рефлексивная сущность предметной деятельности имеет социальную природу, её источник находится в общественных отношениях людей: « ... чтобы познать сущность предметной деятельности, всеобщие законы ее функционирования, мы должны перейти к анализу общественных отношений людей ... » [20, с.99].

Таким образом, ещё раз подтверждается основное марксистское положение о социальной природе человеческого, но социальное при этом должно пониматься не как над-индивидуальное, не как сверх-индивидуальное, а как особый продукт индивидуального: « ... никакой другой реальности кроме взаимодействующих индивидов нет, это взаимодействие и есть в этом смысле реальность общества ... » [30, с.42].

Объективность же социальных законов заключается в том, что социальные отношения не являются продуктом гносеологической рефлексии, а являются следствием объективно осуществляемой предметной деятельности: « ... устанавливаемая в ходе предметной деятельности общественная связь не есть следствие рефлексии. «От человека не зависит, быть или не быть общественной связи» ... » [36, с.196].

На объективность социальных отношений указывали в своё время классики, причём сегодня важно подчеркнуть, что, хотя мы и привыкли к тому, что и В.И.Ленин, и К.Маркс нам представлялись апологетами превосходства социального над индивидуальным, тем не менее, они в своё время говорили о социальных отношениях как результате индивидуальной деятельности людей: « ... нужно помнить, что они [общественные отношения. - В.А.] складываются именно « ... как (результат) форма деятельности человека ... » (Ленин), что «эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность» (Маркс) ... » [11, с.17].

Общественные отношения не только возникают в результате предметной деятельности, но и реально существуют сами, как самостоятельная действительность, только будучи реальными действиями (поступками) людей: « ... общественные отношения

реальны только будучи действиями, поступками ... » [30, с.26]. Это значит, что реальность социальных отношений не в голове, не в идеальных формах мышления (сознания). Их онтологическое пространство – есть пространство реальных социальных и предметных преобразований.

И последнее. Какое отношение считать первичным (исходным) для происхождения человека? Распространённым является мнение о первичности субъект-объектного (в частности, познавательного) отношения. Но это не так, поскольку: « ... Сама по себе вещь не содержит в себе способа деятельности с ней. ... Способ деятельности конденсируется в общественных отношениях, носителем которых является общественный предмет. За пределами этих отношений вещь не может быть распредмечена по той простой причине, что в ней ничего и не опредмечено ... » [11, с.60].

6.4. Общение как производство

В развитие последнего тезиса об исходности субъект-субъектного отношения для возникновения человека, следует напомнить, что ещё К.Маркс рассматривал общение (субъект-субъектное отношение) как особое производство, как производство самого человека: « ... Для Маркса личностное общение есть производство, причем производство человека ... » [11, с.142].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Индивидуальная природа деятельности.
2. Социальная природа деятельности.
3. Междусубъектная природа деятельности.
4. Психологический смысл взаимодействия.
5. Предметная деятельность как взаимодействие.
6. Психологический смысл общественных отношений.
7. Предметная деятельность и общественные отношения.
8. Взаимодействие и общение.
9. Психологический смысл общения.
10. Общение как социальное отношение.
11. Общение как производство.
12. Онтологическое общение и диалог.

Глава 7.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

7.1. Деятельность как целостность (как целое)

Процесс становления человека как предметного существа необходимо исследовать как процесс становления человека как субъекта предметной деятельности. Поскольку этот процесс есть процесс качественного изменения (развития), то необходимо рассматривать человека как развивающуюся целостность. Без рассмотрения самой предметной деятельности как целого это невозможно.

Поэтому первое, что необходимо сделать для рассмотрения целостного человека, это понять самоё предметную деятельность как целое. Описывая деятельность как целое, Гегель определял её следующим образом: « ... суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не превратилось еще в действительность ... » [14, с.2].

Таким образом, целостность деятельности задаётся исходным отношением цель – способ осуществления цели. Именно это отношение является содержанием любого проявления деятельности, любое её явление выражает это исходное отношение, любой элемент в структуре деятельности имеет своим основанием это отношение.

Современные философы, описывая целостную деятельность, также видят её источник в предложенном Гегелем отношении: « ... Целостность деятельности обеспечивается тем, что цель и результат представлены в ней не как формальное, абстрактное тождество, а как диалектическое единство, реализуемое человеком-субъектом в процессе постановки и реализации цели – в процессе целеполагания ... » [22, с.117].

Из философской концепции деятельности непосредственно следует весьма важный результат для психологической науки,

закрывающийся в том, что целостную деятельность нельзя представить в виде *системы целесообразных действий*:

« ... Деятельность, рассматриваемая как философская категория, по определению, обладает атрибутом целостности и именно поэтому не может быть представлена системой целесообразных действий или разложена на отдельные действия, поведенческие акты и т.п. ... » [22, с.117].

Данная, в общем-то, неправомерная процедура, искажает содержание философской категории деятельности как целостного целесообразного отношения, поскольку теперь представляет собой просто набор (совокупность) отдельных её элементов. Более того, представление деятельности через совокупность отдельных целесообразных действий не соответствует исходному содержанию деятельности как истинно человеческому целостному отношению, поскольку теперь (в психологическом варианте) целостная деятельность детерминирована не целью, а мотивом.

Нам представляется неоправданной такая искусственность расчленения исходной целостности деятельности на её составляющие, тем более что причины, побудившие авторов психологического понятия деятельности на такую процедуру, в явной форме не были сколько-нибудь убедительно обоснованы ни одним из них.

Остаётся только предполагать, почему именно таким образом потупили психологи при конструировании психологического понятия деятельности. Одним из возможных вариантов, на наш взгляд, является предположение о том, что психологическое понятие деятельности конструировалось, всё-таки, не на основе философской категории «предметная деятельность» как целостного отношения, сформулированной К.Марксом на основе гегелевской гносеологической категории деятельности сознания, а было выведено из понятия активности, имеющего давнишнюю естественнонаучную традицию и соотносимого с рефлекторной деятельностью организма.

7.2. Целостность человеческого индивида

Из целостности предметной деятельности как характерного человеческого отношения непосредственным образом следует

целостность человека как субъекта предметной деятельности. Именно понимание деятельности как производства человеком самого себя даёт возможность рассматривать самого человека как самодостаточную целостность: « ... Понимание общественного бытия как практики, а практики как производства, прежде всего производства человеком самого себя, обнажает уровень, который скрыт за материальными структурами и овеществленными формами. На этом уровне индивиды выступают в своей конкретно-исторической целостности, человеческой подлинности ... » [11, с.21].

7.3. Человеческий индивид как созидатель действительности

Проблема соотношения индивидуального и социального, и производная от неё проблема роли человеческого индивида в реальном мире является одной из главных. В силу того, что толкование марксизма как концепции, в которой социум является подавляющей индивидуальность силой, до недавнего времени было безальтернативным, поэтому социальная природа индивида всегда трактовалась односторонне, в виде вектора от социума – к индивиду, но не наоборот.

Но уже Гегель давал в своих работах повод понимать действительность (реальное пространство) как деятельность индивидуальности: « ... для индивидуальности нет ничего, что шло бы не через неё, или: не бывает действительности, которая не была бы натурой индивидуальности и её действием, и не бывает ни действия, ни в-себе-бытия индивидуальности, которые не были бы действительны, а только эти моменты и подлежат сравнению ... » [14, с.214].

Можно заключить (или можно прочесть Гегеля и таким образом), что любая действительность, создаваемая деятельностью индивида, есть он сам. Что индивидуальная деятельность есть способ перевода его самого из возможности в действительность: « ... Что бы ни сделал индивид и что бы с ним не случилось, это его действие и это он сам; у него может быть только сознание чистого перевода себя самого из мрака возможности на дневной свет настоящего, перехода из абстрактного «в себе» - в значение действительного бытия, и он может об-

ладать достоверностью того, что то, что с ним случается в этом действительном бытии, есть не что иное, как то, что дремало в возможности ... » [14, с.215].

Тем самым, индивидуальность есть способ претворения собственной сущности из возможности в действительность:

« ... индивидуальность есть как раз претворение в действительность в-себе-сущего ... » [14, с.208].

И далее, по Гегелю, индивидуальность есть всеобщее (сущность) действительности, поскольку его собственная сущность есть одновременно и сущность другого: « ... последняя [индивидуальность. - В.А.] есть принцип действительности, ибо именно она есть сознание, благодаря которому в-себе-сущее в такой же мере есть и для некоторого «иного»; общий ход вещей осуществляет превращение неизменного, но на деле он этим превращает его из «ничто» абстракции в бытие реальности ... » [14, с.207].

Но если Гегель рассматривал движение сущности как некое замкнутое на себя и только осуществляемое индивидуальной деятельностью без какого-либо её изменения, то К.Маркс предположил, что это движение разрывается. Именно индивидуальная деятельность, по К.Марксу, разрывает круговое движение неизменной сущности - за счёт производства нового. В связи с этим, в отличие от Гегеля, для К.Маркса исходным пунктом анализа является не вечная и неизменная сущность, а производство и сами производящие индивиды: « ... Предмет исследования - это прежде всего материальное производство. Индивиды, производящие в обществе, - а следовательно общественно-определенное производство индивидов, - таков естественно исходный пункт ... » [41, с.108].

Поэтому, при рассмотрении проблемы производства, т.е. проблемы происхождения нового, в первую очередь необходимо рассматривать производящего индивида, а главной способностью производящего индивида является его способность к свободному целеполаганию: « ... Если субъект деятельности представляет собой не более чем персонифицированное общество, т.е. действует только в соответствии с общественными нормами и стандартами, то откуда возникает изменение этих стандартов, как появятся новые нормы? Мы не сможем ответить на этот вопрос, если не обратимся к личности действующего субъекта ... » [41, с.108].

екта, если не примем во внимание то обстоятельство, что он не только продукт общественных отношений, но кое-что сверх того.

Н.С.Злобин видит источник нового в целеполагании: не условия детерминируют выбор цели, её устанавливает сам свободно действующий субъект. Я с этим совершенно согласен ... » [50, с.193].

В результате мы приходим к важнейшему выводу: предметная деятельность как порождение, как созидание нового осуществляется не неким безличным, над-индивидуальным социумом, как это было принято считать до недавнего времени. Субъектом созидания нового, новой предметной действительности, и субъектом собственной новой социальной действительности является конкретный человеческий индивид: « ... Общество не может порождать нового, новое создается лишь отдельным индивидом, который нарушает существующие социальные нормы и стандарты, вносит в деятельность черты своей индивидуальности, часто ошибается, не достигает своих целей, порой гибнет, но иногда добивается успеха и создает новые образцы деятельности и поведения ... » [50, с.193].

7.4. Деятельность как реальность человеческого индивида

В своём анализе предметной деятельности (и труда) как истинно человеческого отношения, мы исходим из того, что предметная деятельность есть всеобщее условие человеческой жизнедеятельности: « ... Процесс труда ... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой ... » [42, с.175].

Созидательный труд (производящая деятельность) есть независимое от конкретных общественных форм условие любой человеческой жизни: « ... Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен

веществ между человеком и природой, т.е. не была возможна сама человеческая жизнь ... » [42, с.42].

Это марксистское положение до сих остаётся основным средством описания существенных признаков человеческой жизнедеятельности: « ... Предметная деятельность, целесообразное изменение вещества природы является всеобщим условием человеческой жизни ... » [20, с.92].

Марксистский подход к изучению человека был заложен в своё время Гегелем, который считал, что единственно верным критерием оценки человека является его деятельность и её продукты: « ... человек есть не что иное, как ряд его поступков ... » [13, с.311]; « ... что человек делает, таков он и есть, и лживому тщеславию, которое тешится сознанием своего внутреннего превосходства, мы должны противопоставить евангельское изречение: «По плодам их узнаете их» ... » [13, с.310].

В обосновании реальности деятельности как содержательно-го критерия человека Гегель исходил из того, что поступок (деятельность; действие) есть истинная действительность (реальность) человеческого индивида: « ... ибо как поступок он есть действительность индивида ... » [14, с.357].

Несмотря на то, что содержание деятельности в марксизме понимается иначе, тем не менее, утверждение Гегеля о тождественности человека своей деятельности остаётся в силе и здесь: « ... человек есть не просто «чувственный предмет», а «чувственная деятельность» ... » [11, с.51].

Только под реальной жизнедеятельностью теперь понимается не деятельность сознания, а реальная жизнедеятельность реальных человеческих индивидов: « ... «Реальная жизнедеятельность реальных индивидов» для Маркса это и есть практика. Даже текстуально Маркс нередко употребляет эти термины как синонимы ... » [11, с.19].

По К.Марксу, реальными субъектами предметной деятельности остаются человеческие индивиды, и они не могут быть сведены к функции абстрактного социума: « ... Действуют всегда люди, т.е. живые, телесные, сознательные индивиды. Они принципиально несводимы к той абстракции, которая объявляется необходимой для деятельности в заданной разделением труда сфере. Тем более они несводимы к персонажам создано-

го отчуждением квазисамостоятельного социального мира ... » [11, с.16].

Справедливости ради надо заметить, что такую категоричную позицию разделяют не все философы. Если утверждение о том, что собственная деятельность, безусловно, является реальностью самого индивида, то является ли она таковой в культурно-историческом (социально-историческом) плане для многих философов не всегда очевидно: « ... Собственная деятельность индивида, его действия и поступки имеют для его формирования, разумеется, решающее значение. Эти действия суть его реальность. Но являются ли они реальностью в общественно-историческом плане? ... » [30, с.35].

7.5. Человеческий индивид как субъект деятельности

Нам представляется, что особой спецификой современной конкретно-исторической ситуации в психологической науке является необходимость содержательно различить социум и человеческий индивид, и в этом различении заново определить место и роль человеческого индивида в социуме и значение социума в жизнедеятельности самого индивида.

Актуальность постановки такой исследовательской задачи продиктована неприемлемостью для объяснения человека прежней позиции доминирования социума над индивидуальным субъектом. Приоритет социума над индивидом в теоретическом плане является способом обоснования несамостоятельности и зависимости человеческого индивида от нормотворческой деятельности абстрактного социума, подчинение всей жизнедеятельности конкретного человека его общественной функции.

Такое прочтение К.Маркса долгое время было единственным вариантом объяснения социальной природы человека, причём социальность человека утверждалась не только за счёт отрицания его индивидуальности, но и за счёт отрицания его универсальности. Рассмотрение социума как единственного и главного субъекта деятельности отодвигала на второй план проблему самостоятельности и независимости человека.

Нам представляется, что такое гипертрофированное значение, приписываемое долгое время социуму, не является оправданным, и в изучении человека необходимо искать другие воз-

возможности для описания способов взаимоотношения человека и социума. Подтверждением сказанному, с нашей точки зрения, является утверждение Аристотеля об индивидуальности деятельности: « ... Ещё Аристотель заметил, что первая форма взаимодействия живого организма с внешним миром - чувственная. Мир начинается действием, а действие всегда индивидуально, конкретно ... » [4, с.30].

Эти же мысли об исходности индивида и его деятельности мы находим у Гегеля, который в своё время утверждал, что индивид есть результат собственной деятельности: « ... индивид есть в себе самом и для себя самого: он есть для себя, или он есть свободное действие; но он есть также в себе, или: он сам обладает некоторым первоначальным определенным бытием - определенностью, которая согласно понятию есть то же, что психология хотела найти вне него. Таким образом, в нем самом противоположность выступает как двойная противоположность: движение сознания и прочное бытие некоторой являющейся действительности - такой действительности, которая есть непосредственно в нем его действительность. Это бытие, тело определенной индивидуальности, есть первоначальность её, не результат её действия. Но так как индивид в то же время есть только то, что получается в результате его действия, то его тело есть им же созданное выражение его самого и вместе с тем некоторый знак, который не остался непосредственной сутью дела, но в котором индивид даёт только знать, что он есть в том смысле, что он осуществляет свою первоначальную природу в произведении ... » [14, с.165].

Многие современные философы разделяют точку зрения, согласно которой человеческая субъектность непосредственно связана с «живым трудом» как внутренней (индивидуальной) формой человеческой души: « ... что же определяет это выведение человека за пределы вещи, на уровень субъекта? Определяет созидательная деятельность, труд. Но и стоимостную форму определяет труд. Дело, однако, в том, что если субстанция стоимости представляет собой овеществленный труд, мертвый труд в мертвой вещи, то внутренней формой человеческой «души» является живой труд в живом человеке, живой субъективный про-

цесс, генетически связанный с внешним трудом, но не сводящийся к нему. В этом кардинальное различие ... » [11, с.48].

С этой точки зрения представляется возможным интерпретировать как субъекта практической деятельности и познания уже не абстрактный социум, а конкретного человеческого индивида: « ... человеческое познание в своей целостности имеет своим предметом (объектом) мир как целое, т.е. мир, включающий в себя и самого человека - субъекта практического действия и научного познания ... » [51, с.113]; « ... в ходе предметной деятельности человек выделяет предметную область и целенаправленно формирует объект ... » [1, с.7].

Некоторые исследователи, обсуждая структуру человека как субъекта деятельности, прямо указывают на её тождественность структуре самой деятельности: « ... В деятельности и через нее индивид становится субъектом. Структура субъекта - это структура деятельности ... » [66, с.49].

Многие, приведённые выше высказывания, позволяют утверждать, что не социум, а человеческий индивид является реальным субъектом деятельности, практически изменяющим предметный мир: « ... Человек является деятельным, активным, изменяющим мир существом ... » [47, с.118].

Мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой только человеческий индивид может быть истинным субъектом деятельности, а целеполагание является его родовой способностью, отличающей его от животного: « ... Целесообразную деятельность может осуществлять лишь индивид, способный отличать себя от собственной деятельности. Только в таком случае возможно отношение к деятельности как к направляемому процессу, процессу, сообразному с целью. Более того, само целеполагание есть функция способности индивида взглянуть на свою деятельность со стороны ... » [64, с.43].

Таким образом, мы приходим к выводу, что при изучении человеческого мира и места в нём человеческого индивида необходимо учитывать то, что реально действуют в предметном и социальном мире только индивиды, которых нельзя свести к социальной абстракции, так же как и нельзя их рассматривать в качестве функций этой социальной абстракции: « ... Действуют всегда люди, т.е. живые, телесные, сознательные индивиды. Они

принципиально несводимы к той абстракции, которая объявляется необходимой для деятельности в заданной разделением труда сфере. Тем более они несводимы к персонажам созданного отчуждением квазисамостоятельного социального мира ... » [11, с.16].

7.6. Человек как субъект самосозидания

Человек как субъект деятельности – это прежде всего человек как результат и продукт собственной деятельности: « ... индивид есть в себе самом и для себя самого: он есть для себя, или он есть свободное действие; но он есть также в себе, или: он сам обладает некоторым первоначальным определенным бытием - определенностью, которая согласно понятию есть то же, что психология хотела найти вне его. Таким образом, в нем самом противоположность выступает как двойная противоположность: движение сознания и прочное бытие некоторой являющейся действительности - такой действительности, которая есть непосредственно в нем его действительность. Это бытие, тело определенной индивидуальности, есть первоначальность её, не результат её действия. Но так как индивид в то же время есть только то, что получается в результате его действия, то его тело есть им же созданное выражение его самого и вместе с тем некоторый знак, который не остался непосредственной сутью дела, но в котором индивид даёт только знать, что он есть в том смысле, что он осуществляет свою первоначальную природу в производстве ... » [14, с.165].

Значит, чтобы составить адекватную человеческой сущности концептуальную картину, предметная деятельность как производительный труд должна рассматриваться как процесс порождения человеком самого себя: « ... В пределах этой философской мистификации Гегель фиксировал такие существенные характеристики труда, благодаря которой реализуется его созидательная функция и разворачивается объективная диалектика истории как процесса самопорождения человека в труде ... » [45, с.317].

Это становится возможным в силу известных качеств самой предметной деятельности, её рефлексивной природы – способности делать собственным предметом условия существования самого действующего человека: « ... Сущность человека глубока

и противоречива, многоэтажна и сложна. Основой ее является созидание человеком условий своего существования ... » [48, с.40].

Такое понимание предметной деятельности приводит к соответствующему пониманию человека как её субъекта, главным предназначением которого является созидание самого себя и своего человеческого мира: « ... Какой бы частичной, бессубъектной и машинообразной, ведущейся в гигантских масштабах ни была деятельность, человек не может выполнять ее, не будучи сформирован как субъект жизнедеятельности, т.е. как создатель самого себя и своего мира, как человек, способный продуцировать новое, и тем самым начинать новые причинные ряды. Утверждать только объективность, необходимость, непреодолимость для человека процессов бытия, не называя субъекта, который «заведует» необходимостью, «это, - как указывал Ленин, - язык объективиста, а не марксиста» ... » [11, с.21].

А человеческая субъективность как внутреннее пространство устремлённости к постоянному самоизменению, является хранилищем и пространством воспроизводства человеческой самодостаточности, его самодетерминированности: « ... Субъективность и есть огонь субъектной человеческой деятельности. Он способен самоподдерживаться. Он не существует иначе, как в непрерывном созидании того нового продукта, каким является сам человек ... » [11, с.86].

Таким образом, теперь мы можем с уверенностью утверждать, что человек как субъект самосозидания – это самодостаточный, самодетерминируемый человек, воплощающий в себе всё творческое содержание самодетерминированного объективного мира.

7.7. Человеческий индивид как универсальный субъект

Всеобщий характер человеческого действия, о котором говорил уже Гегель, выделяет человека из всего органического (животного) мира: « ... Поскольку действие обладает характером всеобщности и то, что действует, приравнено к тому, что порождается благодаря этому, целесообразное действие как

такое не могло бы быть присуще органическому ... » [14, с.141].

Эта всеобщность и связанный с ней особый статус человека, обусловлены рефлексивным характером (рефлексивной природой) самой деятельности, которая как отношение к самому себе порождает в человеке ту самую «самость», которую приписывал ему ещё Гегель: « ... Человечество возникает тогда, когда сама жизнедеятельность человека становится предметом отношения со стороны его носителя. Но возникновение отношения к самому себе и есть становление «самости», субъективности с ее имманентной способностью быть «для себя». Иными словами, суть перехода от обезьяны к человеку состояла не в возникновении особой, эмпирически фиксируемой формы, а в уходе вовнутрь, в «самость», в субъективации всех внешних проявлений жизнедеятельности. Поскольку начало человека ушло в самого человека, в субъективную форму его бытия, оно не оставило заметных ископаемых следов ... » [11, с.63].

Человеческая самость делает человека не просто феноменом живой природы, а универсальной силой самой природы: « ... Человек - универсальная сила природы, но способ его существования социален, в чем и заключается его специфика по сравнению со всеми другими живыми существами ... » [46 с.74].

Будучи существом социальным, т.е. в конечном итоге способным делать предметом собственной деятельности самое себя, человек в собственной жизнедеятельности воспроизводит в той или иной степени всеобщие законы объективного мира: « ... В целом, повторяя вехи исторического становления, деятельность индивида содержит в себе не только черты единичной неповторимости, но и закономерности особенного, характерного для общества, членом которого индивид является. Взаимодействие особенного и единичного как моментов всеобщего и определяет характер и степень сформированности представлений индивида ... » [30, с.113].

В свою очередь, эти всеобщие характеристики составляют основу человеческих способностей, одушевляют его и делают истинным субъектом: « ... что же определяет это выведение человека за пределы вещи, на уровень субъекта? Определяет созидательная деятельность, труд. Но и стоимостную форму опреде-

ляет труд. Дело, однако, в том, что если субстанция стоимости представляет собой овеществленный труд, мертвый труд в мертвой вещи, то внутренней формой человеческой «души» является живой труд в живом человеке, живой субъективный процесс, генетически связанный с внешним трудом, но не сводящийся к нему. В этом кардинальное различие ... » [11, с.48].

Любая продуктивная деятельность – это деятельность субъектная, имеющая главным предметом самого производящего человека. Становясь внутренней способностью человека, она существует как всеобщий способ развития его собственной индивидуальности. В этом и заключается всеобщий характер человеческой индивидуальности: « ... Живой труд в своих всеобщих характеристиках есть продуктивная, а следовательно, субъектная деятельность. Воплощаясь в человеке в качестве способа его «внутренней» жизнедеятельности, он и делает человека субъектом, а его «внутреннее» содержание организует в качестве «души». ... Суть, однако, в том, что живой труд в живом человеке есть всеобщая форма возникновения, существования и развития его индивидуальности.

Всеобщность этого рода есть особенность человеческой индивидуальности ... » [11, с.49].

Человек как предметное существо является, по определению, существом универсальным, равным всему объективному миру: « ... В такой деятельности мир, которым живет каждый индивид, в конечном счете может быть равным миру как таковому ... » [30, с.53].

Универсальность человека проявляется в тождественности его своей предметной деятельности, что означает способность делать собственным предметом любую действительность, начиная с действительности собственной деятельности: « ... именно его [человека. - В.А.] тождественность своей жизнедеятельности, т.е. чувственно-практической деятельности, определяет то, что он способен возвышаться над этой деятельностью, делать ее предметом своего сознания и воли.

Это означает, что человек является универсальным существом. Он не мог бы сделать себя предметом для себя, если бы результат был заранее и независимо от его воли и сознания преопределен ... » [11, с.52].

ВЫВОД:

человек – это существо, потенциально равное объективному всему миру, природе в целом

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абдильдин Ж.М. Диалектика как методология научного познания. Алма-Ата, 1981.
2. Абишев К.А. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975.
3. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
4. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
5. Андреев И.Д. Основы теории познания. М., 1959.
6. Аристотель Стагирит. 384/383-322/321 г.г. до РХ // Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
7. Аристотель. Сочинения. М., 1984. т.4.
8. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
9. Батищев Г.С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
10. Библер В.С. Мышление и творчество. М., 1975.
11. Ватин И.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону, 1984.
12. Гегель. Лекции по истории философии. М., 1932.
13. Гегель. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. т.1.
14. Гегель. Система наук. Ч.1. Феноменология духа. М., 1959.
15. Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
16. Давыдов В.В. Да, нам необходима монистическая теория человеческого бытия // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
17. Джованни Реале и Дарио Антисери. Западная философия: от истоков до наших дней. Античность. т.2. СПб, 1995.
18. Диалектическая логика // Хамидов. А.А. Алма-Ата, 1987. т.2.
19. Диалектическая логика // Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата, 1987. т.2.
20. Диалектическая логика // Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986. т.1.
21. Диалектическая логика. Алма-Ата, 1987. т.2.
22. Злобин Н.С. Деятельность – труд – культура // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
23. Злобин Н.С. Терминологическая разногласия и (или) концептуальные расхождения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
24. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.
25. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
26. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1962. т.2.
27. Касавин И.Т. Определить деятельность в контексте исследовательской задачи // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.

28. Касавин И.Т. Деятельность и рациональность // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
29. Касавин И.Т.. Рациональные границы и перспективы человеческой деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
30. Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата,1991.
31. Келле В.Ж. Деятельность и общественные отношения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
32. Келле В.Ж.. Продолжение разговора // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
33. Коршунов А.М. Творчество и отражение в историческом познании. М.,1984.
34. Коул Майкл. Культурно-историческая психология. М.,1997.
35. Краткая философская энциклопедия. М.,1994
36. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М.,1984.
37. Лекторский В.А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
38. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.,1980.
39. Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
40. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.,1956.
41. Маркс, Энгельс. Введение (из «Экономических рукописей 1857/58 г.г.»). К критике политической экономии. Предисловие. Ф.Энгельс. Карл Маркс. К критике политической экономии // Избранные сочинения. М.,1987.т.4.
42. Маркс. К. Капитал. Т.2 // Маркс, Энгельс. Избранные сочинения. М.,1987.т.7.
43. Маркс. К. Капитал. Т.3 // Маркс, Энгельс. Избранные сочинения. М.,1987.т.9 (ч.2)..
44. Материалистическая диалектика. М.,1981.т.1.
45. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М.,1982. т.1.
46. Материалистическая диалектика. М.,1984.т.4.
47. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси,1973.
48. Мячин Ю.Н. Системно-целостная концепция развития. Оренбург,1992.
49. Никифоров А.А. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
50. Никифоров. А.Л. Общее и индивидуальное в деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
51. Павлов Тодор. Теория отражения. М.,1949.
52. Петровский А.В. Личность в психологии. Ростов-на-Дону,1996.
53. Плотников Ю.К. Спорить – значит искать истину // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
54. Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М.,1970.

55. Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974.
56. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.,1997.
57. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
58. Сагатовский. Деятельность: монизм любой ценой или полифония? С чем нельзя согласиться ... // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
59. Современный философский словарь / Под ред. В.Е.Кемерова.. Бишкек, Екатеринбург, 1996.
60. Теория познания / Под ред. В.А.Лекторского и Т.И.Ойзермана. М.,1991.т.2.
61. Философская энциклопедия. М.1970.т.5.
62. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. М.,1981.
63. Философский словарь. 3-е изд. / Под ред. М.М.Розенталя. М.,1972.
64. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В.Давыдова. М., 1981.
65. Хайдеггер Мартин. Время и бытие. [Письмо о гуманизме]. М.,1993.
66. Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев,1990.
67. Швырев В.С. Деятельность – открытая система // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
68. Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
69. Шердаков В.Н. Г.С.Батищев: в поисках истины пути и жизни // Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.,1997.
70. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.,1995.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Психологический смысл целостности.
2. Деятельность как целостность.
3. Индивид как целостность.
4. Психологический смысл целостности человеческого индивида.
5. Индивид как созидатель действительности.
6. Действие как реальность человека.
7. Психологический смысл субъектности.
8. Человек как субъект деятельности.
9. Человек как субъект самосозидания.
10. Субъектность как самостроительство.
11. Психологический смысл универсальности человека.
12. Человек как универсальный субъект.

Глава 8.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ

В теоретической психологии по поводу содержания понятия «деятельность» в настоящее время сложилась противоречивая ситуация. Особый отпечаток накладывают на эту сложившуюся ситуацию попытки некоторых философов и психологов обосновать методологический кризис современной психологии кризисом марксистской методологии изучения человека, базирующейся на категории предметная деятельность.

Подчёркивая экономическую и политическую направленность конкретных работ К.Маркса, опираясь на их традиционную трактовку и интерпретацию, принятую в идеологизированное советские времена, многие современные авторы, не вдаваясь в содержательный анализ философских оснований марксистской концепции человека, строят критику марксистской методологии (и, соответственно, психологического понятия деятельность) на некоторых *фантамах*, выдавая их за позицию К.Маркса и интерпретируя, а не анализируя психологическое понятие деятельность.

К одной из таких распространённых интерпретаций относится определение психологического понятия «деятельность» через понятие «активность». Поскольку активность и предметная деятельность (как попытаемся мы доказать в дальнейшем) совершенно не сводимые и не выводимые друг из друга действительности и категории, но, в то же время, в психологических работах постоянно связываемые и взаимообуславливаемые, мы полагаем необходимым показать их содержательное различие и, тем самым, обосновать ограниченность активности и перспективность предметной деятельности.

8.1. Соотношение понятий «деятельность» и «активность» как проблема

В последнее время, особенно в психологической литературе, намечился всплеск интереса к понятию «активность». По-

видимому, это происходит вследствие некоторого разочарования психологическим понятием деятельность и её эвристическими возможностями. Основания для такого разочарования есть. Но и вопрос о соотношении активности и деятельности тоже не является простым. Современная ситуация характерна дискуссионностью и отражает различные, иногда прямо противоположные точки зрения на это соотношение: « ... вопрос о соотношении «активности» и «деятельности». Этот вопрос – предмет оживленной дискуссии в философской литературе (Е.А.Ануфриев, А.Н.Илиади, Ю.Л.Воробьев, М.С.Каган, В.Ю.Сагатовский, Б.С.Украинцев, Л.В.Хоруж и др.). Сравнивая объем понятий «активность» и «деятельность», авторы приходят к контрастным решениям. Один полюс суждений: отождествление активности с самодвижением материи (в этом случае деятельность, разумеется, становится лишь частным проявлением активности). Другой полюс: интерпретация деятельности как «субстанции» (и тогда активность фигурирует в качестве её «модуса» ... » [28, с.52].

По свидетельству современных психологов: « ... активность не получила своего достаточного освещения, находясь в тени других категорий ... » [28, с.44].

Кроме того, в настоящее время отсутствует содержательно-теоретическое различие основных категорий, описывающих человека: « ... Недостаточно чётко определены соотношения категории «деятельность» с такими близкими понятиями, как «активность», «жизнедеятельность», «поведение», «практика» ... » [39, с.127].

В психологической науке сложилась ситуация, когда на фоне интенсивного изучения понятия «деятельность»: « ... Активность (как общепсихологическая категория) и активность личности (понятие частное) вплоть до самого последнего времени не освещалась ни в общенаучных, ни в философских, ни в специальных психологических энциклопедиях ... » [28, с.44].

В итоге, конкретно-научное исследование активности находится на недостаточном уровне, в том числе мало изучена структура активности: « ... Структура активности (в отличие от деятельности) до сих пор была мало исследована в психологии ... » [4, с.77].

8.2. Активность как внутренняя спонтанность

Содержательной характеристикой активности, отличающей её от предметной деятельности, является спонтанность, т.е. внутренняя детерминированность. В этом смысле в философии активность интерпретируется либо как характеристика внутренней спонтанности: « ... Активность ... как характеристика внутренней спонтанности ... » [37, с.74], либо как сама внутренняя спонтанность: « ... Активность ... как внутренняя спонтанность ... » [37, с.77].

8.3. Установка как внутренняя детерминанта активности

В свою очередь, в поисках конечной (или начальной) причины активности, некоторые авторы в качестве этой причины выдвигают установку, ссылаясь при этом на известную концепцию установки Д.Н.Узнадзе: « ... Ни один исследователь проблемы активности не может пройти мимо теории установки Д.Н.Узнадзе. Ядро научных исследований и основной акцент в понятийном осмыслении «установки» приходится на указание зависимого характера активности субъекта от имеющейся у него установки, т.е. готовности человека воспринимать мир определённым образом, действовать в том или ином направлении. Активность при этом выступает как направляемая установкой и благодаря установке как устойчивая к возмущающим воздействиям среды ... » [28, с.46].

8.4. Активность как внутреннее основание человеческого существования

В некоторых, альтернативных деятельностному подходу психологических концепциях, вместо деятельности как общепсихологического и общепсихологического основания для объяснения своеобразия человека, предлагается активность, которая принимается за основу существования всех живых существ; когда человек в лице активности имеет общий с животными источник существования: « ... Всеобщей характеристикой жизни является активность – деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении. Оно содержит в себе источник своего

собственного движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения ... » [29, с.176].

Начиная с И.М.Сеченова, активность принято соотносить с рефлекторной деятельностью организма, а психическую активность рассматривать как рефлекторную деятельность отражения: « ... В основе каждого психологического явления начиная с ощущений, как утверждал И.М.Сеченов, лежит целостный рефлекторный акт, начало которого находится в возбуждении рецептора под воздействием внешних сил, а конец – в мышечном движении ... » [6, с.67].

Исходя из рефлекторной природы человеческой активности, делается логический вывод: поскольку основой всего живого является активность, то проблема происхождения инстинкта и проблема происхождения сознания – аналогичные проблемы: « ... Проблема происхождения и развития инстинктов тесно связана ... с проблемой происхождения сознания ... » [47, с.8].

Этот вывод аргументируется ссылкой на вроде бы очевидную вещь – принцип развития: « ... Все высшие способности и склонности животных и человека происходят из низших ... » [47, с.6]. (мысль данного абзаца, по-моему, не закончена: «на вроде бы очевидную вещь ...» Вы с чем-то не согласны, а с чем непонятно, где-то должен быть, наверное, Ваш объясняющий аргумент).

Исходя из активности организма как фундаментальной основы жизни вообще и человеческой жизнедеятельности в частности, естественным образом выводится понятие субъекта деятельности – ключевое понятие современной психологии. « ... когда возникает какая-нибудь определенная потребность, то живой организм, или, правильнее, субъект силится установить определенное отношение к окружающей действительности, - к ситуации удовлетворения этой потребности, - для того, чтобы на самом деле удовлетворить возникшую потребность. Действительность, со своей стороны, как ситуация удовлетворения наличной потребности, воздействует непосредственно не на отдельные процессы, - психические или физиологические, имеющие место в организме, носителем этой потребности, а на живой организм в целом, на субъекта деятельности, порождая в нем соответствующий целостный эффект. Эффект этот может пред-

ставлять собой лишь некоторое целостное, субъектное (не субъективное) отражение действительности, - отражение, которое должно быть трактуемо как предпосылка и руководство ко всей развертывающейся в дальнейшем деятельности субъекта, как установка, направляющая данное поведение в русло отражения окружающей действительности ... » [46, с.100].

Хотелось бы подчеркнуть, что субъектность, выводимая из активности, должна рассматриваться как характеристика не только человека, но, что вполне естественно, и животного (да и вообще любого живого существа!), поскольку в данном случае субъектность – это атрибутивная принадлежность живому существу.

Некоторые авторы видят основу самой активности не в установке как феномене бессознательного (по Д.Н.Узнадзе), а в потребности. Причём, потребность тоже понимается как характеристика любого живого существа, а не только человека: « ... Потребность – это состояние живого существа, выражающее его зависимость от конкретных условий существования в виде основы для его активности по отношению к ним ... » [29, с.181].

Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что в парадигме активности потребность есть форма безусловного рефлекса: « ... Первоначально потребности выступают в форме безусловных рефлексов ... » [6, с.90]

Рефлекторную природу человека и активность как фундаментальный принцип объяснения человеческого существования разделяют и представители системного подхода в психологии, которые склонны рассматривать человека по аналогии с любой активной системой: « ... Человек – активная система, и в окружающем его мире также много активных объектов ... » [14, с.60].

Подобную позицию разделяют и представители субъектно-деятельностного подхода, начиная с психологической парадигмы человека как активного существа, сформулированной в начале века С.Л.Рубинштейном: « ... Активность отвечает не только на вопрос, как человек делает дело, но и на вопрос, зачем и почему ... » [4, с.83].

Некоторые авторы прямо отождествляют деятельность и активность, приписывая активности не характерные для неё целевую детерминацию и сознательность: « ... В то время как в мо-

тивах идеально представлен сам субъект, в целях активности представлен её объект, а именно, что должно быть произведено в нём, чтобы мотивы активности были реализованы. В отличие от мотивов цели человеческой активности всегда осознаваемы ... » [29, с.182].

Неоспоримым подтверждением того факта, насколько распространена тенденция отождествлять активность и деятельность, а по сути дела, объяснять деятельность, исходя из активности, является учебник психологии для студентов педагогических специальностей тех же авторов [30], где среди базовых категорий активность занимает первое место, а деятельность вообще отсутствует.

Чрезвычайно важным является рассмотрение позиции отождествления активности с деятельностью, которое проводят некоторые авторы, и характера детерминации, который подчёркивается ими в отношении активности (и, стало быть, деятельности): « ... Активность как деятельное состояние субъекта детерминирована изнутри, со стороны его отношения к миру, и реализуется во вне – в процессах поведения ... » [30, с.206].

И здесь следует заметить, что на наш взгляд, такая формулировка является характерным искажением сущности предметной деятельности как истинно человеческого отношения и характера её детерминации, который, напротив, заключается не во внутренней природе рефлекторной активности, а в предметности.

По-видимому, психологическая традиция выводить деятельность из рефлекторной активности организма и сводить её к поведению, дала основание некоторым философам утверждать, что природа психологического понятия «деятельность» выводится из активности (поведения): « ... По традиции, поскольку само понятие деятельности формировалось из понятия «поведение», деятельность как таковую в большинстве случаев рассматривали как атрибут отдельного человека, как то, что им производится, создаётся и осуществляется, а сам человек в соответствии с этим выступал как «деятель» ... » [49, с.241].

Последовательное проведение в жизнь методологии изучения человека, основанной на базовом понятии «активность», закономерно приводит к необходимости решать вопрос (теоре-

тически и практически) о приоритете деятельности перед активностью, или деятельности перед поведением: « ... Вопрос о том, является ли поведение человека более общим понятием, чем деятельность (труд, учение, игра и т.д.), или, напротив, деятельность есть родовая характеристика человека, по отношению к которой поведение - частный вид, должен, как нам представляется, решаться конкретно, в зависимости от плоскости рассмотрения человека. В данном случае, когда нас интересует именно личность и ее структура, можно считать поведение человека в обществе родовой характеристикой, по отношению к которой все виды деятельности (например, профессионально-трудовая) имеют частное значение. Нам представляется весьма полезным с этой точки зрения понимание личности как субъекта поведения, посредством которого реализуется потребность в определенных объектах и в определенных ситуациях. Такое понимание личности было предложено Д.Н.Узнадзе ... » [5, с.160].

Как известно, традиция рассматривать активность, а не предметную деятельность, в качестве базовой психологической категории, как это ни парадоксально, исторически сложилась в недрах самой деятельностной психологии, которая, развивая учение о рефлексном характере человеческого существования, объективно создала теоретическую основу для монополизации и подмене предметной деятельности активностью: « ... Басов сформулировал важнейшие положения психологической теории деятельности, динамика которой определяется характером взаимодействия личности со средой, дифференцировал понятия деятельности и активности, подчеркнув, что именно последняя составляет «истинный объект психологического изучения». ... Он детально рассмотрел динамическую структуру деятельности, характер взаимосвязи её отдельных единиц или актов. Особо важной в рассматриваемом контексте явилась идея Басова о личности как активном деятеле, который не только приспосабливается к действительности, но и приспосабливает ее к себе. Фактически в концепции Басова намечено первое понимание личности как субъекта ... » [31, с.274].

Исходя из этой методологической позиции, во-первых, деятельность стала рассматриваться как форма активности, и, во-вторых, психологическое содержание деятельности стало рас-

смагиваться исключительно как субъект-объектное взаимодействие: « ... деятельность, т.е. взаимодействие субъекта с объектом, людей с вещами, никак не исчерпывает всей активности человека, всего взаимодействия людей с объективной действительностью. А потому основоположник деятельностного подхода в психологии Рубинштейн помимо деятельности выделял и изучал ещё и другие виды и уровни активности людей: поведение (не в бихевиористском смысле), созерцание (например, эстетическое) и т.д. ... » [44, с.340].

Поэтому вполне объяснимо критическое отношение к так называемому деятельностному редукционизму учёных, отдающих предпочтение активности как некоей сверхкатегории: « ... в принципе невозможен «деятельностный редукционизм», сводящий всю активность людей лишь к деятельности ... » [44, с.340].

Последовательно проводя анализ методологического принципа активности в психологической науке, нельзя не прийти к утверждению того, что активность, а не деятельность присутствует в качестве единственного методологического принципа психологической науки: « ... конечно, концепция Рубинштейна и его школы не сводится к теории деятельности; он всегда был против «деятельностного редукционизма», т.е. против сведения всей активности человека лишь к деятельности. Б.Ф.Ломов тоже категорически возражал против такой редукции ... » [31, с.247].

Вполне закономерно поэтому, исходя из активистических методологических установок и принципа активности, говорить о деятельности исключительно как о воздействии, только как о способе изменения внешней среды, а предметность – фундаментальную и ключевую категорию Гегеля и К.Маркса – связывать с отношением к вещно-предметным структурам: « ... мышление как процесс для нас активность, а не деятельность. О деятельности и действии мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего; деятельности в собственном смысле слова - это предметная деятельность, это практика ... » [33 с.148].

Характерное понимание предметной деятельности, основанное на соотношении её с рефлексивной активностью, свойственно современным специалистам, разрабатывающим системный

подход в психологии, где также признаётся конституирующий характер активности и понимание человека как её субъекта:

« ... Действия субъекта фактически всегда являются актами, процессами взаимодействиями со средой как объектом, причём взаимодействие выступает частным случаем отношения, реализованного в физической области явления. Акты действия и познания предполагают два атрибута субъекта – наличие у него активности и сознания ... » [14, с.22].

Таким образом, в рамках системного подхода человек как субъект – это существо, являющееся носителем активности и сознания: « ... Всякое действие субъекта вызывает определённую реакцию объекта, которую субъект воспринимает. При этом надо учитывать и активность среды. ... Таким образом, можно сказать, что субъект – это действующий и испытывающий воздействия, познающий и познаваемый человек, носитель активности и сознания ... » [14, с.23].

Подобная атрибутивная интерпретация субъекта как носителя и источника объектно ориентированной активности, встречается и у других современных психологов: « ... Субъект в философско-психологической литературе определяется как носитель предметно- практической деятельности и познания, источник активности, направленной на объект ... » [39, с.249].

Вообще, понятие субъекта как «носителя» какого-либо свойства, и понимание человека как субъекта активности характерно для учёных, признающих активность в качестве главной причины всего человеческого в человеке, в качестве содержательной основы его целостности и творческого начала: « ... Субъект – это человек, люди на высшем (для каждого из них) уровне активности, целостности, автономности и т.д.; творец собственной истории, вершитель своего жизненного пути; тот, кто осуществляет деятельность, общение, поведение, созерцание и другие виды – специфически человеческой активности: творческой, нравственной, свободной и т.д. ... » [44, с.331].

В связи с этим, ввиду недостаточно критического и содержательного отношения к природе самой активности, возникают, на наш взгляд, необоснованно широкие её обобщения, на основании которых строятся теоретические модели субъектности, дающие искажённое представление об активности как детерми-

нированной целью: « ... Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции, согласования внешних и внутренних условий активности, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, способностей, возможностей (и ограничений) личности соотносительно с объективными и субъективными (цели, притяжения, задачи) условиями деятельности, общения и т.д. ... » [44, с.331].

Субъектность, выводимая из понятия активности, неизбежно оказывается в проигрыше при необходимости решать проблему целостного человека. В активистических концепциях до сих пор ещё не было предложено модели целостного человека. Вряд ли можно считать таковой комплексную модель составного субъекта: « ... Говоря о субъектах в каждой из этих сфер как сторонах личности, мы не должны ни на минуту забывать о том, что перед нами лишь частичные субъекты активности, должны помнить, что есть и верховный субъект, властвующий над ними. Имя этого существа известно – трансцендентальный субъект. В нём – источник интенций, данных нам в наших целях. Он – законодатель эмпирических форм субъектности: нашего витального, деятельного, общающегося, рефлектирующего Я ... » [28, с.14].

Несмотря на то, что активность как спонтанное, внутренне детерминированное собственной естественной природой отношение не способна стать основанием для содержательного описания своеобразия человеческой действительности, поскольку имеет тенденцию сводить человеческое к животному, с тем, чтобы уже из него вывести человеческую природу, в последнее время всё же именно категория активность приобретает всё большую популярность и на её основе строятся новые психологические теории: « ... Свою задачу мы видим в том, чтобы оценить правомерность (выполнимость) максимы: «личность есть субъект активности» ... » [28, с.12].

В целях придания категории «активность» несвойственное ей фундаментального звучание, для объяснения через неё всей человеческой действительности и с целью выведения из неё всех других категорий, в том числе и деятельности, возникают подчас неожиданные обоснования причудливых связей деятельности и активности: « ... Активность возникает как жизненное

образование личности, осознающей (теоретически или на опыте), что всё необходимое она получает благодаря своей деятельности (труду), что ею она обменивается с другими людьми ... » [4, с.80].

Это вполне соответствует попыткам вывести из активности всё, в том числе и сознание: « ... Деятельность, сознание, отражение, установка, значимость, отношения и т.п. – все эти категории и понятия, принявшие в свой состав идею активности ... » [28, с.48].

В стремлении абсолютизировать активность и противопоставить её предметной деятельности, авторы не видят проблемы в том, что ими совершенно необоснованно интерпретируется активность совсем в несвойственном её природе ракурсе – как орудийная, или тем паче – знаковая: « ... В историко-психологических исследованиях, освещающих взгляды Л.С.Выготского, обычно подчеркивается, что активность выступала для него как обусловленная использованием «психологических орудий». ... в работах Л.С.Выготского и его сотрудников активность раскрывается также и со стороны становления её как знаковой, орудийной ... » [28, с.46].

8.5. Активность как деятельность

Наряду с абсолютизацией активности и противопоставлении её деятельности как производной от активности, имеется и другая позиция в соотношении деятельности и активности. Она заключается в их прямом отождествлении: « ... Активность (от франц. *activité* – сила действия) – действенность, деятельное поведение. ... Активный – деятельный, действующий, действенный ... » [18, с.13].

Такая трактовка активности соотносится с её рефлекторной природой и практикой применения термина «деятельность» ко всем проявлениям рефлекторной активности в живом мире. Тем самым, любая реакция, любой рефлекс, т.е. любая «активность» описывается в терминах деятельности: « ... Раздражимость – способность приходить в деятельное состояние под влиянием различного рода внешних «возбудителей» ... » [47, с.9].

С этой точки зрения, вполне логично всё живое характеризовать через деятельность (действие), что и делается, сначала в

физиологии, а затем и психологии: « ... у всех живых существ мы можем подметить одну общую закономерность: возникающая потребность вызывает действие, направленное на её удовлетворение ... »

Такая форма регуляции, в которой отклонение того или иного физиологического эффекта от уровня, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность, само является причиной возвращения к нормальному уровню, получила в физиологии название саморегуляции ... » [45, с.7].

Сложилась развёрнутая практика все движения описывать как действия, тем самым в физиологии готовилась почва для превратного истолкования психологического содержания понятия деятельность: « ... сложный комплекс действий, осуществляемый многими роющими осами при доставке парализованной жертвы в специально подготовленную норку. Как показал ещё К.Фабр, действия эти имеют бессознательный, инстинктивный характер ... » [12, с.60].

Кроме того, что создавалась видимость аналогичности рефлекторно-инстинктивного поведения животных (живых существ) и сознательной деятельности человека в физиологии (и некоторых других естественных науках), сама деятельность живых существ постепенно наделялась целевым характером. Это закреплялось самими терминами, неадекватно употребляемыми для описания активности живых существ: « ... Вся реальная *деятельность* [курсив мой. – В.А.] осы подчинена конечному будущему результату её приспособительной деятельности ... » [45, с.31]; « ... Аналогичным образом строятся все последующие этапы *деятельности* [курсив мой. – В.А.] осы ... » [45, с.30].

Традиция отождествлять человеческую деятельность с рефлекторной активностью животных ведёт своё начало с физиологических (а затем психофизиологических) исследований. Уже в те времена этот термин стали широко применять не только для описания рефлекторной активности организма, но и для описания активности отдельных органов, а также физиологических систем организма: « ... Это сочетание делает реакцию животного не простым только рефлексом, но уже сочетательным рефлексом, или психорефлексом, если мы примем во внимание, что

сочетательная деятельность и есть именно основа всякой нервно-психической деятельности ... » [9, с.25].

Нам представляется, что в большой степени основываясь на этой естественнонаучной традиции изучения человека, выделившейся из физиологии и давшей начало психологии активности, сформировалось фундаментальное положение о психическом как процессе: « ... Основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности ... » [33, с.40].

Продолжая физиологическую традицию употребления термина «деятельность» для описания рефлекторной адаптивной активности, уже в современной концепции психического как процесса, термин «предметная деятельность» используется не в его первоначальном марксистском значении как рефлексивного человеческого отношения, а, по-прежнему, обозначает рефлекторные процессы активности. Поэтому им одинаково успешно пользуются и для описания продуктивной деятельности человека, и для описания адаптивно-рефлекторной деятельности мозга: « ... Поскольку психическая деятельность есть деятельность, осуществляемая мозгом, она подчиняется всем законам нейродинамики ... » [36, с.28].

Впоследствии термином «деятельность» в концепции психической активности стали описывать все психические процессы (в том числе мышление и сознание), подразумевая при этом рефлекторную деятельность мозга, возникающую под воздействием внешних причин-воздействий: « ... психическая деятельность есть внешне обусловленная ответная деятельность; она - внешне обусловленная ответная деятельность мозга человека ... » [36, с.25].

Такая позиция в полной мере выражает научное воззрение основателя рефлекторной концепции психического, И.М.Сеченова, который в своё время утверждал, что: « ... «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы» (Сеченов И.М.) ... » [45, с.5].

С точки зрения рефлекторной концепции психики, генетической основой происхождения человеческой психики является инстинктивная деятельность, имеющая важнейшее для психики свойство – цикличность, и строящаяся на основе саморегуляции:

« ... Все формы инстинктивной деятельности формируются по принципу циклической саморегуляции ... » [45, с.8].

Закрепившись в генетических механизмах, инстинктивная деятельность стала основой адаптивного способа жизнедеятельности живых организмов: « ... Поскольку целый ряд событий внешнего мира оставался неизменным тысячелетиями, они закрепились в наследственных механизмах.

Инстинктивная деятельность таким образом возникла в эволюции как средство приспособления к постоянным явлениям внешнего мира ... » [45, с.4].

В рамках рефлекторной концепции психики важнейшими являются человеческие черты, общие как для человека, так и для всего остального живого мира, а не специфические, характерные его черты, выделяющие человека из него. К таким общим и у человека, и у животных феноменам, безусловно, относится инстинктивная деятельность. На основании текстов С.Л.Рубинштейна, можно сделать вывод, что человеческая деятельность и человеческая психика возникли как следствие совершенствования инстинктивной деятельности животных: « ... в силу общественного характера человеческой деятельности она из инстинктивной какой была у животных - становится сознательной ... » [35, с.40]. Исторически эти изменения произошли под воздействием общественного характера человеческой деятельности, под воздействием социальных условий, которые и преобразовали инстинктивную деятельность в человеческую.

Следовательно, вполне логично выглядит процедура отождествления человеческой активности и человеческой деятельности: « ... Под деятельностью мы понимаем активность субъекта, направленную на изменение мира, на производство или порождение определенного объективированного продукта материальной или духовной культуры ... » [34, с.203]. Это утверждение доказывает известный в истории психологии факт отождествления активности и деятельности, характерный для концепции психической активности

Современные теоретики, разделяя точку зрения на рефлекторную природу психики, своими исследованиями подтверждают исторические предпосылки выведения психологического содержания понятия деятельность из физиологического понятия

активность: « ... Понятие о психике не идентифицируется более с сознанием, данным во внутреннем опыте субъекта. Эти глубинные сдвиги позволили разработать категорию действия в качестве детерминанты процесса решения биологически значимых для организма задач, в который вовлечена мышечная система.

Первые решающие шаги в этом направлении принадлежали Гельмгольцу, Дарвину и Сеченову. Их вклад в формирование действия остаётся непреходящим ... » [29, с.162].

И даже в современных учебниках психологии активность преподносится как категория, призванная быть единственной содержательной основой описания и объяснения человеческого образа жизни: « ... Деятельность – специфически человеческая, регулируемая сознанием как высшей инстанцией внутренняя и внешняя активность, порождаемая потребностью. Направлена на познание, творческое воспроизведение и преобразование внешнего мира ... » [40, с.469]. Интересно отметить, что в цитированном учебнике термин «активность» в словаре отсутствует. Это, на наш взгляд, говорит о том, что, видимо, авторы считают, что оба эти термина обозначают одну и ту же реальность и, по видимому, хотят избежать ненужного удвоения терминов.

Характерной особенностью, на наш взгляд, является определение активности, данное в тексте ~~этого~~ следующего (или другого) учебника наших дней, как внутренне детерминированного состояния: « ... Активность как деятельное состояние субъекта детерминировано внутренне, со стороны его отношений к миру, и реализуется вовне, в процессах поведения ... » [29, с.176]. Настоящее определение в такой же степени противоречит предметному характеру детерминации деятельности, в какой оно соответствует непредметному (спонтанному) характеру детерминации активности. Но тогда возникает вопрос, чем же тогда, по мнению авторов, отличается человек от животного, если и в том, и в другом случае имеет место один и тот же характер детерминации деятельности, активности и поведения?

Иное решение проблемы «предметности активности» предлагается в кратком словаре. Здесь просто-напросто активности приписывается предметность и, самое главное, сознательность: « ... Активность познавательная. ... Активность человека, в том

числе и А.п. [активность познавательная. – В.А.] побуждается предметом деятельности С понятием А.П. [активности познавательной. – В.А.] смежные понятия самостоятельности, самодеятельности и сознательности ... » [30, с.9].

У тенденции отождествления активности и деятельности (а на самом деле замене деятельности – активностью) имеются не только естественно- физиологические корни. Во многом такой эклектичности (неразборчивости) способствует некритическая позиция самих философов, подчас дающих вроде бы веские основания отождествлять эти две, содержательно несовместимые действительности: « ... Тезис о единстве знания и предмета специфически сочетается в античной философии с отсутствием понимания *активности* [курсив мой. – В.А.] субъекта в процессе познания, с неумением разглядеть необходимость творческой *деятельности* [курсив мой. – В.А.] субъекта как средства истинного воссоздания объекта ... » [31, с.15].

На основании интерпретации активности в терминах самостоятельности, поисковости, сознательности происходит ещё большее смешение активности и деятельности за счёт исключения деятельности из терминологии, и приписывание активности важнейших характеристик деятельности: неадаптивности и продуктивности: « ... Активность. ... Согласно учению Н.А.Бернштейна о «физиологии А. [активности. – В.А.]», «поведение сколько-нибудь высокоорганизованного существа не может рассматриваться как серия простых актов пассивного «уравновешивания со средой», а всегда представляет собой деятельность активного поиска, направленную на освоение, преодоление и в конечном счёте подчинение среды обитающему в ней живому существу. По-видимому, это достаточно справедливо по отношению к любому сколько-нибудь высокоразвитому живому существу и в высшей степени справедливо по отношению к человеку с его формами преобразующей трудовой А. [активности. – В.А.]» (В.Д.Небылицын) ... » [20, с.9].

Такое смешение и связанное с ним вытеснение термина деятельность имеет место и в современной психологии при описании совместной деятельности людей. В этом случае совместная деятельность уже выглядит как совместная активность: [*совместная деятельность* - это] « ... организованная система *активно-*

сти [курсив мой. – В.А.] взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное производство (воспроизводство) объектов материальной и духовной культуры ... » [19, с.325].

Смещение двух терминов (и двух действительностей) и не-критическое отношение к их содержанию зачастую приводит к тому, что описание взаимодействия людей, кажущиеся на первый взгляд описаниями их деятельности, на самом деле оказываются описаниями взаимодействующих активностей: « ... процесс обучения на самом конкретном уровне анализа предстаёт как взаимодействие деятельности обучающего и обучающихся. Следовательно, необходимо выяснить, как происходит преобразование двух почти противоположных по исходным целям деятельности в единый процесс обучения, который по своему психологическому содержанию есть ничто иное как познавательная деятельность, но уже совместно-диалогическая по форме.

В психологическом словаре даётся следующее определение *деятельности*: это – «организованная система активности [курсив везде наш, а подчёркнуто автором. – В.А.] взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное производство (воспроизводство) объектов материальной и духовной культуры» (Краткий психологический словарь, с.325. М.,1985). В качестве отличительных признаков совместной деятельности выделяется наличие единой цели [подчёркнуто автором. – В.А.] – предвосхищаемого результата совместной деятельности, отвечающего общим интересам [подчёркнуто автором. – В.А.] и способствующего реализации потребностей [подчёркнуто автором. – В.А.] каждого из включённых в совместную деятельность индивидов ... » [15, с.111].

На практике это приводит к тому, что для исследования человеческой деятельности, в частности, для изучения процессов целеобразования и смыслообразования, используются физиологические критерии (например, гальваническое сопротивление кожи). Этого бы никогда не произошло, если бы деятельность не подменялась активностью.

Отождествление (а правильное – подмена) деятельности активностью приводят к чудовищным утверждениям типа «мозг есть субъект сознания»: « ... Человека как субъект познания – не только личность, но и индивид с его материальным механиз-

мом рефлекторной деятельности мозга – субъекта сознания ... » [5, с.52]. Нам представляется, что такая позиция Б.Г.Ананьева может быть оправдана только с учётом его собственной истории как учёного-рефлексолога.

Практика отождествления активности и деятельности характерна не только для отечественных психологов, но в равной степени и для западных учёных, например, таких как Эрик Бёрн: « ... мозг обычно *действует* [курсив мой. – В.А.] как одно целое ... » [8, с.49].

И если позиция отечественных психологов, утверждающих примат активности, может (и должна) служить предметом научной критики, поскольку у нас в психологии всегда была альтернатива рефлекторному объяснению человеческой психики, то к коллегам за рубежом такие претензии предъявлять вряд ли имеет смысл.

На наш взгляд, принятие рефлекторной природы человеческой психики или её деятельностной природы – это один из вопросов мировоззренческого характера, связанный с альтернативным характером развития наук о человеке у нас и на западе. В данном случае имеется в виду характерный для западных психологов научный опыт выводить природу человека из естественной природы, из свойств биологического субстрата, из его характеристик, в том числе адаптивно-рефлекторного характера отношений живых организмов и внешней среды. Также традиционно для западных исследователей переносить эти рефлекторно-адаптивные отношения из естественной среды в социальную, на человека.

Именно в силу этой традиции, и надо сказать прочно укоренившейся традиции, закреплённой даже в языке (в английском языке нет термина «деятельность», содержательно различающегося со значением термина «активность»), на западе деятельностная проблематика либо не воспринимается, либо отождествляется с активистической проблематикой.

Представление о человеческой деятельности как о рефлекторной активности, даёт основание некоторым авторам ошибочно утверждать, что такое её понимание сложилось в результате работ немецких философов, в частности работ Гегеля: « ... проблема деятельности как специфической активности, присущей

лишь человеку, впервые глубоко и систематически была поставлена и разработана в немецкой классической философии от Канта и до Гегеля. Особенно значительна в данном отношении заслуга Гегеля, который начал раскрывать сущность труда и пришёл к пониманию человека как результата собственного труда ... » [31, с.214].

На самом же деле, как известно, Гегель ввёл своё понятие деятельности вовсе не для объяснения адаптивного характера человеческой жизнедеятельности, а как рефлексивную категорию, как человеческий способ развития за счёт делания собственным предметом собственную сущность, т.е. за счёт опредмечивания самого себя.

Но традиция рассматривать активность как базовую психологическую категорию проявляется даже в том случае, когда деятельность интерпретируется как отношение. Но и здесь не обходится без активности как критерия этого отношения: « ... процесс деятельности всегда развивается на определённом функционально-динамическом фоне состояния и по уровню своей активности определяется отношением к объекту как к задаче или цели деятельности ... » [24, с.17].

Особое значение имеет категория активности в работах современных психологов, когда она применяется для конструирования понятия субъекта. В этом случае фундаментальное свойство человека – его субъектность – прямо соотносится с активностью: « ... Субъектность человека проявляется в его деятельности, - особой активности, посредством которой человек производит себя, своё собственное бытие в мире ... » [28, с.8].

В последнее время обозначилась тенденция рассматривать активность (правда, как правило, без её собственного содержательного анализа) в качестве некоей до-деятельностной основы, порождающей самоё деятельность: « ... деятельность можно определить как единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру ... » [28, с.57].

Такой подход выливается в прямое приписывание активности характеристик, вообще-то ей не свойственных, например, таких, как целенаправленность: « ... деятельность носит целенаправленный характер, т.е. это такая активность, которая направ-

лена на достижение сознательно поставленной цели ... » [26, с.53].

Данная постановка вопроса, естественно, вызывает вполне понятную критику и протест против такого отождествления:

« ... Ещё дальше в этом направлении идет А.А.Никифоров, трактуя деятельность как некую безличную машинообразную активность ... » [16, с.207].

И нельзя не согласиться с утверждением о том, что сведение деятельности к активности является неоправданным сужением исходного содержания самой деятельности: « ... совсем узко определяет [А.Л.Никифоров – В.А.] деятельность как активность, направленную на достижение сознательно поставленной цели ... » [38, с.200].

8.6. Деятельность и общение как форма проявления (вид) активности

Более мягкая, не столь радикальная позиция заключается не в отождествлении активности и деятельности, не в фактической замене деятельности активностью, а в интерпретации деятельности как формы активности. В частности, рассмотрение деятельности как формы проявления человеческой свободной (спонтанной) активности, характерно для концепций, пытающихся вывести из природной активности организма даже произвольный нравственный поступок: « ... Спонтанная активность. Следующая специфическая характеристика психического процесса, в отличие от предшествующих, определяет не прямое отношение к объекту или к его непосредственному субстрату, а выражение в поведенческом акте, во внешнем действии, побуждении, направляемом при посредстве психического процесса. Эта особенность, истоки которой глубоко скрыты под феноменологической поверхностью и связаны с далёкими опосредствованиями во времени и пространстве, включает в себе совершенно особое своеобразие активности психического процесса.

Это та, эмпирически безошибочно распознаваемая, но с большим трудом поддающаяся строгому детерминистическому объяснению форма активности, которая не только «оживляет», но и «одушевляет» физическую плоть организма. Не что иное, как именно особый характер активности, лежит в основе пер-

вичного эмпирического выделения «одушевлённых» существ (животных) как частной формы живых организмов.

Уникальный по сравнению с другими, более элементарными проявлениями активности характер этой особенности состоит в том, что на всех уровнях поведения – от простейшего локомоторного акта до высших проявлений разумности и нравственности в произвольном человеческом поступке – конкретные параметры структуры и динамики этого акта не могут быть непосредственно выведены ни из физиологических сдвигов внутри организма, ни из физических свойств воздействующих на него стимулов. Это и делает такую активность психической именно потому, что она прямо не вытекает ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. ... психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная ... » [10, с.24].

У ранее цитированных авторов деятельность также может интерпретироваться как форма проявления активности. Правда, теперь деятельность почему-то называют поведением. Что же такое в этом случае деятельность – так и остаётся неясным: « ... деятельность человека представляет собой единство внутренних и внешних проявлений его активности. Последнее обычно называют поведением ... » [29, с.189].

К сожалению, даже в современных учебниках психологии для студентов высших учебных заведений деятельность, как правило, интерпретируется как особая человеческая активность. Но при этом, как правило, содержательной характеристики ни активности, ни человеческой активности не даётся: « ... Деятельность – специфический вид человеческой активности, направленной на творческое преобразование, совершенствование действительности и самого себя ... » [25, с.657].

На наш взгляд, должен вызывать особую озабоченность тот факт, что даже в трудах ведущих современных теоретиков психологии не проводится содержательного различения деятельности и активности, а подчас деятельность отождествляется то с активностью, то с поведением: « ... Деятельность – наиболее крупная единица анализа внешних проявлений активности, целостный мотивированный акт поведения ... » [29, с.192].

Некритическое отношение к фундаментальным категориям в психологической науке приводит к ошибочным утверждениям, просто недопустимым в учебной литературе: « ... Активность, как важнейшая характеристика психического отражения личности, закладывается и реализуется в предметной деятельности ... » [27, с.130].

Такому положению дел во многом способствует различное толкование деятельности в философской литературе, дающее повод к аналогичной трактовке содержания понятия деятельность и в психологии: « ... В самом общем виде деятельность определяют как специфически человеческую форму активности, содержанием которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира (Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность//Философский энциклопедический словарь. М.,1983.с.151) ... » [26, с.52].

Вполне закономерно, что исследователи, фактически занимающиеся изучением проблематики познавательной активности, тем не менее, пользуются деятельностной терминологией, что вводит в заблуждение и создаёт искажённое представление о характере исследований и о возможной сфере применимости их результатов: « ... *«Деятельность»* [курсив мой. – В.А.] есть форма проявления *активности* [курсив мой. – В.А.] человека, развёрнутая во времени в процессуальном аспекте и ограниченная пространственно результатом предполагаемым и результатом достигнутым. По сути дела *«деятельность»* [курсив мой. – В.А.] является своеобразным операциональным аналогом *«психологического состояния»*, сохраняющим все его отличительные особенности ... » [15, с.106].

Наряду с деятельностью, подвергается в психологии активистической интерпретации и понятие «общение». Здесь активность выдаётся за содержание субъект-субъектного отношения: « ... общение выступает как особая самостоятельная форма активности субъекта. Её результат не столько преобразованный предмет (материальный или идеальный), сколько отношения человека с другими людьми. В процессе общения осуществляется не только обмен деятельностями, но и представлениями, идеями, чувствами; проявляется и развивается система отношений «субъект-субъект(ы)» ... » [44, с.499].

Некоторые теоретики и современные методологи психологии склонны к неоправданным обобщениям в том смысле, что выдают корпоративную точку зрения за общепсихологическую: « ... Согласно точке зрения, сложившейся в психологии, формами активности индивида являются познание, деятельность, общение ... » [2, с.37]. Это, в общем, не соответствует действительности, поскольку в другой психологической школе общение и деятельность никогда не интерпретировались как формы активности. Поэтому категоричное утверждение: « ... Конечно, общение является видом активности ... » [44, с.499], требует соответствующей корректировки.

Положение о деятельности как форме активности, не являясь общепризнанным, тем не менее, служит методологической основой в некоторых деятельностных концепциях: « ... коренную особенность деятельности как человеческой формы активности: то, что её субъектом всегда бывает некоторая совокупность непосредственно кооперированных или опосредованно связанных общественными отношениями индивидов. Вне этих связей любая активность единичного индивида деятельностью не становится ... » [2, с.24].

В этой концепции активность как конституирующая характеристика человека проявляется в различных формах:

« ... Сама активность личности в деятельности выступает в разных конкретных формах: работоспособности человека, дееспособности, трудоспособности и конкретных индивидуальных способностей личностей ... » [4, с.155].

Как мы уже отмечали ранее, психологические концепции, признающие в качестве базового понятие «активность», в конечном итоге исходят из внутренней детерминации, осуществляемой на бессознательном уровне: « ... При наличии потребности, которая должна быть удовлетворена, и соответствующей ситуации живой организм обращается к определенной целенаправленной деятельности. Но, как мы убедились, эта деятельность, в первую очередь, зарождается в форме установки, которая в дальнейшем раскрывается в виде доступных наблюдателю внутренних и внешних актов поведения ... » [46, с.41]. Это относится не только к концепции установки, но и, в том числе, к субъектно-деятельностному подходу.

Характерным для активистических концепций является не только способ рассматривать деятельность в качестве формы, в которой проявляется активность, но и способ рассматривать активность как до-деятельностную возможность самой предметной деятельности: « ... Могут быть рассмотрены 3 рода соотношений активности и деятельности.

Активность как динамическая образующая деятельности. ... Активность раскрывается здесь как представленная в движении возможность деятельности. Обусловленное субъектом движение как бы впитывает в себя мир, приобретая формы предметной деятельности ... » [28, с.53].

Аналогичный подход наблюдается не только в общей психологии, но и в современной педагогической психологии, где учебная деятельность рассматривается в качестве элемента в структуре активности: « ... учебная деятельность занимает ведущее положение в структуре общей активности студентов ... » [50, с.264].

Такую же позицию в интерпретации активности занимают и некоторые современные представители системного подхода: « ... активность имеет форму учебной деятельности ... » [13, с.130].

Естественнонаучная традиция интерпретировать деятельность как форму выражения активности настолько прочно укрепила в отечественной психологии, что такое одностороннее понимание деятельности находит своё отражение во многих учебниках психологии, как старых, так и новых: « ... Без активности, выражающейся в деятельности, невозможно раскрытие богатства духовной жизни человека ... » [27, с.130].

Как неоднократно нами отмечалось, искажённой трактовке деятельности способствует нечёткость или небрежность философов в определении содержания деятельности, и особенно те их высказывания, в которых прямо и неоднозначно деятельность определяется как форма активности: « ... Деятельность — это такая форма активности, которая способна по самой своей природе к не ограниченному какими-либо извне заданными рамками пересмотру и совершенствованию лежащих в её основе программ, к неограниченному, так сказать, «перепрограммированию». В этом смысле деятельность — принципиально открытая

система, способная к неограниченному саморазвитию в рамках объемлющего ее универсума ... » [48, с.13].

Мы разделяем точку зрения Батищева Г.С. на то, что интерпретация деятельности как формы активности в конечном итоге приводит к пониманию самой деятельности как субъект-объектного отношения, что хорошо видно не только на примере философских определений, но также на примере психологических концепций деятельности, особенно субъектно-деятельностной концепции:

« ... Согласно А.П.Огурцову и Э.Г.Юдину, «деятельность – специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. ... Человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который сопротивляется воздействию на него человека и должен получить новую форму и свойства, превратиться из материала в продукт деятельности». Подобным же образом и у К.А.Абульхановой-Славской, несмотря на ее старания максимально отличить деятельность от активности, все же первая определяется через посредство второй. Поэтому нам предлагается «деятельность, понимаемая как осуществленная человеческая активность». А иногда дается и гораздо более прямая характеристика – «деятельности как человеческой формы активности». Так или иначе первая выступает в качестве реализации второй или того, во что превращается вторая. И над всем тяготеет «общефилософское положение об изменении субъектом объекта» ... » [7, с.154].

Отказывая деятельности в праве на лидерство в построении модели человека, выдвигая на первый план сущность человека-деятеля (под которой в данном случае понимается не что иное, как активность) и делая деятельность производной от этой природной сущности, мы неизбежно вводим в ранг первопричины рефлексорную природу активности: « ... Между тем деятельность не является чем-то самодовлеющим, каким-то самостоятельным образованием, её сущность производна от сущности деятеля ... » [2, с.5]. В данном случае мы основываемся на положениях субъектно-деятельностного подхода о рефлексорной сущности всех психических процессов человека, в том числе и сознания.

Попытки обосновать приоритет активности перед деятельностью приводят к тому, что в структуре мотивационной сферы искусственным путём разделяются сферы, относящиеся к деятельности, и сферы, относящиеся к активности: « ... Если мотив – структурная составляющая деятельности, то притязание – важнейшая составляющая личностной активности ... » [4, с.226].

Вторичность, производность деятельности по отношению к активности в активистических концепциях основывается на предположении о некоей имманентной целесообразности самой активности, осознание которой преобразует активность в деятельность: « ... Ясно, что процесс и деятельность никак не могут противопоставляться друг другу. Процесс – при осознании его цели – непрерывно переходит в деятельность мышления ... » [35, с.279].

Это положение ещё раз доказывает, что утверждение активности в качестве основной психологической категории фактически означает признание нерефлексивной природы человека. По своей природе рефлекторная активность *нерефлексивна*. И это заложено в её фундаменте как неосознанность психического как процесса. Активность никогда не становится (и не может стать) собственным предметом, поскольку: « ... процесс мышления, восприятия и т.д. протекает преимущественно неосознанно ... » [35, с.279]. Рефлексивность деятельности на личностном уровне, о которой говорят в субъектно-деятельностной концепции, совсем не означает того, что активность стала собственным предметом. В данном случае рефлексивность означает соотносимость с целями.

Для современных исследователей активности свойственно необоснованно превращать её в психологическую сверхкатегорию. Этому способствует неоправданно широкое толкование категории «деятельность». Настолько широкое, что содержательная специфика деятельности и не-деятельности полностью растворяется в нейтральном понятии активность: « ... «деятельность» здесь и в дальнейшем трактуется широко. Здесь и жизнедеятельность человека (витальность), и его предметная деятельность, и деятельность общения и, наконец, - деятельность *cogito*, Объединяются эти различные виды активности человека

под именем деятельность, в силу существенной общности их природы: все они ... имеют воспроизводящий характер, - как бы творят человека вновь, в каждом из особенных измерений его бытия в мире ... » [28, с.30].

На наш взгляд, такая расширенная трактовка понятия «деятельность» ничего не даёт и не может дать для описания специфики человеческого существования, а, наоборот, стирая качественную грань, в каком-то смысле отождествляет животный и человеческий мир и вносит ещё больше неразберихи в этот, и без того запутанный вопрос.

В связи с наметившейся в последнее время тенденцией в психологической литературе приписывать активности качества сверхкатегории и участвовавшим необоснованным попыткам вывести из неё всё человеческое существование, вплоть до сознания и нравственности, нам бы хотелось привести достаточно полную цитату Г.С.Батищева, в которой он выражает собственное понимание активности и свой взгляд на её соотношение с категорией деятельности на примере анализа психологической позиции С.Л.Рубинштейна: « ... С.Л.Рубинштейну принадлежит неудачная попытка исправить недостатки категории деятельности, какою она фигурировала в литературе 30-х годов, - исправить с помощью понятия «активность». Само по себе стремление внести серьезные изменения в то истолкование, которое тогда было широко распространено, более чем оправдано и должно вызвать всяческое сочувствие и поддержку. Ибо эта на самом деле чрезвычайно богатая содержанием категория была тогда упрощена и уплощена некоторыми авторами ... до действующего, которое имеет только один господствующий и определяющий вектор – центробежный от индивида вовне. Это была фактически подмена многомерной и многоуровневой деятельности её вырожденной и частичной формой осуществления, а именно – вещной активностью. ... Из содержания труда как процесса совершенно выпало то, что, изменяя вещь, взятую из природы, человек в этом же самом процессе изменяет также и свою собственную природу (МЭ. т.23.с.18). Так вот и случилось, что под деятельностью, или «практикой», стали понимать прежде всего и главным образом операторное воздействие человека, направленное от себя во вне. За сущность деятельности стал выдавать-

ся этот центробежный вектор. Остальное же содержание в лучшем случае принималось за второстепенное и функционально производное.

Видя этот тяжкий недостаток в вульгарном истолковании деятельности, С.Л.Рубинштейн предпочел, однако, не такое критическое переосмысление его, которое вернуло бы категории деятельности её утраченный истинный богатый смысл, а пошел по пути компромисса. Он решил сохранить за деятельностью низший уровень содержания – тот центробежный вектор, который на самом деле лучше было бы назвать объектно-вещной активностью, а все более высокие уровни – уровни психического развития, субъектных способностей, процесса мышления и т.п. – вывел из-под «юрисдикции» этой грубой категории. «О деятельности, о действии в специфическом смысле слова мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего». Так у деятельности недвусмысленно отнимается все ее внутреннее применение: «Обращение деятельность изнутри вовне, изменение её направленности с самого себя ... на внешний мир снимает сам страдательный характер деятельности человека» (Рубинштейн). Но поскольку все более высокие уровни, оставшиеся вне сферы деятельности, нуждаются в каком-то «заменителе-двойнике», который пришел бы занять освободившееся место, то С.Л.Рубинштейн решает дополнить ущербную категорию иным понятием, достойным применения его к более высоким уровням. В качестве такого заместителя он избирает активность. Отсюда и получается, что для него, например, «мышление как процесс – это ... активность, а не деятельность» (Проблемы общей психологии. с.93). Так были открыты ворота для вторжения в психологию понятия «активность», да и не только в психологию. ... Но это принесло далеко не те плоды, которые ожидались. Прошло немного времени, и возник бурный поток совершенно неумеренного употребления и злоупотребления сугубо центробежной «активностью». Последняя вышла из прежней второстепенной и подчиненной роли и стала притязать на положение новейшей «суперкатегории», низведя деятельность до своей ограниченной помощницы или частной своей выразительности.

Все это лишний раз свидетельствует о том, как важно, чтобы категориальный аппарат, призванный служить исследованию, размышлению и философскому поиску, был строго независим от обыденно-житейских ассоциаций, влиятельных поветрий моды и тому подобных факторов и чтобы он служил утончению, а не огрублению нашей проблематизирующей способности ... » [7, с.132].

Полностью разделяя позицию Г.С.Батищева в вопросе о соотношении активности и деятельности, мы считаем, что деятельность не выводится из активности, не является её формой, а представляется качественно иной действительностью, которая как раз и позволяет адекватно отобразить своеобразие и принципиальное отличие человеческого мира от остального:

« ... деятельность никоим образом не есть особенная форма активности (например, «человеческая форма» её и т.п.). К деятельности нельзя прийти, пытаясь сконструировать ее из активности, как бы мы ни изощрялись ... » [7, с.169].

8.7. Активность как способ деятельности (действия)

Иногда авторы, характеризуя активность как отношение, фактически приписывают её характеристики деятельности, а подчас и прямо употребляют деятельностную терминологию в отношении активности: « ... Практическое отношение человека к действительности включает в себя три составляющие; 1). субъект, наделенный активностью и направляющий её на объекты или на других субъектов; 2). объект, на который направлена активность субъекта; 3). активность, выражающаяся в том или ином способе действия субъекта с объектом ... » [39, с.131].

Высшая степень неадекватности достигается, на наш взгляд, в случаях, когда по необъяснимой причине активности приписываются рефлексивные характеристики деятельности:

« ... Личностная активность проявляется в становлении человека субъектом деятельности, когда у него возникает собственное отношение к деятельности, создаётся свой «стиль» её осуществления ... » [4, с.151].

8.8. Активность как способ отношения субъекта к объекту

В иных случаях активность человека, как и вообще активность, представляется единственным способом осуществления (воспроизводства) собственных отношений с миром: « ... живое существо, будучи активным, воспроизводит свои жизненные отношения с миром ... » [29, с.177]. Тем самым ещё раз подтверждается приверженность авторов не исследовать специфику и особое предназначение человека, а свести (или вывести) его существование из существования любого живого существа.

В этом смысле основанием для такого объяснения и хорошим подспорьем становится естественная природа всего живого (по-видимому, эта естественная природа суть рефлекторная природа любой активности): « ... Под природным мы подразумеваем человеческую чувственность, телесность, которая несводима ни к индивидуальному, ни к психофизиологическому уровням организации, а становится способом выражения отношения человека к миру ... » [31, с.289].

Неудивительно, что такая позиция приводит к закономерному результату: любое живое существо объявляется субъектом в силу присущей ему от природы активности: « ... Деятельность – активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности ... » [32, с.91].

Из активистической позиции следует ещё один, методологически очень важный вывод: под деятельностью понимается не само человеческое отношение, а процесс осуществления отношения, которое существует до- и независимо от деятельности: « ... О деятельности в другом смысле говорят применительно уже не к органу (в данном случае - мозгу), а к человеку как субъекту деятельности. ... Под деятельностью мы будем понимать такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь ... » [34, с.41]. Это чрезвычайной важности утверждение свидетельствует о том, что человеческое отношение имеет не-деятельностную природу и

что это отношение воспроизводится независимо то сознания человека.

Абсолютизация активности как исходного отношения человека с миром возможна, на наш взгляд, только в случае «широкой» трактовки деятельности. Настолько широкой, что в нём тонет и исчезает специфика человеческого существования: « ... Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности. Формулируя это положение, подчеркнём, что последняя трактуется здесь в широком смысле. Под деятельностью понимается динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира, выступающая в виде необходимого и достаточного условия реализации жизненных отношений субъекта ... » [28, с.53].

Закономерным следствием активистической парадигмы человека становится признание ограниченности его возможностей как субъекта активности, наличие социальных пределов, которые рефлексивная активность и человек как субъекта- рефлексивной активности преодолеть не в состоянии. Поэтому в активистических концепциях человек как субъект – это человек, существующий в социальных пределах, задаваемые извне «активному» человеку: « ... Однако и «позиция» личности в общественных отношениях, и «позиция» её в составе коллективного общественного субъекта ... есть лишь два «предела», которые представляют обширное поле общественной активности индивида. Эти характеристики, являясь как бы границами возможной активности личности в общественном отношении, становятся основаниями, по которым она рассматривается и определяется в психологии ... » [2, с.50].

8.9. Причинная детерминация и активность

Активистическая парадигма человека по своей природе является парадигмой причинной детерминации: « ... многообразные виды и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые как через основание развития только и действуют любые внешние причины, влияния и т.д. ... » [44, с.344].

Причинная детерминация позволяет связать активность с внешними воздействиями, обосновать связь внешних и внутренних причин: « ... Выдвинутый С.Л.Рубинштейном принцип,

согласно которому внешние воздействия вызывают эффект, лишь преломляясь сквозь внутренние условия, противостоял как представлениям о фатальной предопределённости активности со стороны внешних воздействий, так и истолкованию активности как особой силы, не зависящей от взаимодействия субъекта с предметной средой ... » [28, с.47].

Еще одним следствием активистической парадигмы человека является признание любого активного существа субъектом и утверждение причинной детерминации в качестве единственно возможной: « ... Имея в виду это особое качество – способность к самодвижению, в ходе которого живое существо воспроизводит себя, говорят, что оно есть субъект активности. «Быть субъектом» [активности. – В.А.] значит: воспроизводить себя, быть причиной существования в мире ... » [29, с.176].

8.10. Активность как внутренняя причинность деятельности

Исходя из активистической парадигмы, активность понимается как внутренний источник любых действий и движений: « ... Активность – понятие, указывающее на способность живых существ производить спонтанные движения и изменяться под воздействием внешних или внутренних стимулов-раздражителей ... » [25, с.651].

Более того, активность признаётся далее всеобщей характеристикой живых существ (в том числе и человека), естественным источником и условием человеческой деятельности: « ... Активность – всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром; присущая живому существу способность к «самостоятельной силе реагирования» (Ф.Энгельс). В психологии А. выступает в соотношении с деятельностью, обнаруживаясь как динамическое условие её становления, реализации и видоизменения, как свойство её собственного движения. Она характеризуется в большой степени обусловленностью производимых действий спецификой внутренних состояний субъекта непосредственно в момент действия, в отличие от реактивности, когда действия обуславливаются предшествующей ситуацией ... » [42, с.14].

В качестве обоснования всеобщности активности и единственности причинного типа детерминации, обычно приводится ссылка на И.Канта, где он утверждает активность как единственную первопричину человеческой деятельности: « ... Общее определение активности мы находим у И.Канта, в «Критике чистого разума». Активность определяется им как причинность причины. ... В психологическом плане активность может быть осмыслена как «причинность» индивида по отношению осуществляемой им самой деятельности, - как её «индивидуальная» образующая. Активность становится видимой в процессе инициации («запуске») деятельности, её осуществления, контроля над её динамикой и др. К сфере проявления активности относится, таким образом, совокупность обусловленных индивидом моментов движения деятельности ... » [28, с.53].

Поскольку активность – это естественно-природное свойство человека, не контролируемое и не осознаваемое им, то логично предположить, что не человек является источником активности, а мозг как орган природной активности продуцирует человеческую деятельность: « ... Несомненно, что органом ... потенциальных свойств [человека. - В.А.] является мозг, продуцирующий всю «актуальную» деятельность человека ... » [5, с.169].

С этой стороны можно утверждать, что именно активность является причиной самой деятельности, высшим по отношению к ней уровнем человеческой жизни: « ... Активность вызывается потребностью в деятельности, представляет собой высший по отношению к деятельности уровень ... » [4, с.80]. Следовательно, именно активность является тем особым человеческим качеством, которое определяет его собственную социальную действительность: « ... активность как особое качество субъекта в системе его социальных взаимодействий ... » [4, с.79].

Исходя из активности, определяется и содержание понятия «субъект». Здесь субъект активности понимается как человек, имеющий активность как своё атрибутивное качество, своё человеческое естественное свойство: « ... основным свойством активности является её принадлежность человеку, субъекту, вне которого она не может существовать. Следовательно, субъекту активности присущи все характеристики субъекта деятельности

(психические, моральные, социальные, профессиональные и т.д.), но только более личностно окрашенные, личностно направленные ... » [4, с.79].

Отсюда и неприметность активности, хотя обоснования предметности активности имеют место, но в этих обоснованиях предметность подменяется объектностью, т.е. отнесённостью к внешнему объекту. Но, как известно, направленность на внешний предмет (объект) ещё не является предметностью. Иначе предметными были бы все живые существа без исключения, поскольку они отличаются такой «направленностью». отождествлять такую направленность с предметностью – значит неадекватно понимать содержание гегелевского и марксистского понятия «предметность»: « ... Но что движет активностью, если не предмет? Будучи направлена на деятельность, которая имеет дело с предметом, активность определяется субъектом ... » [4, с.79]. Ведь даже судя по противоречивой цитате, приведённой выше, видно, что не может предметность определяться субъектом. Предметность она потому и предметность, что определяется логикой своего предмета, а не своей внутренней логикой.

Для активистической же парадигмы человека естественным является признание активности в качестве первопричины не только деятельности как способа воздействия, но и её целей, всегда понимавшихся как продукт сознания. Более того, в этой парадигме считается, что естественно-природная рефлекторная активность является движущей силой всего человеческого в человеке: « ... Активность определяет деятельность (с её структурами, функциями), мотивы, цели, направленность, желание (или нежелание) осуществлять деятельность, т.е. является движущей силой, источником пробуждения в человеке его «дремлющих потенциалов» ... » [4, с.77].

Таким образом, активность утверждается в качестве первопричины всего человеческого, а деятельность – в качестве её производной: « ... Принципиальное отличие активности и деятельности состоит в том, что деятельность исходит из потребности в предмете, а активность – из потребности в деятельности ... » [4, с.77]. Хотя на самом деле ни деятельность не исходит из потребности в предмете, ни активность не исходит из потребности в деятельности.

Активистическая парадигма характерна поиском некоей общей первопричины. И в этом движении от одной первопричины к другой осуществляются попытки найти уже причину самой активности, которую современные представители активистической парадигмы видят в переживании: « ... Переживания ... образуют ту часть «образа мира» (А.Н.Леонтьев, С.Д.Смирнов), которая служит реальной детерминантой активности человека ... » [28, с.52]. Правда, данная трактовка отличается от трактовки самого А.Н.Леонтьева и имеет несколько другой смысл, поскольку сам А.Н.Леонтьев не пользовался термином «активность» как базовым в своей психологической теории.

Механизмом причинной детерминации активности являются переживания, за счёт которых возможности превращаются в реальность актуальной активности: « ... Возможности как таковые – ещё не цели, но лишь условия их достижения и постановки. Но, будучи переживаемыми, возможности непосредственно, то есть без содействия дополнительных стимулов, превращаются в движение мысли или поведения, - воплощаются в активности ... » [28, с.51].

Это касается и происхождения цели деятельности: « ... рождение первоцели само должно быть понято как детерминированное. И такая детерминанта есть. Мы полагаем, что это – переживание человеком возможности действия (состояние Я могу) ... » [28, с.51].

По мнению приверженцев активизма, причинный механизм переживания объясняет возникновение новых целей. Но поскольку в данном случае конечной причиной новой цели являются новые возможности, переживание за них порождает новые цели, то, фактически, проблема сдвигается на механизмы происхождения новых возможностей, но их автор не обсуждает: « ... Актуальный детерминизм в форме переживания собственных возможностей действия как причины целеполагания объясняет выдвижение индивидом действительно новой цели, не выводимой из уже принятых целевых ориентаций (будь то мотив, предшествующая цель, задача или фиксированная установка). В любом случае идея активности как целеполагания либо просто повисает в воздухе (новая цель появляется как кролик в шляпе фокусника), либо не содержит в себе никакой новизны, как это

иногда бывает, когда целевые ориентации одного уровня выводятся из целевых ориентаций другого ... » [28, с.52].

8.11. Активность как внутренний механизм деятельности

Активистическая парадигма человека предполагает не-деятельностное объяснение деятельности. В качестве такого объяснения, а заодно и механизма осуществления деятельности, сторонники рефлексорной парадигмы психического видят в рефлексе. По их мнению, механизмом человеческой деятельности является рефлекс. При этом они ссылаются на И.М.Сеченова: « ... Великий физиолог [И.М.Сеченов. – В.А.] увидел в рефлексе механизм, соединяющий организм с окружающей средой как в процессе отражения, так и в процессе деятельности, распространил рефлексорный принцип на неосознаваемые явления психики. «Рефлексорное понимание психической деятельности означает, - пишет Е.А.Будилова, - что психические явления возникают в процессе взаимодействия индивида с окружающим миром и они неотделимы от материальной нервной деятельности мозга, благодаря которой осуществляется это взаимодействие ... » [14, с.89].

Такой же точки зрения придерживаются уже цитированные нами авторы некоторых словарей: « ... Реализация Д. [деятельности. В.А.] осуществляется на основе психофизиологических механизмов, изученных в русле «физиологии активности» Н.А.Бернштейна ... , теории «функциональных систем» П.К.Анохина ... и представлений о системной организации высших корковых функций А.Р.Лурия ... » [42, с.102].

Из активистической позиции, на основании которой деятельность выводится из рефлекса, следует, что основой предметного действия является движение: « ... движение становится действием опосредованно, через предмет, и действие является прежде всего опредмеченным движением ... » [6, с.113].

Этот вывод непосредственно следует из общего понимания активности как внутренне детерминированных (обусловленных индивидом) движений, которые, по мнению автора, обеспечивают развитие предметной деятельности: « ... Активность есть совокупность обусловленных индивидом моментов движения,

обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности ... » [28, с.56].

Признание активности центральной категорией приводит к тому, что предметная деятельность происходит из внутренне детерминированной активности: « ... активность есть обусловленное индивидом расширенное воспроизводство деятельности ... » [28, с.55].

Здесь естественно предположить, что на счёт активности необходимо отнести не только возможность осуществления деятельности, но и её развитие. Но тогда леонтьевский механизм развития деятельности «сдвиг мотива на цель» достаточно произвольно интерпретируется как явление всё той же активности: « ... Активность как динамическая сторона деятельности. ...

Динамическая сторона деятельности (активность) не исчерпывается ... лишь процессами течения последней, т.е. такими процессами, в которых развёртываются уже накопленные в опыте субъекта (или присвоенные им) структуры деятельности. К явлениям активности следует также отнести и то, что было обозначено А.Н.Леонтьевым как «внутрисистемные переходы» в деятельности («сдвиг мотива на цель», превращение исходной деятельности в действие, реализующее отношения более развитой формы деятельности, и т.п.). В этих переходах осуществляется развитие деятельности ... » [28, с.54].

Далее у этого же автора звучит более определенно мысль об активности как всеобщей основе и источнике не только осуществления (функционирования) деятельности, но и её развития: « ... активность в системной организации деятельности занимает различное место: 1). Активность – динамическая «образующая» деятельности (она обеспечивает опредмечивание потребностей, целеобразование, присвоение «психологических орудий», формирование установок, становление психического образа и т.д.); 2). Активность – динамическая сторона деятельности (процессы осуществления деятельности и «внутрисистемные переходы» в ней – сдвиг мотивов на цель и т.д.); 3). Активность – момент расширенного воспроизводства деятельности (её мотивов, целей, средств, психического образа, опосредствующего течение деятельности) и – «скачка» к качественно иным формам деятельности ... » [28, с.55].

Не случайно, что развитие деятельности здесь представляется как переход из одного уровня активности на другой уровень активности: « ... Всякое действие человека строится на основе некоторых первичных автоматизмов, сложившихся в результате предшествующего филогенетического развития. Вместе с тем всякое сколько-нибудь сложное человеческое действие в процессе своего выполнения и порождает новые, более сложные и лабильные автоматизмы ... » [35, с.28].

В связи с этим, вполне обоснованным выглядит утверждение о том, что развитие деятельности есть её расширенное воспроизводство, которое и есть, в свою очередь (с чем мы как раз согласимся) не иначе как активность – естественно-природное рефлекторное отношение живых существ к внешнему миру: « ... Активность как расширенное воспроизводство деятельности. В самом общем плане расширенное воспроизводство деятельности может быть определено как процесс обогащения мотивов, целей и средств исходной деятельности ... » [28, с.54].

8.12. Активность как адаптивность

Проблема соотношения активности и предметной деятельности заключается в адаптивной или неадаптивной природе человеческого отношения. Именно с этих позиций мы оцениваем стратегические возможности активности как категории и объяснительного принципа человеческого существования.

Анализ природы активности как общефилософской категории позволяет утверждать, что она непосредственно связана с отождествлением человека и вещи: « ... Бенедикт Спиноза, всемирно знаменитый философ-субстанциалист, провозглашает, что человек – тоже вещь, хотя и «мыслящая вещь» ... » [7, с.173]. Признание активности как методологического принципа и ведущей категории в объяснении качественного своеобразия жизнедеятельности человека приводит к необоснованной экстраполяции способа существования вещей на способ существования людей: « ... Именно Спиноза в своё время предельно четко и категорично сформулировал ту общефилософскую позицию, которая делает принципиально возможными безграничные экстраполяции понятия натуралистической, вещной активности, или вещного воздействия ... » [7, с.173].

Активность по своей природе и предельным возможностям – это способ взаимодействия между вещами, это в чистом виде объект-объектное взаимодействие (взаимовоздействие): « ... Вполне свободное от всякой метафизичности научное понятие активности – это активность натуралистическая, относящаяся к заведомо ограниченному уровню или сфере бытия – к взаимодействию между объектами-вещами. ... С этим понятием мы остаемся внутри горизонта веществ, физических энергий и информации ... » [7, с.204].

Данное означает, что активность – это перенос внутренних детерминант вовне, несмотря ни на что воплощение собственной природы и отрицание природы своего объекта. Этим, отрицающим наличие другой самостоятельной природы воздействием, активность и отличается от предметной деятельности: « ... Что представляло собой первоначально то бытие, которое потом подверглось воздействию активности, - это по природе вещей недоступно активности, так сказать, потусторонне для нее. Деятельность как предметная начинается не с активности, а в совершенно иных измерениях действительности ... » [7, с.170].

Этот факт находит понимание и у представителей активистической парадигмы. Внутренним образом детерминированная целеустремлённая активность в этом случае соотносится с эзотерической действительностью внутренней цели, а сама активность характеризуется как адаптивность: « ... суть постулата [сообразности. – В.А.] заключается в том, что индивиду приписывается изначальное стремление к внутренней цели, в соответствии с которой приводятся все без исключения проявления его активности. ... По существу, речь идёт об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Адаптивная направленность трактуется здесь в предельно широком смысле ... » [28, с.13].

Поэтому-то все сферы человеческой жизнедеятельности выводятся из этой адаптивной активности: « ... Витальность, деятельность, общение, самосознание – всё это сферы реализации предустановленной Цели ... » [28, с.14].

В связи с этим активность как особая философия человека представляется, с одной стороны, способом его адаптации в окружающий мир за счёт наличия внутренне присущих человеку

адаптивных целей, с другой стороны, эта адаптация осуществляется как агрессия одной вещи по отношению к другой, как навязывание собственной природы другому существу: « ... Активность вообще есть не что иное, как навязывание своей собственной формы, внесение ее в другие, менее активные системы, накладывание системной вещью печати своей организации или структуры на другие вещи, экспансия во вне себя самой, и, так сказать, покорение ею других вещей. Более сильная вещная система насильственно вынуждает все подвластное ее распространяющемуся влиянию уподобиться ей, а может быть, и стать во все поглощенным ею, что приводит к расширению границ системы-победительницы ... » [7, с.166].

Но навязывание, подавление и за счёт этого утверждение собственной природы – это вовсе не человеческий способ существования. Активность никогда не приведёт к соучастию и сотворчеству, поскольку изначально «закрыта» для иного, кроме собственного, содержания. Только категория предметной деятельности способна разорвать этот замкнутый круг и вывести человека из плена его собственного внутреннего содержания в пространство всеобщих и универсальных содержаний объективного мира, органическим составляющим которого он в этом случае становится: « ... Сама деятельность и только она именно предметна: верна предмету ... и живет предметной жизнью и логикой, его воспроизведением, его продлением, его развитием и т.п. – изнутри самого предмета и без перевода его на «язык» своей приходящей системы. Активность же принципиально непредметна в том смысле, что всякое бытие, подверженное преобладающему над ним воздействию, несущим с собой предуготовленные собственные формы активной системы, тем самым принципиально закрыто для последней, заслонено логикой воздействия, логикой навязывания, логикой экспансии и ассимиляции ... » [7, с.169].

8.13. Активность как неадаптивность (над-ситуативная активность)

Понимая недостаточность эвристических возможностей категории активности как неспособной в полной мере описать рефлексивную действительность человека, уже в рамках акти-

вистических парадигм осуществляются попытки найти решение этого противоречия между адаптивной природой активности и рефлексивной природой человеческого способа жизнедеятельности. Но решение это видится не в отказе от понятия «активность», а в создании такой особой формы активности – надситуативной активности, с помощью которой можно было бы объяснить развитие человеческой деятельности: « ... При рассмотрении Д. [деятельности. – В.А.] в динамическом плане изучаются механизмы, обеспечивающие движение самой Д. [деятельности. – В.А.]: надситуативная активность ... , определяющая саморазвитие Д. [деятельности. – В.А.] и возникновение её новых форм, и установка, обуславливающая устойчивый характер целенаправленной Д. [деятельности. – В.А.] в постоянно изменяющейся действительности ... » [43, с.102].

Именно надситуативной активности приписывается способность преодолевать внутренние и внешние пределы, т.е. по сути дела трансцендировать: « ... Активность надситуативная – способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Посредством А.н. субъект преодолевает внешние и внутренние ограничения («барьеры») деятельности ... » [43, с.15].

Надситуативная активность становится тем психическим механизмом, за счёт которого создаются, по мнению авторов, новые возможности человеческой деятельности: « ... при надситуативной активности индивид строит образ возможного, но избыточного преобразования ситуации, что и становится для него целью деятельности ... » [28, с.89].

Неадаптивность надситуативной активности своим источником имеет несовпадение собственных целей и её результатов, замысла – с итогом: « ... Неадаптивность состоит в том, что между целью и результатом активности индивида складываются противоречивые отношения: намерение не совпадает с деянием, замысел – с его итогом ... » [28, с.26].

Для содержательного описания неадаптивной активности вводится понятие надситуативной цели: « ... Надситуативная цель – это такая цель, принятие которой не вытекает непосредственно из требований ситуации, однако, реализация которой

предполагает актуальную возможность достижения исходной цели ... » [28, с.89].

В качестве механизма надситуативного целеполагания предлагается избыточность образа предметных условий деятельности. Эта избыточность, интерпретируются как избыточные возможности, но не реализованные прежде, которые при обращении к ним составляют основу для возникновения новых возможностей: « ... Как постановка, так и реализация цели невозможна вне построения более широкого, чем это было бы необходимо, образа предметных условий осуществления предстоящей деятельности. В итоге у индивида накапливается резерв не реализованных возможностей, которые избыточны относительно исходно отношения, побуждавшего деятельность. ... по мере осуществления деятельности, индивид необходимым образом ... осуществляет ретроспективную и проспективную оценку процессов и результатов собственных достижений. ... Следовательно, отражёнными оказываются намеченные и отброшенные альтернативы. Возникновение их и возврат к ним ... и образуют действительную предпосылку надситуативной активности. Мысленно «проигрывая» некоторое возможное действие, индивид делает первый шаг к его осуществлению. Этот шаг может оказаться единственным, последним. Если этого не происходит, то есть если мысленный прообраз действия воплощается в реальное действие, мы констатируем акт движения деятельности, проявление надситуативной активности ... » [28, с.89].

Именно идея противоречия между внутренне присущей адаптивной активности цели и реальным её результатом положена в основу содержания неадаптивной активности: « ... В настоящей работе идея несовпадения цели и результата активности человека выступает в особом качестве – как определяющая характеристика неадаптивности. Отмеченное противоречие, как предполагается, неизбежно и неустранимо, но в нём источник динамики индивида, его существования и развития ... » [28, с.26].

Тем самым, предлагается решение проблемы человека через активность как способ порождения и деятельности, и самого человека, понимаемого как идеальный субъект. Это решение, на наш взгляд, является одним из вариантов естественнонаучной

парадигмы человека, поскольку предполагает основой для целостного человека его эмпирическую действительность. Именно она (эмпирическая действительность) является необходимым условием возникновения идеального субъекта активности:

« ... Иной взгляд на личность, который мы развиваем как решение проблемы, состоит в том, чтобы мыслить личность человека как порождаемый движением его деятельности, общения и самосознания идеальный субъект – средоточие целокупной активности человека. Личность как идеальный субъект в движении человеческой жизни не изначален по отношению к деятельности, общению, самосознанию, не предшествует их эмпирическим субъектам, а как бы вырастает из них ... » [28, с.24].

8.14. Активность как фактор изменения деятельности

В рамках активистических парадигм главной философской задачей становится обоснование активности как общего основания развития любого природного объекта: « ... Важнейшим основанием развития является внешняя и внутренняя активность развивающегося объекта. Она определяет не только устойчивость, сохранение, воспроизводство, но и характер изменений, их направленность. В результате изменения развивающегося объекта предстают не только как «самопроизвольные», но и как «внутренне необходимые изменения». Изменчивость может служить основой развития в той мере, в какой она не случайна, а обусловлена самим развивающимся объектом и тем самым выступает как момент его самодетерминации. Изменчивость дает материал для последующего развития в той мере, в какой она сама является продуктом развития объекта или внутренне связанных с ним частей, что впрочем не исключает противоречий между изменениями развивающегося объекта и относительно независимыми от него изменениями его составляющих. Только благодаря активности развивающегося объекта неопределенная изменчивость превращается в определенные изменения, лежащие в основе развития ... » [1, с.27].

В психологии такая позиция находит выражение в том, что активность объявляется предшествующим началом всех человеческих явлений, в том числе человеческой деятельности. активность признаётся единственным мобильным фактором, по срав-

нению с которой деятельность представляется неким ригидным феноменом: « ... Активность как бы предшествует деятельности во времени: до начала деятельности мы ещё можем что-то изменить, передумать, улучшить, после мы уже «вынуждены» закончить начатое ... » [4, с.77].

Исходя из этой точки зрения, деятельность сама по себе не способна изменяться в процессе своего осуществления, лишена всяческой пластичности и «намертво» прикована к своему предмету (под предметом здесь понимается вещественный предмет внешнего объективного мира): « ... В момент осуществления деятельности происходит «мёртвая» привязка к предмету потребности ... » [4, с.78].

Смысл активистической парадигмы в том, что деятельность не может быть понята как самодостаточная и самодетерминированная действительность, а понимается только как причинным образом детерминированная. И этой причиной, придающей деятельности пластичность и вариативность, признаётся активность: « ... Нельзя представить оптимальную деятельность, лишённую активности, происходящую по инерции, по жёсткому плану, активность «строит» варианты по ходу деятельности ... » [4, с.78].

Несмотря на то, что в философии активность рассматривается как внутренним образом детерминированное воздействие на внешнюю среду, в психологии, тем не менее, утверждается, что активность есть необходимый фактор развития: « ... под активностью следует подразумевать избирательное, специфическое воздействие любой материальной системы на среду (усвоение, преобразование, изменение, нейтрализация, противодействие), которое обеспечивает самосохранение, самовоспроизведение и развитие системы как целого в меняющихся условиях среды и определяется внутренними противоречивыми процессами. Иначе говоря, активность системы является необходимым условием её развития и одновременно внутренним основанием последнего ... » [23, с.326].

Нечёткость философской позиции в отношении факторов развития (и саморазвития) в психологии приводит к тому, что на первый план выносятся и утверждаются как главный для человека фактор случайности его развития. Тем самым доказывается,

что будто бы развитие человека может осуществляться только как произвольный процесс, как неконтролируемый эффект целенаправленного изменения человеком своего объекта. В то же время между строк подразумевается и утверждается всем содержанием активистических концепций, что развитие человека не может быть целенаправленным, что сам человек не становится целью развития: « ... Субъект обладает способностью не только изменять объект, течение событий, но одновременно изменяется сам. Реализация отношений субъекта является как бы двунаправленной – на объект, другого человека, ситуацию и на самого себя. Причём, если действие, направленное на объект, осознание ситуации являются в известных пределах произвольными, то изменение субъекта произвольно ... » [3, с.127].

Случайный характер развития подтверждается желанием высвободить активность из плена цели и утвердить, по всей видимости, её стихийный, вероятностный характер: « ... мы приступаем к критике постулата сообразности, ставящего знак тождества между процессами осуществления деятельности и активностью. Категория «активность» должна высвободить деятельность из телеологического панциря обыденных представлений, выявить в ней что-то иное, существенное ... » [28, с.42].

В связи с этим процессы развития, в отличие от процессов осуществления, лишённые «телеологичности», не могут быть поняты иначе, как спонтанные и вероятностные: « ... активность, в отличие от процессов осуществления деятельности, образует моменты прогрессивного движения самой деятельности (её становления, развития и видоизменения) ... » [28, с.56].

И хотя в отношении надситуативной активности утверждается её способность к целеполаганию, само целеполагание не может быть интерпретировано иначе, как спонтанный и самопроизвольный процесс: « ... Целенаправленность – момент осуществления деятельности, целеполагание – момент движения (собственной динамики) деятельности. Целеполагающая активность должна быть понята как внутренняя характеристика деятельности, как деятельность, выступающая в особом своём аспекте – со стороны собственного становления, развития, видоизменения ... » [28, с.57].

Поэтому можно предположить, что в рамках активистической парадигмы развитие деятельности как становление качественно новой её формы – это и есть высшая форма активности, т.е. спонтанного, внутренне детерминированного процесса целеположения, вероятностного по форме и бессознательного по содержанию: «... активность на высшем её уровне определяется нами как переход предшествующей формы деятельности в высшей точке её развития к новой форме деятельности. Этот переход иногда выступает в виде «скачка», знаменующего собой становление существенно новой деятельности ...» [28, с.55].

Сознание как способность целеобразования здесь выступает в качестве подчинённого фактора, играющего вспомогательную роль и возникающего как необходимое средство «удержания» результата естественно-природной рефлекторной активности мозга.

8.15. Активность как рефлексия оснований деятельности

Попытка всё вывести, или всё свести к активности неизбежно приводит к необходимости объяснить активностью и рефлексией, явление, явно противоречащее по своей природе активности. Такая надобность возникает при желании объяснить самодетерминированность деятельности не из неё самой (что противоречит активистическим установкам), а из активности. Поскольку в активистических концепциях самодостаточность деятельности изначально отвергается, поэтому для причинного объяснения развития самой деятельности привлекается активность. Только в данном случае она уже интерпретируется как рефлексивный механизм развития деятельности: «... Акт осуществления деятельности завершён, однако движение деятельности продолжается, находя своё выражение в активности по построению образа системы условий, которые способствовали бы достижению цели: осваиваются новые возможности, порождённые в уже осуществленном акте деятельности. Оба процесса построения образа условий, приведших к цели, и освоение новых возможностей действия – является в широком смысле проявлением рефлексии. Первый – это рефлексия в форме ретроспективного восстановления истории акта деятельности, второй

– характеризует перспективный момент рефлексии, относится к возможному будущему ... » [28, с.68].

Здесь вместо того, чтобы рассматривать предметную деятельность как рефлексивную категорию, обладающую способностью делать предметом себя, свои основания и собственные условия, рефлексивность приписывается активности. Тем самым, проблема самодетерминированности, самодостаточности и истинной рефлексивности не решается, а относится на счёт некоей внешней причины (в данном случае – активности), рефлексивная природа которой сама между тем требует специального обоснования: « ... Индивидуально-значимое завершение деятельности радикально меняет направленность последующей активности. Теперь активность ориентирована не на исходный объект достижения, а на совокупность условий, в силу которых соответствующий результат был достигнут. Предметом активности становятся сами основания осуществлённой деятельности, и так как общение с другим человеком является важной их составной частью, то и оно превращается в предмет реального или идеального воссоздания, т.е. рефлексии в двух выделенных её формах – ретроспективной и перспективной ... » [28, с.70].

8.16. Предметная деятельность как преодоление активности

На наш взгляд, рефлексивная природа человека как универсального субъекта, как субъекта собственного развития, как субъекта трансцендирования должна решаться не за счёт стратегии поиска первопричины и выведения из неё следствий, а путём рассмотрения самой деятельности как рефлексивной действительности.

Для нас является совершенно очевидным, что эта проблема на решается за счёт совершенствования, расширения или преобразования категории активности.

Несмотря на то, что существует распространенная точка зрения, будто психика человека является результатом биологической эволюции: « ... Как показал еще А.Н.Северцов, психика должна была возникнуть и возникла в процессе биологической эволюции закономерно, а возникнув в этом процессе, она стала его важнейшим фактором ... » [22, с.13], мы считаем, что эта

точка зрения обосновывает только рефлекторную природу психики, но не её рефлексивный характер.

Но понятие активности является основным не только в рефлекторных концепциях человеческой психики. Есть основания считать, что в трудах автора культурно-исторической концепции психики Л.С.Выготского активность тоже имела определённое значение: « ... В работах Выготского прокладывание индивидом своей «жизненной дороги» выступает как одно из высших проявлений активности человека, порождаемое, инициируемое им самим.

Понятие активности – центральное и (в) общепсихологической теории этого психолога, и в его концепции личности. Активность как ведущая характеристика человека выступает в различных формах ... » [31, с.165].

На основании некоторых работ Л.С.Выготского, где специально не проводится различия деятельности, поведения и активности, тоже можно сделать вывод об эволюционном характере происхождения человеческого действия: « ... Действие человека, возникшее в процессе культурно-исторического развития поведения, есть свободное действие, т.е. независимое от непосредственно действующей потребности и непосредственно воспринимаемой ситуации, действие, направленное на будущее ... » [11, с.85].

Так же как и у нас, в работах западных психологов часто подчёркивается связь деятельности с состояниями человеческого организма: « ... В брунеровском представлении культурной психологии так же подчеркивается, что человеческий опыт и деятельность человека формируются его интенциональными состояниями (Bruner,1990) ... » [17, с.126].

Всё это свидетельствует о том, что традиция рассматривать деятельность как следствие состояния организма, или как следствие поведения, или как следствие рефлекторной природы организма весьма устойчива, несмотря на то, что таким способом невозможно обосновать её рефлексивный характер.

И вполне закономерным является тот факт, что категория деятельности была: « ... в существенной степени превращена в объектно-вещную активность, предметная деятельность вообще стала выглядеть и мыслиться как чуждая внутренней сущности

человека. Она слилась с обликом такой активности, посредством которой Миропорядок детерминирует человека и манипулирует им. ... Деятельность предстала как проводница мертвой бес- субъектности. В этом её качестве она и была отвергнута как де- гуманизирующий фактор ... » [7, с.408].

Необоснованная и надуманная редукция категории «пред- метная деятельность» к активности привела к возникновению в психологии реальной угрозы подмены рефлексивной сущности человека её адаптивным аналогом. И категория активности в этой подмене играет ведущую теоретическую роль. В связи с этим хочется поддержать эмоциональное высказывание Батище- ва Г.С.: « ... Категорию предметной деятельности надо поисти- не спасти ... от подмены её, так сказать, антидеятельностью – своемерной и своецентричной, односторонне центробежной, объектно-вещной активностью ... » [7, с.283].

Проблема человека как рефлексивного предметного универ- сального существа, как субъекта трансцендирования может быть решена только с помощью категории предметная деятельность. Активность как нерефлексивное, адаптивное, внутренне детер- минированное отношение к объективному миру не выражает специфики человеческого существования, а наоборот, снимает проблему специфичности и особенности человека.

Именно поэтому: « ... Не активность и не пассивность, да и не комбинация из них, а начинающаяся по ту сторону их обеих и снимающая их обеих предметная деятельность есть способ актуализации субъектного бытия, т.е. перехода к действитель- ности их тех возможностей, которые заключены как в виртуаль- ных слоях субъекта, так и во встречаемом им окружающем ми- ре, в объективной диалектике ... » [7, с.170].

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аббасов Абульхан. Сложность. Время. Синергетика: общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку,1991.
2. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.,1980.
3. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М.,1977.
4. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.,1991.
5. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.,1980. т.1.
6. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.,1961.

7. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.,1997.
8. Берн Эрик. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб.,1991.
9. Бехтерев В.М. Объективная психология. М.,1991.
10. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.,2000.
11. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка. М.,1983. т.6.
12. Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. От амебы до робота: модели поведения. М.,1987.
13. Галиев Т. Системный подход к интенсификации учебного процесса. Алматы,1998.
14. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.,1984.
15. Джакупов С.М. Психология познавательной деятельности. Алма-Ата,1992.
16. Келле В.Ж.. Продолжение разговора // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
17. Коул Майкл. Культурно-историческая психология. М.,1997.
18. Краткая философская энциклопедия. М.,1994.
19. Краткий психологический словарь. М.,1985.
20. Краткий психологический словарь-хрестоматия / Под ред. Платонова К.К. М.,1974.
21. Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
22. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.,1984.
23. Материалистическая диалектика. М.,1981. т.1.
24. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.,1995.
25. Немов Р.С. Словарь // Психология. Учебник для педагогических вузов. М.,2000. кн.1.
26. Никифоров А.А. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
27. Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А.. М.,1981.
28. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону,1996.
29. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. М.,1996.
30. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся педагогическим специальностям. М.,2000.
31. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.,1997.
32. Психологический словарь / Ред. коллегия: В.В.Давыдов и др. М.,1983.
33. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1940.
34. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.1.
35. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.2.
36. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.,1959.

37. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
38. Сагатовский В.Н. Деятельность: монизм любой ценой или полифония? С чем нельзя согласиться ... // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
39. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
40. Словарь // Общая психология. Учебник для педагогических институтов / Под ред. А.В.Петровского. М.,1976.
41. Словарь // Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов / Под ред.Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А. М.,1981.
42. Словарь // Психология / Под ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. М.,1981.
43. Словарь // Психология / Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.,1990.
44. Современная психология. М.,1999.
45. Судаков. К.В. Тайны инстинкта. М.,1967.
46. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси.,1961.
47. Фролов Ю.П. От инстинкта до разума. М.,1947.
48. Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
49. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.,1995.
50. Якунин В.А. Педагогическая психология. СПб.,1998.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Соотношение деятельности и активности как психологическая проблема.
2. Психологический смысл активности.
3. Установка как детерминанта активности.
4. Активность как основание человеческого существования.
5. Активность как деятельность.
6. Общение как активность.
7. Активность как субъект-объектное отношение.
8. Причинная природа активности.
9. Активность как адаптивность.
10. Неадаптивная активность.
11. Активность как рефлексия.
12. Предметная деятельность как преодоление активности.

Глава 9.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

9.1. Деятельность как причина методологического кризиса в психологии

В высшей степени поучительна (и противоречива) ситуация, сложившаяся в советской психологии вокруг категории «деятельность». В чём же заключается, на наш взгляд, противоречивость? Во-первых, все советские деятельностные концепции сложились на основании работ К.Маркса, и этого никто из психологов и философов не отрицает; во-вторых, несмотря на то, что деятельностные концепции основаны на марксистской категории предметной деятельности, в основу каждой из деятельностных концепций было положено своё (психологическое) понимание этой категории; в-третьих, ни одна из интерпретаций марксистской категории в психологии не соответствовала философскому (рефлексивному) содержанию марксистской категории «предметная деятельность»; в-четвёртых, неадекватность психологического содержания понятия «деятельность» её философскому содержанию в значительной степени способствовала началу современного кризиса деятельностной психологии.

Всем, кто знаком с историей отечественной психологии, известно, что психология деятельности была создана в результате борьбы с реактологией и рефлексологией на основании интерпретаций марксистской категории «предметная деятельность»: «... для каждого, кто знаком с советской психологией, ясно, что все «деятельностные» идеи наших психологов самым непосредственным образом обосновываются соответствующими положениями Маркса ...» [43, с.71].

Именно у К.Маркса было заимствовано психологическое определение деятельности как истинно человеческого способа существования со всеми вытекающими из этого определениями психологическими следствиями: «... Самое широкое философское определение деятельности – это способ существования человека и общества в целом. Если попытаться уточнить специфи-

ку собственно человеческого способа существования, то она состоит в активном отношении человека к миру, направленном на его целесообразное изменение и преобразование. ... При этом изменение внешнего мира есть только предпосылка и условие для самоизменения человека. Деятельность не только определяет сущность человека, но, выступая в роли подлинной субстанции культуры и всего человеческого мира, создаёт и самого человека. Субстанциональный характер деятельности делает её сопоставимой по мощности с самой природой, в том смысле, что в ходе деятельности «субстанциональность природы творчески достраивается до невозможного в самой природе». В этом смысле человек как бы наследует субстанциальность у самой природы (Г.С.Батищев) ... » [47, с.40].

Кроме того, взятая у Гегеля и существенно переработанная К.Марксом категория труда как исходная непосредственно-чувственной форма любой деятельности, стала основной категорией и для психологии: « ... для Маркса деятельность в ее исходной форме - это чувственная практическая деятельность, в которой люди вступают в практический контакт с предметами окружающего мира, испытывают на себе их сопротивление и воздействуют на них, подчиняясь их объективным свойствам ... » [25, с.20].

Теперь можно только предположить, что именно из анализа категории «труд» и родилась идея о психической деятельности как производной от внешней предметной деятельности: « ... в психологии ... , говоря о деятельности, мы разумеем, следуя марксистской традиции, предметную деятельность, основной и исходной формой которой является деятельность чувственная, непосредственно практическая. Что же касается внутренней, умственной деятельности, то она представляется дериватом [СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ. М.,1989. с.159. « ... дериват {лат. derivatus – отведённый} – 1). производное, происшедшее от чего-л. ранее существовавшего ... »] внешней деятельности, и, как таковая, она сохраняет общую структуру внешней деятельности, порождающей функцию психического отражения реальности ... » [26, с.244].

Та же позиция по поводу основных марксистских тезисов была и у представителей другой психологической школы: « ...

основным, исторически первичным видом человеческой деятельности является труд ... » [41, с.49].

Касалось это не только генезиса человеческой деятельности и труда как её исторически первой формы, но и существенного отличия человека от животного: « ... В развитии трудовой деятельности ... заключается основной и решающий факт, из которого проистекают все отличия человека от животного; из него же проистекают и все специфические особенности человеческой психики ... » [39, с.109].

Правда, более радикальные в этом смысле психологи школы А.Н.Леонтьева готовы были признать деятельность не только важнейшим человеческим фактором, но и собственно всей человеческой жизнью. Так далеко школа С.Л.Рубинштейна явно не шла: « ... С точки зрения проблемы детерминации психики эта альтернатива может быть сформулирована так: либо мы встаем на позицию, утверждающую, что сознание определяется окружающими вещами, явлениями, либо - на позицию, утверждающую, что сознание определяется общественным бытием людей, которое, по определению Маркса и Энгельса, есть не что иное, как реальные процессы их жизни.

Но что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей ... » [25, с.81].

Среди зарубежных психологов, не понаслышке знающих нашу психологию и её проблемы, особенно деятельностные, следует назвать в первую очередь Майкла Коула. Интересны и его интерпретации К.Маркса, правда, не совсем точные (ранее мы уже комментировали некоторые из них). Они дают нам некоторое представление о том, как за рубежом понимают нашу деятельностную психологию: « ... К.Маркс намеревался пересмотреть онтологическое разделение людей и артефактов, чтобы преодолеть дихотомию между материальным и идеальным. Его интерпретация деятельности и практики и материального (идеального) основывается на допущении, что «объект или произведённый продукт не есть нечто абсолютно внешнее и независимое от природы производителя. Это его деятельность в объективированной или сгущенной форме» (Bernstein,1971) ... » [22, с.161].

Таким образом, разнообразные интерпретации марксизма, положенные в основу различных деятельностных школ советской психологии, дают основание современным авторам делать критические замечания, суть которых сводится к тому, что интерпретация деятельности может быть разной, но та, которая была выбрана, достойна критики: « ... излагаемая здесь интерпретация деятельности, берущая начало в немецкой классической философии, не является единственно возможной или абсолютно общепринятой. Но именно на таком понимании деятельности строились концепции в отечественной психологии, которые превращали это понятие в объяснительный принцип или делали его главным объектом изучения ... » [47, с.40].

У нас вызывает методологический интерес противоречия между психологами и в рамках самой культурно-исторической концепции. Речь идёт о разных подходах к деятельности и её роли в онтогенетическом становлении психики. По сути дела это были методологические разногласия между Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым. В свете современных интерпретаций Л.С.Выготского как создателя психологии деятельности, нам представляется важным изложение позиции П.Я.Гальперина, которая наверняка внесёт определённую ясность в этот вопрос: « ... Но вопрос о конкретном содержании психической деятельности Выготским не только не решался, но и не ставился. Недостаточный учёт общественной природы и общественной организации труда привели его к переоценке технического элемента человеческой деятельности со всеми вытекающими из этого отступлениями от марксистского понимания труда и общества.

Основное положение Леонтьева А.Н.: «Только реальная деятельность ребенка, которая всегда является осмысленной деятельностью, определяет и его психическое развитие в целом. Не понятие, а осмысленная деятельность является ключом к пониманию психики».

Центр тяжести психического развития ребенка был перенесен с понятий на деятельность, с явления отраженного на причину этого отражения ... » [11, с.441-469].

Но, кроме необходимой содержательной ясности, очень важным является то, что Л.С.Выготский, искренне считавший себя марксистом и в действительности им являвшийся, не при-

дал значения главному – категории деятельности, на наш взгляд являющейся ядром философской концепции К.Маркса. Этот факт позволяет нам, с одной стороны, по-новому посмотреть на самую категорию деятельность и её психологическую интерпретацию, а с другой, - позволяет отчасти понять методологические причины современного кризиса психологической науки.

9.2. Деятельность как психологическая проблема

Совсем недавно деятельность как фундаментальная категория психологии, знаменующая собой марксистскую ориентацию советской психологической науки, не могла быть подвергнута сомнению и критическому анализу. Но события последних десятилетий заставили взглянуть по-новому не только на методологию науки, но и в целом на основания нашей социальной жизни.

Глобальные результаты такой социальной рефлексии ещё предстоит обсуждать, но методологический кризис самой психологии очевиден, и в немалой степени он обязан кризису доверия к марксистской категории деятельность. Деятельность стала предметом критики и сама превратилась из средства решения проблем в: « ... проблему деятельности, которая в последнее время оживленно обсуждается в философии и психологии ... » [35, с.31].

Это, в общем-то, неудивительно, поскольку ещё П.Я.Гальперин в своё время определял деятельность как главную проблему психологии: « ... Мы тоже (как и Пиаже) исходим из действия, как центральной проблемы психической жизни и психологии ... » [9, с.128-135].

На наш взгляд, современная проблемная ситуация, связанная с психологическим понятием «деятельность» и деятельностным подходом в целом, имеет историческое объяснение, поскольку никогда в истории психологии содержание психологического понятия «деятельность» не было обозначено чётко и однозначно.

И сегодня: « ... В науке понятие «деятельность» определено недостаточно чётко. Хотя в последнее время оно привлекает всё более пристальное внимание философов, социологов, экономистов, психологов, оно пока не получило единого и точного толкования ... » [45, с.127].

Иллюстрацией категориальной нечёткости деятельности могут служить, на наш взгляд, в том числе и ссылки на К.Маркса, в которых зачастую искажается смысл его собственных высказываний: « ... В современных дискуссиях термин «деятельность» и «практика» иногда используются как синонимы, а иногда как показатели различных видов социальной структуриации. Эта терминологическая путаница восходит к формулировкам К.Маркса. В первом из «Тезисов о Фейербахе» он писал: «Главный недостаток всего материализма ... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» ...» [22, с.161].

В приведённом высказывании К.Маркса, в отличие от оригинала, перед словом «материализма» пропущено слово «предшествующего» [31, с.1]. На наш взгляд, подобные искажения оказывают существенное влияние на неверное понимание позиции самого К.Маркса, являющейся и так достаточно сложной. В данном случае искажения в оригинале текста могут привести к формированию мнения о материализме как исключаящем категорию «субъективное».

Другого рода причины, порождающие проблемы в психологии деятельности, – это противоречия между вариантами деятельностных концепций внутри советской психологии. Некоторые авторы это противоречие понимают как противоречие между пониманием деятельности как процесса, осуществляющего отношение, и деятельности как процесса, осуществляющего отношение, но ещё к тому же детерминированного потребностью: « ... Деятельность – одна из психологических категорий. Однако единого, общепризнанного её определения нет. ... С.Л.Рубинштейн ... дал ... такое определение Д. [деятельности. – В.А.]: это «процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, - другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. с. 256-257. М.,1957. – В.А.]. А.Н.Леонтьев уточняет: «Мы называем Д. не всякий процесс. Этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают

особой, соответствующей им потребности» [Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. с.415. М.,1959. – В.А.] ... » [23, с.31].

Поэтому уже с момента зарождения советских деятельностных школ, внутри них, в частности, в школе А.Н.Леонтьева, содержание понятия деятельность и её функция в психическом отражении служили предметом нескончаемых споров:

« ... Алексей Николаевич говорил о том, что в психологии внешняя, материальная, практическая деятельность должна быть взята в ее отношении к психическому отражению. Это, по-видимому, верно. Но как должно быть понято это отношение? ... Хотя под руководством Выготского мы как будто бы начинали рассмотрение этих вопросов, но потом как-то отошли [от них] И по существу мы долгое время вынуждены были довольствоваться тем, что устанавливались какие-то внешние коррелятивные зависимости между деятельностью и психическим процессом ... , хотя механизм этих изменений и сама природа этих психических процессов не подвергались специальному изучению ... » [19, с.152].

Основанием таких споров между самими основоположниками деятельностного подхода была их же экспериментальная исследовательская практика. Некоторые экспериментальные феномены не могли быть объяснены и требовали специальных и дополнительных исследований. Примером таких исследований могут быть исследования формирования звуковысотного слуха: « ... Почему пропевание увеличивает мою остроту слуха, совершенно непонятно. Что оно это делает - это бесспорный факт. И очень важный. Но как оно это делает, т.е. именно операционная сторона, собственно содержательная сторона действия, которое ведет к утончению чувствительности - это не показано. На этом исследование было вообще прекращено. Как видите - это вообще система, это вовсе не случайная вещь. Я бы сказал, что единственный, кто не бросал факты, а прослеживал эти факты. - это как раз Лев Семенович. Он не бросил факт, что существует опосредование, он пытался раскрыть этот факт. Но, раскрывая этот факт, он ушел от предметной, содержательной, операционной стороны действия. Он ушел опять к понятиям, к моментам, соб-

ственно говоря, идеального порядка, т.е. от этого рывка к внешней деятельности он вернулся к актам сознания ... » [12, с.157].

Имеющиеся внутренние противоречия между школами в советской деятельностной психологии много раз отмечались зарубежными психологами, но интерпретировались ими по-своему: « ... Это противоречие между контекстом как данным и контекстом как созданным повторяет в некоторых отношениях давние расхождения во мнениях между российскими теоретиками деятельности, которые следуют линии Л.Выготского и А.Леонтьева, и теми, кто пошёл вслед за Сергеем Рубинштейном, чей подход опирался на идеи К.Маркса и немецкую философскую традицию (Brushlinskii,1968; Van der Veer and Valsiner,1991). Андрей Брушлинский обвиняет Л.Выготского в «знакоцентризме», то есть в том, что, концентрируясь на смысле слова как на единице анализа, соединяющей язык и мышление, он пренебрегал контекстом (деятельностью), посредством которого формируется сознание. А.Леонтьева А.Брушлинский критикует за противоположный грех – за придание слишком большого значения внешней деятельности и недостаточное внимание к опосредованию ... » [22, с.367].

Одним из общепсихологических направлений в отечественной психологии, претендующим на всеобщность, является интенсивно формирующийся системный подход. По мнению его основоположников, он мог бы стать средством разрешения внутридеятельностных противоречий и решил бы многие внутренние проблемы деятельности: « ... На современном этапе развития психологической науки важнейшей задачей становится разработка принципов и методов системного анализа, которые позволили бы раскрыть деятельность в ее основных чертах, связях и отношениях, выявить структуру и механизмы регуляции ... » [30, с.216].

Но, несмотря на попытки совместить деятельностные школы, содержательно согласовать понятие «деятельность», попытаться решить проблему деятельности с точки зрения системного подхода, пока можно только констатировать, что: « ... к сожалению, ни деятельность, ни общение не имеют в психологии общепринятых определений ... » [30, с.245].

9.3. Деятельность как предмет психологии

По-видимому, самым болезненным вопросом для отечественной деятельностной психологии является вопрос о деятельности как предмете психологической науки. На первый взгляд, достаточно неожиданный, на самом деле он является не только методологическим критерием оценки истинности той или иной деятельностной концепции, но и предметом мировоззренческих споров.

Неожиданность проблемы в том, что, как известно, все отечественные деятельностные концепции исходят из марксистской категории «предметная деятельность», по крайней мере, номинально. Это как будто предполагает, что деятельность автоматически становится центральным психологическим понятием, а психика как деятельность становится предметом психологии.

Но на деле, как мы знаем, всё не так просто. В действительности же исходные марксистские деятельностные установки привели, на наш взгляд, к существенному расхождению в психологической методологии и совершенно различным, практически несовместимым деятельностным концепциям. Причины этого исходят из в той конкретной роли деятельности, которая отведена для неё в каждой концепции.

С точки зрения культурно-исторической концепции деятельности: « ... Научная психология по всему своему содержанию не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельностей ... » [26, с.148].

Основанием для такого утверждения являются известные положения деятельностного подхода, сформулированные Л.С.Выготским: орудийность психической деятельности и её социальность: « ... Л.С.Выготский выделял два главных взаимосвязанных момента, которые должны быть положены в основание психологической науки. Это орудийная («инструментальная») структура деятельности человека и ее включенность в систему взаимоотношений с другими людьми. Они-то и определяют собой особенности психологических процессов у человека ... » [26, с.150].

Позже А.Н.Леонтьев настаивал на том, что предметом психологии должна быть целостная деятельность, а не её «психоло-

гические аспекты», но взятая в отношении к психическому отражению: « ... Вопрос о том, какой науке принадлежит деятельность, является ложно поставленным вопросом ... взятая в отношении к психическому отражению мира в голове человека - деятельность есть предмет психологии, но только в этом отношении. Взятая в других отношениях, деятельность есть предмет других соответствующих наук, и не одной, а очень многих. Взятая в системе отношений к психическому отражению мира в голове человека, деятельность есть предмет психологии, т.е. становится им ... » [28, с.148].

Позднее он же предложил, на наш взгляд, наиболее удачную формулировку деятельности как предмета психологической науки: « ... деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией - функцией полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности ... » [27, с.101 (7, с.7)].

Нам представляется, что это определение в значительной мере выражает содержание марксистской «предметной деятельности» и наиболее приемлемо в качестве предмета психологии. К сожалению, в психологической теории и практике настоящее определение не нашло должного отражения и не оказало достаточного влияния на формирование психологических концепций деятельности.

Противоречивые позиции в отношении деятельностного предмета психологии отстаивались (или дискутировались) не только между деятельностными школами, но и внутри самих деятельностных школ. В этом отношении культурно-историческая концепция деятельности (деятельностная школа А.Н.Леонтьева) не отличалась монолитностью, поскольку П.Я.Гальперин имел своё особое мнение на предмет психологии. Как известно, он полагал, что предметом психологии должна быть не вся структура деятельности, а только её ориентировочная часть: « ... При наличии психологического управления действие - это направленное преобразование объекта из наличного состояния в намеченное.

Это «предметное содержание» действия, каким бы оно ни было (физическим, математическим, логическим, эстетическим

и т.д.) ни в коей форме (материальной или идеальной), ни в процессе формирования, ни в законченном виде не составляет предмета психологии.

Но действие всегда осуществляется с помощью какого-нибудь механизма, и психологию оно начинает интересовать лишь с того момента, когда оно само уже не может обойтись без «психологии», без управления с помощью образов и идеальных действий. ...

Однако не действие в целом, и не его предметное содержание само по себе, а лишь ориентировка действия, его ориентировочная часть составляет предмет психологии ... » [9, с.128-135].

Он считал, что только при такой постановке вопроса можно говорить о решении внутриспсихологических проблем: « ... Понимание предмета психологии как ориентировочной деятельности позволяет наметить решение нескольких трудных вопросов психологии ... » [8, с.122].

Как известно, самостоятельная позиция П.Я.Гальперина, в чём-то напоминающая позицию С.Л.Рубинштейна, вызывала резкие споры между ним и А.Н.Леонтьевым, так и не разрешившимися при их жизни.

В отличие от А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейн настаивал на том, что деятельность в целом не может быть предметом психологии, а только её «психическая» сторона: « ... психология изучает психическую сторону действия ... » [39, с.450].

Соответственно говоря, и роль деятельности им оценивалась иначе. Если в культурно-исторической концепции деятельность являлась содержанием психического и поэтому была центральной психологической категорией, то в субъектно-деятельностной психологии С.Л.Рубинштейна деятельность представляла собой форму психического, а центральной категорией психологии являлась активность: « ... мы ... изучаем не психику и деятельность, а психику в деятельности. Деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона ... » [39, с.149].

9.4. Деятельность как исходное понятие психологии

Как и по любому другому вопросу, касающемуся категории деятельности, по вопросу о *фундаментальности* понятия деятельности для психологии существуют прямо противоположные точки зрения.

Одна из них, которой придерживаются психологи леонтьевской школы, являющиеся сторонниками монистической психологии, построенной на категории деятельности как на её едином и единственном основании, заключается в том, что деятельность является системообразующей категорией психологии: « ... Категория деятельности стала не только одним из фундаментальных понятий диалектико-материалистической психологии, но главным и основным её понятием, её всеобщей «клеточкой» ... » [16, с.146].

Именно поэтому считается, что понятие «деятельность» не может рассматриваться как рядоположенное с другими понятиями психологии, а должно быть генетически-исходным для всей системы психологических понятий: « ... понятие деятельности нельзя ставить в один ряд с другими психологическими понятиями, поскольку среди них оно должно быть исходным, первым и главным ... » [16, с.150].

Но есть и противоположное мнение, «плюралистическое», сторонники которого, признавая значимость деятельности для происхождения человеческой субъективности, в то же время не склонны рассматривать деятельность в качестве единого основания человеческой субъективности: « ... необходимо отметить неправомерность выделения предметной деятельности в качестве единственного основания и источника развития человеческой субъективности. Многочисленные данные раннего онтогенеза показывают, что становление субъективности начинается вовсе не с предметных оснований как таковых. Более того, это становление вообще не может идти по какому-либо одному основанию, будь то сознание, общение или деятельность, - в их разделенности ... » [45, с.130].

Другие авторы видят ограниченность понятия деятельность в том, что она не распространяется на такие человеческие атрибуты, как идеалы и ценности: « ... «деятельность как таковая не является исчерпывающим основанием человеческого существо-

вания. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих идеалов и ценностей» (Огурцов, Юдин. Там же [БСЭ (изд.3). – В.А.] ... » [35, с.72].

9.5. Деятельность и социальная природа человека

Важнейшим положением современной психологической науки, как зарубежной, так и отечественной, и основой деятельностного подхода является положение о социальной природе психики. Исходя из настоящего постулата, процесс формирования индивидуальной психики (рассматриваемый с точки зрения культурно-исторической психологии как процесс формирования высших психических функций) представляется как процесс превращения социальных средств в средства индивидуального поведения: « ... Самый важный и самый основной из генетических законов, к которому приводит нас исследование высших психических функций, гласит, что всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества и сохраняет на всем пути развития до самых высших его точек социальный способ функционирования. История высших психических функций раскрывается здесь как история превращения средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации ... » [5, с.56].

Но концепцию социальной природы психики разделяют не только представители культурно-исторической школы. В равной мере эта позиция характерна и для субъектно-деятельностного подхода: « ... определяющими для психики, для сознания человека являются способы общественной деятельности: общественное бытие людей определяет их сознание ... » [40, с.113].

Это же положение, ставшее основой отечественной психологии, в своё время было сформулировано в рамках французской психологической школы: « ... деятельность ребенка в своих мотивах определяется его окружением: благодаря своим эмоциям ребенок принадлежит своей среде раньше, чем он начинает принадлежать самому себе (А.Валлон) ... » [44, с.47].

В такой же мере разделяют точку зрения о социальности индивидуальной психики многие представители современной зарубежной психологии, в том числе американской: « ... Чарлз

Тейлор полагает, что отправной точкой людей, социальная реальность, принимаемая как таковая, состоит из социальных практик, обеспечивающих междусубъектную среду психики. Совокупность общественных практик даёт основание обществу и мышлению. Смыслы и нормы (на моём языке – вторичные артефакты) существуют « ... не только в умах тех, кто действует, они существуют снаружи, в самих практиках – практиках, которые следует понимать как наборы индивидуальных действий, но, по сути, как виды социальных отношений» (Teylor, 1987) ... » [22, с.162].

Следствием социальной природы психики является тот факт, что знак как культурное средство, превращающий натуральные формы поведения в культурные, и, тем самым, обеспечивающий культурное развитие человека, первоначально выступает в качестве средства социальной связи, а не средства индивидуального поведения: « ... Таким образом, знак первоначально выступает в поведении ребенка как средство социальной связи, как функция интерпсихологическая ... » [5].

Социальная природа индивидуальной психики в культурно-исторической концепции сводится к утверждению о том, что как источник, так и побуждающая сила развития индивидуальной деятельности находятся не внутри, а вне ребёнка, во внешней социальной среде: « ... уже на самых ранних этапах развития ребенка фактор, переводящий его деятельность с одного уровня на другой, не является ни повторением, ни открытием. Источник развития деятельности лежит в социальном окружении ребенка ... » [5, с.29]; « ... побуждающая сила, определяющая начало процесса, пускающая в ход какой-либо созревающий механизм поведения и толкающая его вперед по пути дальнейшего развития, заложена не внутри, а вне подростка ... » [4, с.133].

Это означает, что всеобщим способом индивидуального развития является не создание самим ребёнком чего-то нового (а тем более, себя, своих новых свойств) и тем самым приобретение новых собственных качеств, а применение уже имеющегося социального отношения в качестве способа собственной психической организации, социального отношения, которое самим ребёнком не создаётся: « ... Источником интеллектуальной деятельности и контроля над своим поведением в решении

сложной практической задачи является, следовательно, не изобретение некоего чисто логического акта, но применение социального отношения к себе, перенос социальной формы поведения в свою собственную психическую организацию ...» [5, с.33].

Утверждение, закрепляющее на теоретическом уровне подчинённость и производность индивидуальной жизни от социальной, даёт веские основания к далеко идущим выводам. Суть выводов, ставших, с нашей точки зрения, в какой-то мере основанием для сегодняшней методологической критики, в том числе и деятельностного подхода, заключается в следующем: социальная природа индивидуальной психики, реализующаяся в онтогенетических процессах интериоризации, означает неспособность индивидуального человека порождать социальные образцы деятельности: « ... Другая характеристика деятельности – её социальная, общественно-историческая природа. Самостоятельно открыть формы деятельности с предметами человек не может. Это делается с помощью других людей, которые демонстрируют образцы деятельности и включают человека в совместную деятельность. Переход от деятельности, распределённой между людьми и выполняемой во внешней (материальной) форме, к деятельности индивидуальной (внутренней) и составляет основную линию интериоризации, в ходе которой формируются психологические новообразования (знания, умения, способности, мотивы, установки и т.д.) ... » [47, с.40].

Этот вывод представляет особую значимость, поскольку здесь в явной форме обнажается вся глубинная философия культурно-исторической концепции деятельности. И если: « ... Действительное объяснение сознания лежит ... в общественных условиях и способах той деятельности, которая создает его необходимость, - в деятельности трудовой ... » [26, с.110], то теперь можно утверждать, что и сознание человеческого индивида, являясь производным от его социальной практики, является не фактором свободы человеческого индивида, но фактором его роковой зависимости от социума.

9.6. Деятельность как генетическая основа психики

а). психика как продукт деятельности

В советской психологии традиционно принят тезис о том, что психика как система высших психических функций происходит из предшествующей ей внешней социальной деятельности: « ... каждая высшая психическая функция неизбежно носит вначале характер внешней деятельности ... » [5, с.72].

Это общее методологическое положение основывается на формировании знаковых операций как необходимом условии происхождении высших психических функций: « ... Таким образом, мы приходим к выводу, что операция употребления знака, стоящая вначале развития каждой из высших психологических функций, по необходимости носит в первое время характер внешней деятельности. Знак вначале - это, как правило, внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автостимуляции. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, происхождение этой операции от коллективной формы поведения, которая всегда принадлежит к сфере внешней деятельности; и, во-вторых, примитивными законами индивидуальной сферы поведения, которая в своем развитии не оторвалась еще от внешней деятельности ... » [6].

Данная методологическая позиция признана не только у нас в стране, но и в мире: « ... Центральный тезис русской культурно-исторической психологии состоит в том, что структура и развитие психических процессов человека порождаются культурно опосредованной исторически развивающейся практической деятельностью ... » [22, с.131].

Признание примата внешней предметной деятельности по отношению к внутренней психической жизни человека характерно не только для культурно-исторической концепции. Подобная позиция разрабатывается в психологической концепции установки, где психику, кроме того, предлагалось рассматривать как характеристику целостного субъекта: « ... наша наука [психология. - В.А.] призвана поставить вопрос о психологическом анализе и изучении закономерностей человеческой деятельности, поскольку она представляет собою предпосылку психической жизни, вырастающей и развивающейся на ее базе. При этом понимании психологической активности человека, соглас-

но которой она включает в себя активность субъекта как целого, предполагается, что психология должна приступить к своей работе, исследуя, в первую очередь, субъекта, личность, как целое, но не отдельные акты его психической деятельности ... » [49, с.167].

Согласно вышеизложенному положению, практическая деятельность определяет процесс и результат генезиса всей человеческой психики, в том числе её высший, знаково-символический уровень: « ... Согласно диалектико-материалистическому подходу предметно-практическая деятельность детерминирует генезис и структуру человеческой психики, в том числе освоение знаково-символических систем ... » [44, с.5].

Радикальная (ортодоксальная) точка зрения на взаимосвязь психики и предметной деятельности состоит в том, что психическая структура – это суть преобразованная структура предметной деятельности: « ... Мы полагаем, что психические процессы суть не что иное, как сублимированные предметные действия, а образы - от простейших ощущений до абстрактных понятий - суть продукты действия с объектами, представленными в этих образах ... » [9, с.128-135].

Похожую позицию в оценке роли внешней предметной деятельности для происхождения психики занимают и оппоненты культурно-исторической концепции, представители субъектно-деятельностной концепции и системного подхода: « ... Решение этой задачи [выявление специфики психического отражения. - В.А.] требует изучения деятельности человека ... , реального бытия психического отражения. Поэтому далее рассматривается категория деятельности ... » [30, с.10].

Эта исходная методологическая установка в дальнейшем была реализована в многочисленных онтогенетических исследованиях и была экспериментально подтверждена в условиях формирующего эксперимента: « ... Внешние действия ребенка, первоначально выполняемые развернуто и последовательно, благодаря повторению схематизируются и с помощью символических средств (имитация, игра, рисунок, умственный образ, речь) переносятся во внутренний план. Здесь они сокращаются, координируются с другими действиями и превращаются в опе-

рации. В концепции Пиаже операция - основная единица мысли ... » [33, с.186].

Аналогичную методологическую позицию занимал и С.Л.Рубинштейн, который, в частности, считал, что: « ... действие - это первичная форма существования мышления ... » [40, с.362].

Распространение деятельностных принципов на мышление позволило некоторым авторам говорить о мышлении как практической деятельности, за счёт которой осуществляется реальное субъект-объектное воздействие: « ... Мышление - это деятельность, в которой субъект, так сказать, выходит за пределы, за границы собственного сознания, в которой он относится определенным образом к объекту, воздействует на объект и испытывает сопротивление этого объекта ... » [18, с.178].

Таким образом, можно говорить о том, что признание деятельности в качестве основы процесса формирования психики, стало характерным для всей советской психологии: « ... Психика, сознание формируются в деятельности, в поведении, и лишь через поведение, через деятельность они объективно познаются ... » [41, с.6].

Как известно, психологическое понятие «деятельность» исторически складывалось в отечественной психологии как всеобщая основа человеческого в человеке. Поэтому неудивительно, что многие авторы подчёркивали и подчёркивают генетическую исходность деятельности как для психики в целом, так и для отдельных её явлений, в частности. Так, например, А.Н.Леонтьев полагал, что эмоции, являясь результатом деятельности, становятся механизмом её осуществления: « ... Эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее результатом и «механизмом» её движения ... » [26, с.209].

С другой стороны, по его же мнению, исходным моментом самой деятельности являются прирождённые потребности, которые являются первоначальным условием деятельности и психическим в истинном смысле этого слова, строго говоря, не являются: « ... Само собой разумеется, что субъект как индивид рождается наделённым потребностями. Но ... потребность как внутренняя сила может реализоваться только в деятельности.

Иначе говоря, потребность первоначально выступает лишь как условие, как предпосылка деятельности ... » [26, с.205].

Как и во всех вышепоказанных моментах психики, такое её интегральное образование как сознательная личность также не предшествует деятельности, а является её результатом (или «моментом» деятельности, как сказал А.Н.Леонтьев в другом месте своей работы): « ... личность человека ни в каком смысле не является предшествующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она его порождает ... » [26, с.195].

И здесь выявляется специальная психологическая проблема исследования происхождения личности как продукта деятельности: « ... Изучение личности как момента деятельности и ее продукта составляет специальную ... психологическую проблему ... » [26, с.186].

б). деятельность как субстанция сознания

Исходя их общих методологических установок культурно-исторической концепции деятельности, вполне закономерным является утверждение о субстанциональной роли деятельности в формировании индивидуального сознания. Сам А.Н.Леонтьев прямо говорит о деятельности как о субстанции индивидуально-го сознания: « ... Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания ... » [26, с.185].

Сказанное означает, что у деятельности и сознания одна и та же природа; что сознание не имеет своего собственного самостоятельного существования, а его закономерности по сути дела есть закономерности самой предметной деятельности: « ... Очевидно, что объяснение природы сознания лежит в тех же особенностях человеческой деятельности, которые создают его необходимость: в ее объективно-предметном, продуктивном характере ... » [26, с.168].

в). деятельность как основа человеческой жизни

Исходя из марксистских установок, в советской психологии деятельность рассматривается не просто как категория, рядоположенная с другими психологическими категориями, но как глубинная основа, составляющая самую возможность существования человека: « ... Практическое, деятельностное бытие человека есть основа его сущности и сама возможность существования его как субъекта ... » [45, с.128].

Именно поэтому деятельности придаётся такое фундаментальное значение, именно поэтому она считается той неделимой единицей, которая составляет глубинную основу человеческой жизни: « ... Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни материального субъекта. ... На психологическом уровне - это единица жизни, опосредованной психическим отражением ... » [24, с.81].

С древних времён существует традиция рассматривать мир и человека в нём как некие целостности. Эти попытки бесчисленное число раз осуществлялись в истории философии и в истории конкретных наук. Но после Гегеля сложилась научная традиция, продолженная К.Марксом, конструировать целое на основании его исходной неделимой «клеточки», т.е. той, далее неразложимой «единицы», которая, во-первых, воспроизводит в себе, в своей собственной структуре, всё противоречивое тотальное целое, во-вторых, является генетической основой, из которой формируется вся развёрнутая структура реального целого.

Попытки поиска такой «клеточки» имеют место и в психологической науке. Одним из примеров такой клеточки, по мнению С.Л.Рубинштейна, является человеческое действие: « ... Применительно к человеку ... такой клеточкой является любое действие как единица его деятельности ... » [40, с.193].

Интересна его точка зрения на природу самой клеточки, по его мнению, не являющейся чем-то изначально заданным и неизменным, а являющейся одновременно как источником, так и продуктом собственного развития: « ... «Клеточка», или «ячейка», психологии в нашем понимании не является чем-то неизменным, всегда себе равным. Она продукт развития, и на различных ступенях развития сама она изменяется, приобретает различное содержание и структуру ... » [40, с.192].

По его мнению, структура самой «клеточки» не остаётся неизменной, а закономерно изменяется по законам исторического и онтогенетического развития: « ... У человека также это единство, эта «клеточка» на различных ступенях исторического и индивидуального развития имеет разное содержание и структуру ... » [40, с.194].

С.Л.Рубинштейн, как и его оппоненты по деятельностному подходу, также считает, что действие как генетически исходная

«клеточка», является источником происхождения целостной человеческой психики: « ... в действии как в «клеточке», или «ячейке», представлены зачатки всех элементов или сторон психики ... » [40, с.199].

Закономерным следствием его методологической позиции является положение о значении деятельности для формирования человека как субъекта, сформулированное в одной из самых ранних статей « ... «субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определить то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики, по крайней мере, педагогики в большом стиле» ... » [41, с.251].

9.7. Единство сознания и деятельности

Одним из фундаментальных принципов, на основании которых всегда строилась советская деятельностная психология, был принцип единства сознания и деятельности. И хотя он являлся методологической основой обоих вариантов деятельностной психологии, понимался он по-разному.

А именно, в субъектно-деятельностном подходе больше подчеркивалась взаимообусловленность сознания и деятельности, тогда как в культурно-исторической концепции на первый план выходила генетическая исходность деятельности в формировании сознания («деятельность как субстанция сознания»): « ... развитие сознания у человека в процессе развития трудовой деятельности было и следствием и предпосылкой развития высших специфически человеческих форм деятельности ... » [39, с.9].

Для С.Л.Рубинштейна важным было подчеркнуть единство процесса становления сознания и деятельности, который он выражал в термине «сознательная операция»: « ... единым процессом является генезис действия как сознательной операции, и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни и типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок) ... » [39, с.11].

Поэтому деятельность для него была формой проявления сознания, а внутренним содержанием сознания являлась не деятельность, а интроспективная форма рефлексии: « ... Психическое имеет двоякую форму существования или проявления. Первая, объективная, форма существования или проявления психического выражается в поведении, в деятельности, в «рефлексе» в широком смысле слова (т.е. отраженном действии): это первичная форма его проявления. Вторая, субъективная, форма существования или проявления психического - это рефлексия, интроспекция, самосознание, отражение психического в самом себе: это вторичная, генетически более поздняя форма, проявляющаяся у человека ... » [39, с.9].

И хотя С.Л.Рубинштейн многократно подчёркивал роль практической деятельности в формировании сознания, тем не менее, его природу он видел в психической активности как бес-сознательном: « ... психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему, предметному миру и лишь на основе этих отношений может быть определено. ... В продуктах человеческой деятельности сознание не только проявляется, через них оно и формируется ... » [39, с.20].

9.8. Предметность деятельности

Важнейшим свойством деятельности, позволяющим адекватно раскрыть её психологическое содержание, является предметность. Предметность является как раз той характеристикой, которая позволяет отличить деятельность от активности, вообще, от любого иного отношения.

а). психологическое содержание предметности

Некоторые авторы приписывают Аристотелю первенство в разработке содержания предметности, фактически отождествляя его с объектностью: « ... Аристотель ... впервые выделил такой важнейший признак действия, как его предметность. Прежде чем объяснить действие, подчёркивал он, нужно сперва разобратся в его объекте ... » [36, с158].

Настоящий подход уже изначально, исходно, методологически как бы проводит знак равенства между всеми живыми организмами (живыми существами), поскольку именно отношением

к своей среде и характеризуется их жизнедеятельность. Поэтому можно утверждать, что предметность, понятая как объектность, присуща всем живым существам без исключения, в том числе и человеку.

Развивая эту точку зрения, предметность деятельности стала уже позднее трактоваться как свойство отражать качества предметов объективного мира: « ... предметность выступает как универсальная пластичность деятельности, как ее возможность отражать в себе объективные качества предметов, среди которых действует субъект ... » [44, с.75].

Это свойство лежит в основе происхождения психических образов отражения, в том смысле, что они являются образами объективно существующих предметов: « ... Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность ... » [26, с.175].

Нам представляется, что предметность, понимаемая как отнесенность к внешним предметам объективного мира, является следствием определённого понимания самой деятельности. Спецификой этого понимания является рефлекторная природа деятельности, генетически обусловленная эволюцией рефлекторной организации животных и их стимульно-рефлекторным механизмом поведения. С этой точки зрения, деятельность человека начинается с воздействия внешних социальных детерминант поведения. При этом она остаётся рефлекторной и по своей внутренней природе аналогичной деятельности животных:

« ... Специфика предметной детерминации Д. [деятельности. – В.А.] состоит в том, что объекты внешнего мира не непосредственно воздействуют на субъект, а лишь будучи преобразованы в процессе Д. [деятельности. – В.А.], благодаря чему достигается большая адекватность их отражения в сознании. Филогенетические предпосылки предметности проявляются в обусловленности Д. [деятельности. – В.А.] животных свойствами объектов, ключевыми раздражителями, выделившимися в ходе эволюции вида и служащими удовлетворению тех или иных биологиче-

ских потребностей, а не любыми воздействиями внешнего мира. В своей развитой форме предметность свойственна исключительно человеческой Д. [деятельности. – В.А.]. Она проявляется в социальной обусловленности Д. [деятельности. – В.А.] человека, её связи со значениями, фиксированными в закреплённых в орудиях схемах действия, в понятиях языка, социальных ролях, в ценностях, социальных нормах ... » [46, с.102].

Другая, нерелефторная концепция деятельности, существенно отличаясь от рефлекторной, тем не менее, подобным же образом трактует предметность, представляя её как способность воспроизводить законы внешнего предметного мира и строить собственную психическую деятельность на основании этих законов: « ... Предметность идеальных действий означает, что они реализуются не по неведомым «психическим законам», а по законам самого предметного мира ... » [48, с.30].

При этом понимание предметности как объектной отнесённости не исключает, а предполагает определённую самостоятельность субъективного мира: « ... Предметность деятельности не отрицает, а, наоборот, предполагает её субъективность (или субъектность), т.е. то, что она осуществляется субъектом ... » [2, с.232]. Степень самостоятельности (субъектности) и характер атрибутивности деятельности является, как мы знаем, критерием, на основании которого различаются деятельностные школы. Это различие определяется в степени той самостоятельности и автономности человеческого индивида по отношению к предмету своей деятельности, которую допускают методологические основания субъектно-деятельностного и объектно-деятельностного подходов.

Различаются эти подходы ещё и в том, насколько структура сознания определяется структурой предмета деятельности. Если в объектно-деятельностной концепции: « ... действительное значение принципа предметности состоит в том, что сознание не имеет своего собственного строения, своей внутренней целостности, своей логики развития помимо строения, целостности и логики развития предметной деятельности, особой формой которой сознание и является ... » [48, с.29], то в субъектно-деятельностной концепции структура сознания задаётся структурой бессознательных психических процессов, изначально

имеющих рефлекторную природу, и только формируется (принимает форму) под воздействием внешних причин.

Принцип предметности деятельности является наиболее ярким критерием, позволяющим различать варианты деятельностных концепций. В этом смысле необходимо различать предметность «в широком плане» и предметность «в узком плане». Под широко понимаемой предметностью имеется в виду отнесённость (направленность) деятельности к внешнему объективному миру, т.е. в широком смысле предметом деятельности является внешний предметный мир. «Широкое» понимание предметности является общим для деятельностных концепций, созданных на основе марксистского понимания деятельности.

К предметности же в «узком» смысле как построению структуры деятельности на основании её изоморфизма структуре своего предмета, отношение в различных деятельностных концепциях неодинаково. А именно, в объектно-деятельностном подходе считается, что структура предмета однозначно детерминирует структуру деятельности и изоморфно в ней воспроизводится, в другой же концепции, в субъектно-деятельностной – предмет есть всего лишь повод (причина) для дальнейшего самодвижения структуры деятельности.

Различие в понимании предметности определяет различие самих деятельностных концепций: « ... «узкое» понимание предметности представляет собой водораздел между деятельностным подходом А.Н.Леонтьева и иными психологическими направлениями ... » [48, с.24].

Представители объектно-деятельностной концепции считают, что именно различие в понимании предметности служит содержательной основой для противопоставления концепций: « ... Именно этим пониманием предметности обусловлена возможность противопоставления ... «предметной концепции» Выготского и Леонтьева концепциям «непредметным», авторами которых являются С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, Б.М.Теплов и др. ... » [48, с.24].

б). психологическое содержание предмета деятельности

Исходя из общепринятой интерпретации предметности как конституирующей характеристики деятельности, естественным образом следует понимание самого предмета деятельности. В

объектно-деятельностной концепции предмет признается как подчиняющий себе и детерминирующий деятельность субъекта, в результате преобразующийся в свой субъективный образ:

« ... Основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности, является ее предметность. ... при этом предмет деятельности выступает двояко: первично - в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично - как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может ... » [24, с.84].

Но в марксистской концепции предметом деятельности является не сам естественный (вещественный) предмет объективного мира, а культурный предмет, т.е. предмет, имеющий идеальную форму социальной деятельности: « ... Главной характеристикой деятельности является её предметность. Под предметом имеется в виду не просто природный объект, а предмет культуры, в котором зафиксирован определённый общественно выработанный способ действия с ним. И этот способ воспроизводится всякий раз, когда осуществляется предметная деятельность. В этой характеристике отражена обусловленность процесса деятельности внешним миром (материальным или идеальным) и направленность развития самой деятельности и её субъекта на освоение всё новых предметов, на включение всё большей части мира в деятельностные отношения ... » [47, с.40].

Соответственно, достаточно широко распространена точка зрения на деятельность как субстанцию, как некую исходную действительность, порождающую как предмет деятельности, так и самого субъекта: « ... Деятельность является первичной по отношению как к субъекту, так и предмету деятельности. И субъект, и объект как бы «обособляются» в процессе деятельности, выделяются из неё. Главный канал развития субъекта – интериоризация – перевод форм внешней материально-чувственной деятельности во внутренний план. ... Обладая определённой пластичностью, деятельность подчиняется предмету, на который она направлена, модифицируется им, что приводит к исправлению исходного образа за счёт обратных связей.

... Воздействуя на внешний мир и изменяя его, человек тем самым изменяет себя ... » [47, с.40].

Поскольку деятельность представляется субстанцией, а носителями этой субстанции являются «человеческие предметы», то вполне логично говорить о том, что: « ... предметами деятельности смогут быть материальные вещи, идеальные образы, другие люди или сам субъект деятельности ... » [21, с.53].

в). предметная деятельность как психологическое понятие

Интерпретация предметности как способа воспроизводства деятельностью структуры своего предмета, и понимание предмета деятельности, соответственно, как материального (вещественного) или материализованного предмета объективного мира даёт основание свидетельствовать о предметной деятельности как о способе преобразования предметов. В первую очередь это относится к её непосредственно-чувственной форме – труду: « ... Основной предметной деятельностью человека является труд ... » [1, с.318].

Именно таким образом – как способ манипулирования с предметами – трактуется предметная деятельность детей и в известном психологическом словаре: « ... Первая Д.д. [деятельность детская. – В.А.] – п р е д м е т н а я [разрядка авторов. – В.А.]. Развитию предметной деятельности предшествует длительный период овладения действиями с предметами – хватанием, неспецифическими и специфическими манипуляциями и, наконец, собственно предметными действиями – использованием предметов по их функциональному назначению, способом, закреплённым за ними в человеческом опыте ... » [38, с.92].

В некоторых случаях предметная деятельность интерпретируется не только как манипулирование с предметами, но и как производство предметов культуры за счёт механизмов опредмечивания-распредмечивания: « ... Во-вторых, быть личностью – это значит быть субъектом предметной деятельности. Последняя может быть раскрыта как производство человеком предметов духовной и материальной культуры и представлена в виде процессов опредмечивания и распрепредмечивания человеческих «сущностных сил» (Г.С.Батищев, В.В.Давыдов, Э.В.Ильенков, А.Н.Леонтьев, Н.Н.Трубников, Э.Г.Юдин и др.) ... » [35, с.9].

г). психологическое содержание предметного действия

Аналогично интерпретации предметной деятельности, практически также понимается и предметное действие. Правда, манипуляция с предметами не считалась единственной функцией предметного действия. Более значимой считалась обращённость предметного действия на другого человека (взрослого): « ... внешнее предметное действие – реальная манипуляция реальными вещами – никогда не выступало как самодостаточное, равное самому себе поведение. Эти манипуляции в то же самое время оказывались жестами, обращениями [На то, что обращение – начало сознания, настаивает Ф.Т.Михайлов (1990)] к другому человеку, который находился рядом и являл для ребёнка «то, как надо», «то, как правильно», т.е. образцы верного действия – являл смысл и значение действий ребёнка, т.е. их идеальную форму ... » [5, с.34].

Тем не менее, более распространена точка зрения понимания предметных действий только как манипуляции с предметами: « ... Самыми простыми действиями являются предметные. Ребёнок учится есть ложкой, мыть руки мылом, вытирать их полотенцем. В самих предметах, созданных руками человека, заложен способ действия с ним ... » [34, с.132].

К сожалению, именно такие определения предметной деятельности характерны в психологии для словарей и учебников. Например: « ... В психологии различают физические (внешние, моторные) действия с предметами и умственные (внутренние, психические) действия с психическими реальностями ... » [34, с.132].

9.9. Сознательность деятельности

В то же время, независимо от решения проблемы происхождения цели: «извне» или «изнутри», - практически всеми специалистами признаётся осознанность деятельности, т.е. её соотнесённость с целью: « ... «Всякая деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности, и, следовательно, неотъемлемой характеристикой деятельности является

её осознанность» (А.П.Огурцов, Э.Г.Юдин. БСЭ (изд.3) ... » [35, с.72].

Собственно говоря, этот фактор – осознанность – всегда являлся одной из фундаментальных характеристик деятельности (действия): « ... Действие - это сознательный акт деятельности, который направляется на объект ... » [40, с.28]. Что постоянно подчёркивалось представителями обеих деятельностных школ: « ... деятельность человека – сознательная ... » [16, с.144].

Причём, сознательность деятельности не является её неизменной характеристикой, а формируется в процессе выполнения самой деятельности в зависимости от её характера: « ... сознание выключается и включается в зависимости от отношений - между задачами и способами их осуществления, - которые складываются в самом процессе деятельности ... » [40, с.27].

9.10. Целесообразность деятельности

Известно, что ещё со времён Аристотеля философы связывали деятельность с целесообразностью. И хотя целесообразность характерна для всех живых существ, именно цель является характерной чертой человеческой деятельности, её конституирующим компонентом: « ... Центральным, системообразующим компонентом психологической системы деятельности является ее цель ... » [53, с.48].

При этом целесообразность деятельности генетически связана с её опосредованностью: « ... Другая особенность целенаправленного действия, свойственная уже только человеку, состоит в его опосредованности своеобразным психическим орудием ... » [10, с.6].

В психологии принято понимать под целью образ предвосхищаемого (будущего) результата деятельности: « ... Цель деятельности есть предвосхищение её результата, образ возможного будущего как основа продвижения к нему ... » [36, с.182].

Тем самым, существеннейшей особенностью человеческой деятельности является её двойственность: настоящее реального процесса деятельности строится на основе его возможного будущего. Настоящее определяется не самим настоящим, а предвосхищаемым будущим. И тогда уже в деятельности будущее

реально присутствует в настоящем и не только присутствует, но и определяет само это настоящее.

Поэтому деятельность всегда подчинена своей цели, которая как закон определяет её осуществление: « ... Человеческая деятельность всегда целенаправленна, подчинена цели как сознательно представляемому запланированному результату, достижению которого она служит ... » [47, с.42].

Появление в структуре человеческого отношения к объективному миру цели означает, что человек вышел из замкнутости внутреннего пространства и вошёл в объективный мир не только его подчинённым элементом, но и как фактор его самостроительства: « ... через цели действия объективное содержание входит во внутреннее содержание сознания и определяет его ... » [40, с.205].

Но цель сама по себе не является психологическим фактором. Только в отношении к условиям собственного достижения она становится предметом психологической науки. В этом смысле человеческое действие является не просто реакцией на внешнюю среду, а способом решения задачи. А поскольку структура внешнего действия и структура психических процессов аналогична, то можно говорить о внутренних задачах и внутренних действиях: « ... Соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием. Целенаправленное человеческое действие является по существу своему решением задачи. Отношение к этим условиям, сочетаясь с отношением к цели, составляет внутреннее психологическое содержание действия. Задача, в которой цель соотнесена с условиями, определяющими её осуществление, определяет психологическое строение действия. Поскольку внутренние психические процессы у человека обнаруживают то же строение, что и внешнее действие, есть все основания говорить не только о внешнем, но и внутреннем действии ... » [41, с.14].

Решение психологической задачи, т.е. действие по достижению цели, не может быть осуществлено без соответствующих критериев, поэтому: « ... Завершающим этапом процесса формирования цели является выработка критериев, по которым происходит принятие решения о достижении цели деятельности (критерии оценки достижения цели ... » [53, с.60].

Вопросы цели, механизмов её происхождения, её роли в структуре деятельности представляют собой самостоятельную проблему. Противоречивость понятия «цель» состоит, по А.Н.Леонтьеву, в следующем: « ... Индивид, справедливо замечает Гегель, «не может определить цель своего действия, пока он не действовал» ... » [26, с.156].

Приведённая фраза требует уточнения. В действительности Гегель говорит: « ... деятельность и есть становление духа как сознания. Что есть оно в себе, оно знает, стало быть, из своей действительности. Индивид поэтому не может знать, что есть он, пока он действованием не претворил себя в действительность. — Но тем самым он, по-видимому, не может определить цель своего действия, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперёд иметь перед собою поступок как целиком свой поступок, т.е. как цель. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнаёт лишь из действия, а чтобы действовать, у него наперёд должна быть цель. Но именно поэтому он должен сразу начинать и при любых обстоятельствах должен сразу приступать к деятельности, без всякого размышления о начале, средствах и конце; ибо его сущность и в-себе-сущая натура есть всё в одном: начало, средство и конец ... » [14, с.212].

На наш взгляд, полное содержание приведённой здесь мысли Гегеля может быть прокомментировано следующим образом: в случае деятельности человек находится в противоречивой ситуации одновременного отсутствия цели и необходимости её присутствия для осуществления деятельности. Это противоречие разрешается самим действием как способом осознания имплицитно присутствующей цели. Иначе говоря, действие есть способ превращения цели из неосознанной в осознанную форму. По-видимому, решение проблемы механизмов целеобразования и есть решение проблемы «осознания» цели.

9.11. Деятельность как поведение (активность)

Для деятельности как психологического понятия весьма характерно её применение не только в качестве средства описания специфики существования человека, но и всего живого мира. Такое некритичное применение этого понятия характерно практически для всех психологов и всех психологических концепций деятельности. В этом отношении позиция А.Н.Леонтьева существенно не отличалась от других аналогичных позиций: « ... Деятельность рассматривалась им [А.Н.Леонтьевым. – В.А.] как одинаково присущая и человеку, и животным; правда, в последнем случае она трактовалась как жизнедеятельность ... » [45, с.129].

Надо полагать, что в способствовании такому положению дел имеющая физиологические и поведенческие корни традиция, зародившаяся с самого начала становления отечественной психологии, а именно: выводить человеческую деятельность из так называемой «деятельности» животных. Было принято считать, что человеческая деятельность возникла из «деятельности» животных при перемене естественных детерминант на социальные, что привело к возникновению цели, но самоё деятельность содержательно не изменило: « ... Возникновение в деятельности целенаправленных процессов - действий исторически явилось следствием перехода к жизни человека в обществе ... » [26, с.154].

Позиция самих основоположников деятельностного подхода в психологии – А.Н.Леонтьева и С.Л.Рубинштейна – в значительной степени повлияла на становление подобных традиций. Например, сам С.Л.Рубинштейн утверждал, что человеческое действие возникает на основании рефлекторных автоматизмов и приводит в своём развитии к новым автоматизмам (рефлекторным процессам): « ... Всякое действие человека строится на основе некоторых первичных автоматизмов, сложившихся в результате предшествующего филогенетического развития. Вместе с тем всякое сколько-нибудь сложное человеческое действие в процессе своего выполнения и порождает новые, более сложные и лабильные автоматизмы ... » [41, с.28].

Интересно, что в принципе разделяя подобную (правда, может быть не так ярко выраженную) позицию, А.Н.Леонтьев, тем

не менее, резко критиковал С.Л.Рубинштейна за физиологизацию деятельности: « ... Можно говорить как угодно: в деятельности, через деятельность, зависит от деятельности. Так, как об этом говорил Рубинштейн, в свое время писавший, что психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику (желая подчеркнуть, что никогда - деятельность), но изучает эту психику в деятельности. Это знаменитая его статья в «Ученых записках» Герценовского института, декларация теоретического характера того времени [1940г. - В.А.]. Я посмотрел после этого, как обстоит дело в новых последних работах: «Пути» и «Бытии и сознании». Там повторяется эта же самая мысль, только еще в более грубом виде, потому что там еще есть то, что отсутствовало раньше. Это объяснения физиологические по существу синтез, анализ - то, что вы хорошо знаете, что запутало саму исходную мысль Рубинштейна и не сослужило ему хорошую службу ... » [28, с.146].

Но традиция если не физиологизации, то активистической интерпретации деятельности была очень сильно выражена, что являлось характерным и для известной грузинской школы установки, и для её основателя Д.Н.Узнадзе: « ... В жизни ребенка часты случаи, когда он обращается к деятельности исключительно потому, что в нем проявляется сильное стремление к ней: в нем пробуждается потребность функционировать, быть активным. Эта потребность, которую я называю функциональной тенденцией, нужно полагать, является наследственно приобретенной формой фиксированной установки ... » [49, с.43].

К сожалению, как теоретическое понятие, деятельность и в работах современных психологов имеет явно выраженный поведенческий характер: « ... Деятельность человека реализуется в его действиях. Термином «действие» описываются процессы поведения, соответствующие целям, которые ставит субъект ... » [36, с.192].

9.12. Психическая деятельность: деятельность органа (головного мозга) или форма внешней деятельности?

Особенно острую полемику вызывает вопрос о деятельности мозга (психической деятельности). Сторонники рефлексорной

природы психики связывают психическую деятельность с рефлекторной деятельностью мозга и выводят из неё (т.е. рефлекторной деятельности мозга) всю психическую действительность, в том числе и сознание: « ... всё более глубоко и чётко расширить место и роль психической деятельности внутри практической, теоретической и т.д. деятельности субъекта. В обоих случаях здесь используется один и тот же термин «деятельность». Поэтому важно учесть, что он имеет два взаимосвязанных, но разных значения: 1). деятельность субъекта и 2). деятельность органа. Второе значение может показаться излишним, но в действительности оно весьма существенно для уточнения термина «психическая деятельность»: это именно отражательная деятельность органа (головного мозга) ...» [3, с.131].

Противники рефлекторного понимания психики выводят психическую деятельность не из рефлекторной (бессознательной) деятельности мозга, а из внешней предметной (сознательной) деятельности человека: « ... Если есть какая-то собственно психическая деятельность - она может быть деятельностью с этими объектами, как бы они ни были даны, т.е. с внешним миром. Значит, в отношении их возможна только внешняя деятельность. Психическая деятельность есть вообще разновидность внешней деятельности субъекта, и другого решения не может быть ... » [12, с.164].

Различные подходы к пониманию психической деятельности выражают различную методологию двух школ по поводу происхождения психического. Рефлекторная природа психической деятельности, интерпретируемая как рефлекторная деятельность мозга, по нашему мнению, рассматривает психическую деятельность как природную активность и распространяет на человеческую реальность законы функционирования и развития до-человеческого мира. Эта позиция, на наш взгляд, не учитывает того, что развитие – это, прежде всего, смена типа развития. Поэтому законы развития природы до человека, и законы развития природы после человека – это принципиально разные законы.

Такое качественное различие типов развития пытается интерпретировать концепция психического, выводящая психическое на основании законов развития предметной деятельности. Причём, предметная деятельность в интерпретации леонтьев-

ской школы – это не активность в её человеческой форме, а новый тип отношения, который не может быть описан в терминах активности. Именно с этой точки зрения, предметная деятельность не является условием психической деятельности, осуществляющейся по своим внутренним законам, а сама психическая деятельность является формой этой предметной деятельности:

« ... внешняя предметная деятельность должна стать не условием какой-то психической деятельности, которая сама не подвергается анализу, потому что мы не имели к ней никаких ходов. Мы должны саму психическую деятельность понять как разновидность, как дериват, как отражение этой внешней, предметной, осмысленной деятельности. Другого пути нет, потому что другое - это то, что дает мозг от рождения. Но от рождения человеческий мозг дает только готовность сформировать любую деятельность. Он не дает готовых форм деятельности. И, кроме того, внутри (т.е. реально - в организме, в мозге) мы можем иметь только физиологические процессы, никакой психической деятельности там мы не имеем. Психическая деятельность есть по природе своей внешняя деятельность ... » [12, с.163].

Именно поэтому у этих двух концепций – рефлекторной деятельности мозга и психического как формы предметной деятельности – в самом главном нет и не может быть общих методологических точек соприкосновения, а утверждение: « ... то, что мы имеем внутри, - психическая деятельность, отражение - это есть внешняя, предметная деятельность. Это не мозг ... » [12, с.163], правильное было бы рассматривать как ультиматум

9.13. Деятельность как основа онтогенетического развития человека

В психологии деятельности принято рассматривать деятельность как основу психического развития человека в онтогенезе, когда под развитием понимается смена психических новообразований, детерминированных сменой ведущего типа деятельности: « ... психическое развитие ребенка осуществляется в процессе закономерной смены разных типов ведущей деятельности, когда каждому такому типу соответствуют свои психические новообразования ... » [55, с.11].

Но деятельность не только определяет онтогенетическое развитие психических процессов. Она является основой и интегративной характеристикой человека, характеризует человека как личность: « ... Уровень развития личности соответствует уровню развития самостоятельной и сознательной деятельности ... » [21, с.49].

Решающим фактором в онтогенетическом формировании личности и субъекта является способность к целеполаганию. Как известно, с точки зрения А.Н.Леонтьева, онтогенетическое развитие психики человека определяется противоречием между целями и мотивами: « ... Формирование личности предполагает развитие процесса целеполагания и, соответственно, развитие действий субъекта. Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельностей, которые они реализуют, и вступают в противоречие с породившими их мотивами ... » [26, с.217].

Одна из существенных характеристик человека – это его характеристика не только как личности, но и как субъекта. Субъектные качества формируются в онтогенезе за счёт овладения человеком новыми действиями и деятельностями: « ... Согласно психологической теории деятельности, именно овладение новыми действиями и деятельностями (а не предметами, не вещами) есть подлинное обогащение субъекта ... » [20, с.19].

При этом установлено, что социально-управляемый онтогенез (образовательный процесс) может быть построен только на основании культурно-исторической логики развития самой предметной деятельности: « ... теоретический подход к проблемам педагогики возможен лишь на основе всеобщей логики культурно-исторического формирования субъекта. Такого рода логику раскрывает марксистская концепция предметной деятельности ... » [50, с.21].

9.14. Структура деятельности

а). Деятельность как совокупность процессов

Проблема деятельности как психологического понятия непосредственно связана с проблемой её структуры. Здесь также имеется несколько подходов определения психологической структуры деятельности. Один из них – выводить структуру

деятельности из структуры движений: « ... Система движений, направленных на предмет с целью его присвоить или изменить, называется действием ... » [34, с.131].

Ещё один вариант конструирования психологической структуры деятельности заключается в выведении её из неких процессов бытия (которые, по-видимому, надо понимать как рефлекторные процессы, обеспечивающие жизнедеятельность живых организмов): « ... На конкретно-научном – психологическом – уровне под деятельностью имеется в виду совокупность процессов реального бытия человека, опосредованных сознательным отражением. При этом именно деятельность несёт в себе те внутренние противоречия и трансформации, которые порождают человеческую психику, выступающую, в свою очередь, в качестве условия осуществления деятельности. Иногда образно говорят, что психика является органом деятельности, моментом её движения ... » [47, с.40].

б). мотивы и цели как базовые элементы структуры деятельности

Как известно, важнейшей сферой деятельности является её мотивационная сфера, главными элементами которой являются мотивы и цели: « ... действия, осуществляющие деятельность, побуждаются ее мотивом, но являются направленными на [их. - В.А.] цель ... » [26, с.154].

По утверждению А.Н.Леонтьева, структура человеческой деятельности в процессе исторического развития практически остаётся неизменной, всегда определяясь мотивами и целями. Изменениям подвергаются отношения между мотивами и целями: « ... Деятельность человека исторически не меняет своего общего строения, своей «макроструктуры». На всех этапах исторического развития она осуществляется сознательными действиями, в которых совершается переход целей в объективные продукты, и подчиняется побуждающим ее мотивам. Что радикально изменяется, так это характер отношений, связывающих между собой цели и мотивы деятельности.

Эти отношения и являются психологически решающими ... » [25, с.161]; [26, с.184].

Здесь уместно будет отметить, что в общей проблеме деятельности как психологического понятия едва ли не определяющей является проблема механизмов целеобразования: « ... от

мотива деятельности зависит только зона объективно адекватных целей. Субъективно же выделение цели ... представляет собой особый, почти не изученный процесс ... » [26, с.155].

в). деятельность как совокупность действий

Один из способов конструирования структуры деятельности является представление её как некоей совокупности действий: « ... Совокупность действий, объединённых общей целью и выполняющих определённую общественную функцию, составляет деятельность ... » [34, с.133].

Это положение основывается на известном положении А.Н.Леонтьева, что: « ... Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий ... » [26, с.154].

Такой же точки зрения на возможность представить структуру деятельности как совокупность действий разделяли и представители субъектно-деятельностной концепции: « ... В принципе деятельность может быть описана как система сменяющих друг друга действий ... » [30, с.219].

г). развёрнутая структура деятельности

На сегодняшний день вопросы обоснования логики развития структуры деятельности всё ещё остаются неразрешёнными, хотя и существует множество эмпирических её вариантов. Как известно, наибольший вклад в разработку структуры деятельности внесли С.Л.Рубинштейн и А.Н.Леонтьев.

Что касается С.Л.Рубинштейна, то уже к концу 30-х годов им была предложена разноуровневая структура деятельности, которую он, по примеру К.Маркса, считал исходной «клеточкой» психологии: « ... в 1935-1940 г.г. Рубинштейн уже выделяет внутри деятельности разноплановые компоненты: движение - действие - операция - поступок. В центре этих разноуровневых компонентов находится действие. Именно оно и является, по мнению Рубинштейна, исходной «клеточкой», единицей психологии ... » [41, с.270].

Что касается А.Н.Леонтьева, то он в своих известных работах 40-х годов предложил, ставшую впоследствии основополагающей, схему деятельности: « ... В 40-е и последующие годы Леонтьев опубликовал ряд своих статей [Первая из этих статей опубликована в 1944 г.] и книг, в которых обобщенно представ-

лена его точка зрения на соотношение деятельности – действия – операции в связи с мотивом – целью – условиями ... » [37, с.241].

Более поздние работы связаны со многими другими именами. Например, результаты исследований структуры деятельности представил в своей известной книге Б.Ф.Ломов: « ... На основании существующих концепций можно в качестве основных «образующих» деятельности выделить следующие: мотив, цель, планирование деятельности, переработка текущей информации, оперативный образ (и концептуальная модель), принятие решения, действия, проверка результатов и коррекция действий ... » [30, с.216].

9.15. Единство структур внешней и внутренней деятельности

Одним из теоретических достижений культурно-исторической концепции деятельности является установления факта изоморфизма структур внешней и внутренней деятельности. Одним из первых это предположение высказал Л.С.Выготский: « ... основная идея учения Л.С.Выготского заключалась в том, что психическая деятельность строится по образцу внешней деятельности ... » [8, с.25].

В дальнейшем оно было развито и конкретизировано в работах А.Н.Леонтьева и его последователей: « ... внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение. Открытие общности их строения представляется мне одним из важнейших открытий современной психологической науки ... » [26, с.152].

Сам А.Н.Леонтьев придавал большое значение этому открытию и высоко оценивал его значение для всей психологической науки в целом: « ... То обстоятельство, что генетически исходной и основной формой человеческой деятельности является деятельность внешняя, чувственно-практическая, имеет для психологии особый смысл ... » [26, с.145].

Изоморфизм структур внешней и внутренней деятельности позволил объяснить механизм происхождения внутренней психической деятельности из внешней, практической: « ... объективное изучение психической деятельности остается эпизодиче-

ским и не может стать систематическим, пока мы не найдем пути к объективному исследованию идеальных действий.

Этот путь открывает гипотеза, согласно которой идеальные действия по содержанию не отличаются от материальных и происходят от них ... » [9, с.128-135].

Свою позицию в отношении деятельности как предмета психологии Д.Б.Эльконин обосновывал именно фактом изоморфизма структур: « ... Мне кажется, мы могли бы сформулировать следующее положение: так называемая умственная деятельность есть тоже деятельность. Она осуществляет такие же задачи, она так же построена, как внешняя, физическая трудовая деятельность; она так же имеет свою ориентировочную и исполнительную часть; она так же не вся является предметом психологического исследования в собственном смысле этого слова. Здесь происходит граница между логикой и психологией ... » [56, с.169].

Установленный феномен изоморфизма структур позволил в своё время П.Я.Гальперину обосновать обучение как форму психического развития, поскольку выявлен был способ присвоения внешней деятельности и формирование на основе её структур психической деятельности: « ... обучение, организованное и неорганизованное, является общим руслом психического развития, а психическая деятельность - производным от внешней предметной деятельности и обслуживающим ее процессом ... » [8, с.25].

Изоморфизм структур внешней и внутренней форм деятельности подтверждает основное положение культурно-исторической концепции деятельности о том, что психика есть производная от внешней деятельности и, по сути, всегда остаётся её разновидностью: « ... Общее положение заключалось в том, что психическая деятельность не только строится по образцам внешней предметной деятельности, но в сущности и остаётся ее особой разновидностью, включенной в эту внешнюю деятельность, живущей ее интересами, заимствующей у нее свои возможности (в частности, орудийного опосредования) ... » [8, с.27].

9.16. Деятельность как уподобление

Как известно, центральным понятием в культурно-исторической концепции деятельности является уподобление. Уподобление заключается в особой пластичности деятельности, способной собой воспроизводить собственный предмет. Именно за счёт уподобления возможно познавательное отношение и, как следствие, присвоение человеком в онтогенезе значений культурных образцов деятельности (всеобщих способов деятельности).

Необходимость уподобления возникает в силу необходимости объяснить механизм культурного развития и механизм усвоения: « ... Представление об уподоблении было первоначально использовано для понимания механизма чувственного отражения (Леонтьев, 1981). А.Н.Леонтьев утверждал, что таким механизмом является уподобление движением рецепирующего органа свойствам раздражителя. Впоследствии это представление получило более широкое применение. Уподобление было понято как воссоздание в деятельности свойств (отношений) ее предмета. Именно в таком воссоздании (адекватном предмету, но не тождественном ему) строится и образ, и понятие предмета, т.е. воссоздание предмета в деятельности является механизмом усвоения ... » [54, с.30].

В интерпретации уподобления возможны различные варианты. Широко распространённым является понимание термина «уподобление» как уподобление деятельности свойствам самой вещи. Такая интерпретация уподобления идёт вразрез с психологическим содержанием культурно-исторической концепции и, в связи с этим, подвергается критике. Критика состоит в том, что уподобление как способ воспроизведения на самом деле заключается не в воспроизведении свойств вещи, а в воспроизведении того способа деятельности, который является значением предмета-вещи: « ... Критика представлений о внешнем предметном действии как уподоблении свойствам вещи развёрнута в работе Д.Б.Эльконина «Заметки о развитии предметных действий в раннем возрасте» (1978) ... » [54, с.33].

9.17. Интериоризация как механизм развития деятельности

Понимание предметности как объектности, а деятельности как субъект-объектного отношения, приводит, как уже было сказано, к детерминации всех процессов деятельности её предметом. В этом случае необходимым механизмом, обеспечивающим этот переход, естественным образом выступает интериоризация: « ... приверженцы деятельностного подхода полагали, что именно «внешнее предметное действие» – реальное столкновение с реальным миром и его реальная, практическая «обработка» – лежит в основе сознания, слова, значения, мышления и иных «внутренних» явлений и сущностей. Наиболее наглядно и последовательно этот ход мысли был воплощён П.Я.Гальпериным в его теории интериоризации (поэтапного формирования умственных действий) ... » [54, с.29].

Причём интериоризация является механизмом онтогенетического развития деятельности и осуществляется как переход социальной деятельности в её индивидуальный план: « ... При анализе Д. [деятельности. – В.А.] выделяются три плана её рассмотрения: генетический, структурно- функциональный и динамический. В генетическом плане исходной формой любой человеческой Д. [деятельности. – В.А.] является социальная совместная Д. [деятельность. – В.А.], а механизмом развития психики человека выступает интериоризация, обеспечивающая усвоение общественно-исторического опыта путём преобразования социальной совместной Д. [деятельности. – В.А.] в индивидуальную Д. [деятельность. – В.А.] ... » [46, с.102].

По сути дела, признание объектности деятельности и интериоризации как механизма её онтогенетического развития означает признание парадигмы происхождения «внутреннее из внешнего», пришедшей в психологию из французской социологической школы: « ... Г.Байтсон рассматривает психику ... как возникающую в человеческой деятельности посредством ряда переходов «внешнее-внутреннее» ... » [22, с.160].

9.18. Деятельность как культурная практика

Своеобразная интерпретация деятельности характерна для западных психологов. Если у нас изначально общей марксист-

кой установкой на деятельность как методологическую категорию была хотя и номинально задана некоторая общность взглядов, но тем не менее реально сложилась пёстрая и весьма разнообразная интерпретация деятельности, то у западных психологов ситуация гораздо сложнее.

В некоторых случаях под деятельностью понимаются так называемые «культурные практики», т.е. нормативно ожидаемые виды деятельности: « ... Мои [М.Коула. – В.А.] коллеги и я определили культурные практики как ближайший объект опыта ребёнка (LCHC,1983). Мы называем культурными практиками виды деятельности, в отношении которых существуют нормативные ожидания, повторяющиеся или привычные действия. Внутри культурной практики все объекты являются социальными, поскольку они социально установлены. Культурные практики функционально и структурно подобны тому, что Ч.Соулера и С.Харкнесс называют нишами развития, а другие исследователи – контекстами или видами деятельности ... » [22, с.215].

Надо сказать, что на западе так называемый деятельностный подход развивается в основном в рамках кросс-культурных исследований (культурной психологии), понимаемых буквально как исследование конкретных особенностей различных культур. Поэтому деятельность там носит характер не общепсихологического понятия, а скорее системы конкретно-практических операций (навыков), различных для различных культур. Так называемый контекстный (деятельностный) подход является детищем западных психологов и, на наш взгляд, методологически отличается от наших деятельностных подходов.

Но именно это отличие, акцентирующее прагматический кросс-культурный аспект исследований, расценивается западными психологами как предпочтительный перед нашим: « ... Именно в этом пункте деятельностный, чувствительный к контексту подход, предпочитаемый американскими и европейскими специалистами в области социальных и поведенческих дисциплин, внесли наибольший вклад в развитие культурно-исторической методологии ... » [22, с.374].

Утверждение американских психологов о том, что: « ... эти новые линии исследования обеспечивают более прочные возможности основывать психологию на исследовании повседнев-

ной деятельности ... » [22, с.376], нам говорят только о весьма значительном и еще далёком от окончательного согласования расхождении в понимании существа культуро-историзма как гуманитарной методологии.

9.19. Деятельность как познание

С точки зрения деятельностного подхода, психика как познавательная деятельность формируется у человека в единстве и на основании его практической деятельности: « ... В отношении психической деятельности как познавательной деятельности человека в качестве опосредствования воздействий объективного мира выступает практическая деятельность человека. Это последнее положение имеет фундаментальное значение для понимания познания человеком действительности ... » [42, с.15].

В качестве теоретического основания для объяснения механизмов психического отражения А.Н.Леонтьевым была предложена концептуальная схема, включающая в качестве третьего звена, наряду с субъектом и объектом, деятельность:

« ... А.Н.Леонтьев предложил трехкомпонентную схему его [психического отражения. - В.А.] функционирования: «субъект - деятельность – объект» ... » [53, с.124].

С точки зрения концепции развития интеллектуальной деятельности Ж.Пиаже, практическая деятельность играет решающую роль в формировании познавательной деятельности, более того, познавательная деятельность как свою составляющую всегда включает в себя практическую деятельность: « ... Содержание детского познания - все то, что приобретается благодаря опыту и наблюдению. Форма познания - та схема (более или менее общая) мыслительной деятельности субъекта, в которую внешние воздействия включаются ... » [33, с.23].

Таким образом, психическая деятельность сама формируется в результате отражения за счёт преобразования внешних действий: « ... «психическая деятельность есть результат перенесения внешних материальных действий в план отражения - в план восприятия, представления и понятия» ... » [44, с.266].

В дальнейшем, уже будучи в той или иной мере сформированной, познавательная деятельность, в свою очередь, обеспечивает освоение культурных форм знания (понятий) за счёт по-

стоянного обогащения наличных знаний: « ... Данное извне понятие формируется в той мере, в какой оно является результатом мыслительной деятельности учащихся. ... Отсюда возникают последовательные этапы в овладении содержанием понятия, постепенное «движение» от неполного знания к полному («движения», разные по темпу и характеру у различных учеников) ... » [32, с.35].

9.20. Деятельность как критерий сформированности психики

Являясь производной от внешней практической деятельности, психика в дальнейшем остаётся зависимой от неё. Эта зависимость выражается в форме критериев адекватности психического отражения, которые имеют деятельностьную природу: « ... по существу нельзя объективно установить психологический факт или проверить объективность психологического познания иначе, как через деятельность, через практику ... » [40, с.36].

Данное положение является фундаментальным для всей деятельностью психологии и представляется фактически единственным объективным критерием оценки уровня развития не только психических процессов, но и структуры сознания: « ... Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому структура сознания принципиально может быть определена по внешнему объективному протеканию действия ... » [40, с.28].

9.21. Деятельность и общение

Признание социальной природы человеческой психики и деятельности как её генетической основы предполагает необходимую связь между деятельностью и общением. И хотя природа связи деятельности и общения представляет собой скорее пространство споров, тем не менее, модели такой связи имеются и используются в психологической практике.

Например, предположение об исходной коммуникативной основе самой деятельности: « ... Система деятельности включает как объектно-ориентированный продуктивный аспект, так и личностно-ориентированный коммуникативный аспект человеческого поведения. Производство и коммуникация неразделимы (Rossi-Landi, 1983) ... » [22, с164].

Следовательно, деятельность как субъект-объектное отношение всегда осуществляется только в условиях субъект-субъектного отношения. Настоящий тезис широко используется в образовательной практике и является основой эффективного усвоения ребёнком социокультурных образцов деятельности:

« ... Существенной характеристикой деятельности усвоения служит то, что она осуществляется ребёнком только в совместной жизни со взрослыми, в общении с ними и под их непосредственным руководством (она и есть исходный момент процесса воспитания) ... » [50, с.147].

В культурно-исторической концепции психики признается, что роль общения заключается в обеспечении необходимых условий для эффективного подражания ребенка образам деятельности взрослого: « ... Важнейший путь влияния общения на психическое развитие детей состоит в том, что ребенок в контактах с взрослым наблюдает его деятельность и черпает в ней образцы для подражания ... » [29, с.28].

Такая трактовка общения вызывает у критиков нарекания. Они видят недостатки культурно-исторической концепции в том, что полноценное общение ограничивается взаимодействием только двух человек: « ... в качестве главного недостатка культурно- исторической теории деятельности следует указать на то, что она опирается в качестве эмпирических оснований на непосредственное взаимодействие двух человек друг с другом ... » [22, с.249].

Как известно, не все психологи разделяют убеждение, на основании которого общение является формой деятельности и выводится из неё. Полагая, что деятельность как субъект-объектное отношение не может быть основой общения, они уверены, что общение является самостоятельной, не выводимой из деятельности категорией и, в связи с этим: « ... возникает необходимость усилить разработку ... категории общения, раскры-

вающей другую, не менее существенную сторону человеческого бытия: отношение «субъект – субъект» ... » [30, с.245].

9.22. Смысл и значение действия

Центральными понятиями, описывающими человеческую субъективность в культурно-исторической психологии, являются понятия «значение» и «смысл». Занимая общую позицию в их значимости для становления человека в его культурном развитии, Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев расходились в способах этого становления. Как известно, Л.С.Выготский предпочитал схему непосредственного взаимодействия сознаний взрослого и ребёнка, приводящего в результате к «присвоению» ребёнком культурных значений (значений слов). А.Н.Леонтьев же считал, что это взаимодействие не может не быть опосредованным, а способом такого опосредования является деятельность:

« ... Программа исследований Харьковской группы строилась как критика понимания Выготским значения, но не его внутренней структуры (обобщения); как раз представление о том, что значение является обобщённым отражением действительности, осталось неизменным. А.Н.Леонтьев полагал, что Выготский не заметил (или не отметил) существования некоего особого «слоя» жизненной реальности, который лежит за значением. Этим «слоем», по Леонтьеву, и является внешняя предметная деятельность ... » [54, с.28].

Опосредование, за счёт которого только и может осуществиться культурное развитие человека как присвоение им культурных значений, возможно за счёт особых свойств, присущих самой деятельности: « ... Представление о внешней предметной деятельности как «первичной» по отношению к значению слова и сознанию (понятым как «обобщённое отражение» реальности) было концентрированно выражено в двух фундаментальных для деятельностного подхода категориях: предметности и уподобления ... » [54, с.30].

Как известно, в отличие от животных, чувственные образы отражения человека означены. Исходная означенность чувственных образов составляет основу для дальнейшего формирования сознания: « ... Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной дея-

тельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими «образующими» человеческого сознания ... » [26, с.175].

Означенность является всеобщей характеристикой человеческого существования, а не только её отдельных моментов. Человек возник одновременно со значением. Человеческая природа – это природа, имеющая значение. Поэтому означенность является не только характеристикой чувственных образов, но и самих человеческих предметов. Собственно, человеческими они и становятся только приобретая значение (приобретая «над-чувственную» характеристику).

Весьма показательна критика, с которой выступал основоположник деятельностной концепции онтогенеза Д.Б.Эльконин, против интерпретации предметного действия как действия, адаптирующегося к свойствам предмета-вещи. По его мнению, предметное действие есть в первую очередь способ освоения значения, и уже затем – операциональной стороны культурного предмета: « ... Д.Б.Эльконин критиковал понимание предметного действия как приспособления к свойствам вещи. Им было введено представление о значении орудия – общем и схематическом способе его употребления как очень существенном моменте освоения образца действия. Д.Б.Эльконин отмечал, что сначала ребёнок представляет себе и осваивает именно значение и лишь впоследствии операционально-техническую сторону предметно-орудийного действия ... » [54, с.78].

Если продолжить разворачивание смысловой стороны предметного действия и предположить, что психологическим содержанием смысла является отношение двух действий, то в этом случае: « ... Действие, сам факт выполнения которого выражает и представляет смысл, можно назвать значащим ... » [54, с.105].

Само собой разумеется, что значащим действием является далеко не всякое действие, а только то, которое для себя является собственным предметом.

9.23. Деятельность как воздействие (взаимодействие; взаимовоздействие)

а). деятельность как взаимодействие

Со времени становления советской психологии как деятельностной, со времён её формирования как марксистской науки в борьбе против реактологии и рефлексологии стратегическим психологическим содержанием понятия «деятельность» было взаимодействие субъекта с объективным миром: « ... Деятельность ... никогда не бывает без субъекта – без деятеля, её осуществляющего. Она представляет собой способ взаимодействия человека с внешним миром. Следовательно, исходным и наиболее фундаментальным является не сама по себе деятельность, а именно это взаимодействие, т.е. человек в неразрывных связях с окружающей действительностью, которую он созерцает, познает, преобразует и т.д. ... » [2, с.231].

Такое понимание деятельности сформировалось уже на заре деятельностной психологии в рамках субъектно-деятельностного подхода, такое же понимание содержания деятельности (действия) мы находим и у современных представителей системного подхода: « ... действие практически всегда носит характер взаимодействия ... » [13, с.23].

Как известно, для субъектно-деятельностного подхода в психологии, несмотря на то, что понятие деятельность для него является центральным, характерно не рассматривать деятельность как базовое взаимодействие, не сводить взаимоотношение человека с объективной реальностью только к деятельности: « ... Взаимодействие человека с миром никогда не сводится к деятельности ... ». [2, с.233]

Понимание деятельности как взаимодействия характерно не только для субъектно-деятельностной школы. Его разделяют и представители другой школы – объектно-деятельностной (или культурно-исторической концепции деятельности): « ... Деятельность – активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности ... » [38, с.91].

Следовательно, мы можем констатировать, что понимание деятельности как взаимодействия является общим для обеих деятельностных школ отечественной психологии.

б). деятельность как воздействие

Кроме того, само содержание взаимодействия является весьма важным, в конечном итоге раскрывающим механизмы деятельности и её развития. В этом смысле взаимодействие содержательно раскрывается как воздействие (взаимовоздействие): « ... Деятельность и действие предполагают воздействие, изменение действительности, порождение объективированного продукта - будь то материальной или духовной культуры - который входит в общественный оборот ... » [40, с.206].

Можно с уверенностью говорить, что под деятельностью, в том числе под её практической формой, в отечественной деятельностной психологии всегда понималось воздействие: « ... изначально практическая деятельность, производящая материальные продукты, всегда есть целенаправленное воздействие, изменение, преобразование людьми окружающей действительности в ходе взаимодействия субъекта с материальным объектом ... » [37, с.229]. Такой же характер воздействия имеют и все иные, непрактические формы деятельности, что свидетельствует об изначально объектном характере психологического содержания понятия деятельность.

9.24. Деятельность как субъект-объектное отношение

Особое значение для современной психологии имеет деятельность как средство моделирования субъективного мира, её возможности быть средством для описания человека как субъекта, его внутреннего мира как самостоятельной действительности. Вообще как человека, способного противостоять внешнему миру и утверждать в нём самого себя.

Собственно говоря, основное направление критики, которую в наше время вызывает категория «деятельность», и связано с её якобы неспособностью выражать субъектность, рефлексивность и творческое начало в человеке.

Одним из основных предметов критики является объектность деятельности, её субъект-объектная ориентированность. В этом смысле критика деятельности является обоснованной, по-

скольку действительно, психологическая категория деятельность, так, как она разработана и применяется в современной психологии, сконструирована именно в субъект-объектной ориентированности, а не иначе.

**а). деятельность как процессы
опредмечивания-распредмечивания**

Критика справедлива, во-первых, потому, что, тем самым, утверждается действительное положение вещей, а именно: субъект-объектное отношение является сутью деятельностного подхода. Основанное на опредмечивании-распредмечивании, это взаимодействие регулируется образом объекта, являющегося и началом, и результатом ~~этого~~ настоящего процесса: « ... психическое отражение порождается не непосредственно внешними предметами, воздействиями, а практическими контактами с предметным миром, которые необходимо подчиняются (и даже уподобляются) его свойствам, связям и отношениям. При этом происходит двуединый процесс взаимопереходов между полюсами субъект - объект: опредмечивание тех представлений, которые побуждают и регулируют деятельность субъекта в форме внешних чувственно воспринимаемых объектов ... , а также распредмечивание - переход объекта ... в его субъективную форму - в образ

Описание этих взаимопереходов, исключающее возможность противопоставления субъекта и объекта (и в этом отношении продолжающее традицию системного рассмотрения взаимодействия субъекта с миром, разработанную Л.С.Выготским), действительно является ядром теории деятельности ... » [48, с.24].

Этим самым окончательно утвердилось представление о деятельности как способе связи субъекта с объективным миром и о внешнем образом детерминированном процессе развития субъекта: « ... Деятельность есть форма связи субъекта с миром. Она включает в себя два взаимодополняющих процесса: активное преобразование мира субъектом (опредмечивание) и изменение самого субъекта за счёт «впитывания» в себя всё более широкой части предметного мира (распредмечивание) ... » [47, с.40].

б). деятельность как связь субъекта и объекта

В понятии деятельности есть множество оттенков. В данном случае мы имеем в виду понятия «способ (форма) связи», приведённое выше, и собственно «связь», которое иногда использовал сам А.Н.Леонтьев: « ... В качестве простых моментов деятельность включает в себя оба связываемые ею полюса: полюс субъекта и полюс объекта ... » [26, с.246].

в). деятельность как взаимодействие субъекта с объектом

Другой оттенок имеет понятие «взаимодействие», которое тоже используется для содержательной характеристики деятельности как субъект-объектного взаимодействия: « ... Деятельность – динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной действительности ... » [46, с.101].

Рассматривать деятельность как взаимодействие субъекта и объекта было характерно и для С.Л.Рубинштейна, для которого именно объектность деятельности являлось достаточным основанием, чтобы говорить о предметности деятельности: « ... По мнению Рубинштейна, деятельность характеризуется прежде всего следующими особенностями: 1). Это всегда деятельность субъекта (т.е. человека, а не животного и не машины), точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность; 2). деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом, т.е. она necessarily является предметной, содержательной; 3). она всегда – творческая и 4). самостоятельная ... » [37, с.213].

Подобную же точку зрения разделяют и психологи школы А.Н.Леонтьева: « ... она [деятельность. - В.А.] всегда является активным взаимодействием сознательно действующего субъекта (личности) с объектом (с миром) ... » [21, с.53].

г). направленность на объект

Иногда объектность деятельности описывается в терминах «отношение» и «направленности», что, в общем-то, только добавляет излишней путаницы в таком, и без этого нечётком понятии. Надо думать, что в общем контексте субъектно-деятельностной концепции данные термины можно рассматривать как синонимы: « ... Действие как такой сознательный целе-

полагающий акт выражает основное специфическое отношение человека к миру: в нем человек - часть мира выступает как сила, сознательно изменяющая и преобразующая мир. Такое отношение характерно только для человека, и для человека оно самое характерное ... » [40, с.195].

Характерно, что сознательное действие С.Л.Рубинштейном выводится из рефлекторной реакции. На самом же деле, такая генетическая связь вряд ли имеет место, поскольку рефлексивность не может быть в принципе получена из активности:

« ... Действие - это сознательный акт деятельности, который направляется на объект Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. ... Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание ... » [39, с.11].

Объектность исходного действия, являющегося основой происхождения сознания, становится теперь основой для объектности самого сознания: « ... Сознание человека в целом имеет направленную на объект структуру человеческого действия ... » [40, с.205].

Кроме того, что предметные действия становятся основанием объектно-ориентированного сознания, они же закладывают основу и объектно-ориентированному мышлению: « ... Целесообразные предметные действия, направленные на объект и определяемые сообразно со специфической задачей, являются первыми интеллектуальными актами ... » [40, с.401].

Изначальная объектность деятельности приводит в результате к тому, что фактически деятельность и поведение становятся неразличимыми: « ... действие - это акт поведения, направленный на предмет ... » [39, с.454].

Подобное понимание деятельности как объектно-ориентированного отношения сложилось и в культурно-исторической концепции деятельности, использовавшей много идей Л.С.Выготского: « ... При наличии психологического управления действие - это направленное преобразование объекта из наличного состояния в намеченное ... » [9, с.128-135].

Можно было бы привести ещё очень много свидетельств объектного содержания психологического понятия «деятельность», но они только подтвердят вывод Б.Ф.Ломова из его из-

вестной книги: « ... сложившиеся концепции деятельности ... схватывают лишь одну сторону социального бытия человека, а именно отношения «субъект – объект» ... » [30, с.245].

д). действие как способ выражения отношения к объекту (окружающему)

Наряду с иными интерпретациями деятельности как субъект-объектного отношения, широко распространено толкование деятельности не как собственно отношения, а как способа осуществления субъект-объектного отношения. Такое понимание деятельности было характерно для классических концепций деятельности: « ... Всякое действие человека исходит из тех или иных мотивов и направляется на определенную цель; оно решает ту или иную задачу и выражает определенное отношение человека к окружающему ... » [40, с.26].

Так понимают деятельность и некоторые современные авторы, несмотря на то, что ими подчёркивается роль общения в осуществлении субъект-объектного вектора деятельности: « ... Являясь реализацией субъект-объектного отношения, она [деятельность. – В.А.] выполняется на основе реального или идеального взаимодействия (общения) с другим человеком, т.е. по существу, реализует субъект – субъект – объектное отношение ... » [35, с.70].

Решая вопрос об объектности деятельности, многие авторы отвечают на него утвердительно. Правда, в последнее время субъект-объектный вектор деятельности соотносят только с режимом её осуществления (воспроизводства): « ... Объектна ли деятельность? Деятельность, раскрываемая в аспекте её осуществления, может быть понята только как проявление субъект-объектного отношения человека к миру. Индивид подчиняет своей роли вещество природы и придает активности других людей направление, соответствующее заранее принятой им цели. Такое соотнесение исходного предмета деятельности и цели и есть, собственно говоря, обнаружение субъект-объектной направленности активности человека. «Объект», как можно видеть, понимается при этом весьма широко, в частности, под категорию объектов деятельности может быть подведен и другой человек, и сам субъект деятельности, если он, например, осущес-

ствяет акты самопознания или подчиняется своей воле ... » [35, с.66].

е). деятельность как переход объекта в субъективную форму

Как правило, в субъект-объектном отношении подчёркивается переход объекта в его образ: « ... В деятельности происходит переход объекта в его субъективную форму - в образ, который лежит в основе ориентировки человека в мире ... » [52, с.10].

9.25. Деятельность как способ порождения собственных условий

Одним из значительных достижений марксистской философии, как известно, является тезис о человеке как о существе, *практически* относящемся к условиям собственного существования. Но это положение, как и некоторые другие значимые положения марксизма (например, тезис о предметной деятельности как рефлексивной способности), не получили достаточного распространения в отечественной психологии, хотя именно они являются ядром марксистской концепции человека: « ... Надо отметить, что ... представление о действии как изменении самой среды своего протекания, вовсе не нова для психологии, однако мимо этого понимания прошли многие психологи, в том числе изучающие акт творчества ... » [54, с.120].

Именно это, на наш взгляд, главное положение, должно быть основой психологической концепции человека, если принять свободу в качестве сущности человеческого существования: « ... Свобода же есть познанная необходимость целенаправленной переделки обстоятельств, а тем самым переделки своих способов деятельности, своих знаний, умений и навыков, своих потребностей и способностей - переделки самого себя ... » [50, с.50].

Само развитие, основанное на положении о порождении продуктивным действием условий собственного осуществления, представляется как скачок от производства продукта к производству собственных условий: « ... Это [продуктивное. – В.А.] действие оказывается в принципе неэволюционно развёртывающимся: его характеризует перескок от действования или процесса построения чего-либо к порождению самим этим про-

цессом не только заданного в его конце продукта, но и условий собственного протекания – той среды, где этот процесс идёт ... » [54, с.128].

Особенностью такого скачка в эволюции продуктивного действия является его недетерминированность и уникальность, что позволяет говорить об особых, специфических условиях, необходимых для переориентации действия со своего продукта – на себя самого: « ... попадание в «точку перехода» (от совершения действия к действию этого совершения) ни в коем случае не является «само собой разумеющимся», т.е. естественно происходящим или, наоборот, строго детерминированным. В подавляющем большинстве случаев в действии не преодолевается и не трансформируется его же ситуация ... » [54, с.124].

9.26. Субъектность действия (действие как субъект)

Понятие субъекта (субъектности) имеет, по нашему мнению, для психологии человека решающее значение. Но в то же время, практика использования этого термина показывает, насколько различный, подчас противоположный смысл, придаётся ему различными авторами, и как по-разному он трактуется в различных психологических школах.

Среди различных интерпретаций, выделяются две, наиболее распространённые. Первая интерпретация субъектности (при этом субъектность и субъективность содержательно не различаются и, как правило, используются как синонимы) – атрибутивная. Т.е. субъектность (или субъективность, вслед за соответствующими авторами) – это принадлежность субъекту, т.е. существование в качестве свойств, психологических особенностей и психических качеств человека как эмпирического субъекта: « ... Основными характеристиками Д. [деятельности. – В.А.] являются предметность и субъектность. ... Субъективность Д. [деятельности. – В.А.] находит своё выражение в следующих аспектах активности субъекта: в обусловленности психического образа прошлым опытом, потребностями, установками, эмоциями, целями и мотивами, определяющими направленность и избирательность Д. [деятельности. – В.А.]; в личностном смысле («значение для меня»), придаваемом мотивами различным событиям, действиям и деяниям ... » [46, с.102].

Как правило, такая интерпретация субъектности (или субъективности) соотносится с активностью, а деятельность понимается как способ осуществления (выражения) этой активности.

Иная трактовка субъектности предполагает и иное её содержание. А именно, субъектность связывается с опосредованием, с отношением собственного происхождения как с собственной внутренней формой: « ... Согласование замысла и реализации, идеального и реального действия и составляет ту форму субъектности и тот опыт субъектности, которые предполагаются и проектируются в акте опосредствования ... » [54, с.95].

Отношение как содержание субъектности означает отношение двух действий, своего и своего иного (реального и идеального). Т.е. субъектность – это отношение себя настоящего к себе же будущему: « ... Человеческое действие никогда не является прямым преобразованием объекта. Поскольку его объект – это ориентировка другого действия, такое преобразование невозможно. Действие строится в форме представления другому человеку его ориентировки – границ и возможностей его действия. Человеческое действие двухсубъектно ... » [54, с.114].

Таким образом, субъектность действия является существенной характеристикой его собственного развития, осуществляющегося за счёт того, что предметом самого действия становятся условия его протекания. Именно это отношение и является содержанием субъектности, а действие, делающее собственным предметом собственные условия, становится субъектом. Этот режим развития радикально отличается от функционирования, когда субъектность не возникает, действие не становится субъектом, а только реализуется в изначально заданных условиях, никоим образом не делая их собственным предметом: « ... любое элементарное человеческое действие можно представить как творческий акт, т.е. представить действование как его же развитие, превращение в нечто, что меняет среду своего же протекания, становится её центром или, строго говоря, её субъектом. В то же время любое действование можно представить и как функционирование, следствие чего-то, для чего уже проторены пути, т.е. как действие в принципе нетворческое ... » [54, с.123].

9.27. Деятельность как способ развития

Одной из главных психологических проблем постоянно была (и до сих пор остаётся) проблема развития. В этом смысле главным тезисом психологии деятельности был тезис о предметном действии как способе развития человека как субъекта деятельности: « ... Все представители деятельностного подхода либо имплицитно, либо явно допускали, что единицей развития является предметное действие. Особенно ярко это допущение было выражено Д.Б.Элькониным ... » [54, с.106].

Одним из основных свойств деятельности всегда полагалась её способность не только осуществлять исходные отношения субъекта, но и порождать новые: « ... Фундаментальным признаком человеческой деятельности является то, что она не только реализует исходные жизненные отношения субъекта, но и порождает новые жизненные отношения, раскрывает свою несводимость к первоначальным зафиксированным жизненным ориентациям за счёт включения «надситуативных» моментов ... » [35, с.87].

Продуктивное действие есть способ развития за счёт порождения реальности собственной идеи: « ... в продуктивное действие органично входит акт развития или, точнее, продуктивное действие и есть способ развивания того, с чем имеет дело. ... В нём порождается реальность идеи, преобразующая наличную ситуацию в иную ... » [54, с.129].

Важнейшей характеристикой предметного действия является его переходность. Поэтому его можно рассматривать как способ преодоления как внутренних стереотипов, так и внешних обстоятельств. В этом смысле переходная природа предметного действия является его сущностью, внутренней формой:

« ... Специфической и отличительной характеристикой предметного действия с точки зрения развиваемых представлений является его двойственность, его как бы «двудейственность» и «двумерность». Как продукт действия, так и его течение относятся сразу к двум разным системам обстоятельств и к двум разным образцам. Действие и есть то, что строит их взаимопереход. Оно всегда переходно и в своем высшем выражении строится как преодоление человеком собственных стереотипов и наличных обстоятельств действий других людей. Отмеченная

двойственность-переходность является сущностной, внутренней характеристикой человеческого действия, его «внутренней формой» ... » [54, с.110].

Модель развития как взаимодействие идеальной формы действия с его реальной формой известна в теории онтогенеза ещё со времён Л.С.Выготского. Здесь процесс развития обычно рассматривался как процесс формирования реальной формы действия под воздействием идеальной его формы. Идеальная форма действия предшествовала во времени самой реальной форме, задавала её и определяла весь ход онтогенеза. Открытие феномена внутренней формы (идеальной формы действия) предполагает придание нового смысла как самой идеальной форме, переосмыслив её и поняв не как внешний образец действия, а как внутренний способ её порождения, так и всему процессу развития: « ... мы приходим к парадоксальному для теории деятельности заключению о том, что реальная и идеальная формы в становлении предметного действия существуют одновременно. Действуя, человек самым этим актом обращается к другому – носителю идеи действия ... » [54, с.34].

Весьма характерным, по нашему мнению, является тот факт, что автор концепции «идеальной формы» Эльконин Б.Д., несмотря на придание им другого смысла понятию «идеальная форма», не склонен относиться к культурно-исторической концепции деятельности только критически, поскольку полагает необходимым понять роль внешнего действия как фактора происхождения его собственной внутренней формы: « ... Вместе с тем, на мой взгляд, было неправильно ограничиваться только критикой деятельностной концепции, недооценивая роли её ядерной интуиции – внешнего действия – именно в той ситуации развития, которую фиксировал и осмысливал Л.С.Выготский ... » [54, с.34].

9.28. Деятельность как творчество

Особый интерес в свете критики понятия деятельности и методологического кризиса психологии имеет соотношение деятельности и творчества. И здесь предметом критики, по видимому, должно быть, в основном, то понятие деятельности, которое теоретически разрабатывалось в леонтьевской школе,

поскольку само понимание предметности, принятое в этой школе, уже изначально закрывает возможность деятельности творить, т.е. порождать собственный предмет.

В этом смысле рубинштейновская концепция выгодно отличается от леонтьевской тем, что изначально признаёт творческой любую человеческую деятельность: « ... [деятельность. – В.А.] может быть только самостоятельной и хотя бы в минимальной степени творческой ... » [2, с.232]. Хотя с этой точкой зрения можно и не согласиться, поскольку реальная практика, в особенности практика образовательная, на наш взгляд, убедительно опровергает её.

Тем не менее, в рамках культурно-исторической концепции деятельности вопрос о её творческом характере в связи с проблемой развития в последнее время особо подчёркивается в психологии. При этом утверждается, что: « ... не всякое действие может стать посредником между человеком и миром, а лишь то, которое построено по форме творческого акта ... » [54, с.159].

9.29. Деятельность: способ функционирования и способ возникновения

Во многих психологических концепциях деятельности содержательное различие понятий «возникновение» и «функционирование», как правило, скрывается за термином «развитие», который далеко не всегда соответствует процессу качественного изменения деятельности.

В отличие от них, концепцией, в которой эти понятия чётко разведены, является концепция интеллектуальной деятельности Жана Пиаже. Как известно, Ж.Пиаже исходит из самодостаточности интеллектуальной деятельности в процессе своего функционирования: « ... интеллектуальная деятельность для своего функционирования не нуждается в каком-нибудь толчке, помимо того, который заключен внутри нее самой ... » [51, с.113].

Эта позиция зиждется на положении о генетически наследуемом способе функционирования, который в процессе своей реализации порождает интеллектуальные структуры: «... Пиаже утверждает, что позитивное, конструктивное нечто, которое мы получаем по наследству, состоит в способе функционирования

интеллекта. Мы не получаем по наследству познавательные структуры как таковые; они появляются на свет только в ходе развития. Но мы действительно получаем в наследство MODUS OPERANDI, тот особый способ, которым мы осуществляем наши взаимодействия с окружающей средой.

Указанный способ функционирования отличается двумя особенностями.

Во-первых, он порождает познавательные структуры. Структуры складываются в процессе функционирования интеллекта, и они могут сложиться только благодаря его функционированию. Во-вторых, - и это самый важный пункт - способ функционирования, который, как говорит Пиаже, составляет нашу биологическую наследственность, остается совершенно неизменным на протяжении всей жизни. Это значит, что основные свойства интеллектуальных функций всегда и всюду одни и те же, несмотря на огромное разнообразие порождаемых ими познавательных структур ... » [51, с.65].

Множество деятельностных концепций нашего времени тоже основываются на понимании деятельности как способа функционирования (способа воспроизводства, способа воспроизведения себя): « ... Субъектность человека проявляется в его деятельности, - особой активности, посредством которой человек воспроизводит себя, своё собственное бытие в мире ... » [35, с.8].

На основании такого понимания деятельности, соответственно, и человек как её субъект описывается как существо, воспроизводящее самого себя: « ... Это [сферы деятельности. - В.А.], во-первых, жизнь человека как воспроизводство его психофизической целостности, - иначе говоря, его жизнедеятельность. Во-вторых, воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов, - это так называемая предметная деятельность (или —«деятельность» в узком смысле слова). В-третьих, воспроизводство общности с другими людьми, - деятельность общения. И, наконец, в-четвертых — это воспроизводство себя как носителя сознания — деятельность *cogito* («Я мыслю», - самополагание в рефлексии) ... » [35, с.8].

Независимо от того, «широко» или «узко» понимается термин «деятельность», она объявляется содержанием человека-воспроизводящегося: «... «деятельность» здесь и в дальнейшем трактуется широко. Здесь и жизнедеятельность человека (вitalность), и его предметная деятельность, и деятельность общения и, наконец, - деятельность cogito, Объединяются эти различные виды активности человека под именем деятельность, в силу существенной общности их природы: все они ... имеют воспроизводящий характер, - как бы творят человека вновь, в каждом их особенных измерений его бытия в мире ... » [35, с.30].

И далее утверждается, что таким образом понимаемая деятельность будто бы соответствует наиболее распространённому о ней мнению: «... в этой обобщенной трактовке деятельности как воспроизводящей активности обыденные представления людей и воззрения теоретиков едины ... » [35, с.30].

Чтобы разрешить проблему свободного целеполагания, предлагается рассматривать деятельность не только как функционирующую, имеющую как бы одно измерение (синхронную), но также имеющую ещё и другое измерение и осуществляющуюся в двумерном – диахронном – пространстве. При этом синхронность связывается с предзаданным целеосуществлением, а диахронность – со свободным целеполаганием: «... Диахронный и синхронный аспекты рассмотрения деятельности, представленные процессами целеполагания и целео осуществления, равноправные, одинаково существенные определения деятельности ... » [35, с.58].

Нам представляется, что вводимое здесь различие генетического и функционального аспектов деятельности имеет важное методологическое значение для решения онтогенетической проблемы развития человека как субъекта трансцендирования. Смешивать и не различать эти аспекты, значит не признавать проблему развития как главную в деятельностной проблематике: «... На недопустимость смешения функционального (в наших терминах – «синхронического») и генетического («диахронического») аспектов анализа при исследовании деятельности справедливо указывали В.П.Зинченко и С.Д.Смирнов в связи с изложением взглядов Э.Г.Юдина ... » (35, с.73].

9.30. Действие как культуропотребление и как культуросозидание

В психологии деятельности (действия) феномены развития и творчества если и изначально не связаны, то часто обсуждаются и анализируются вместе, что даёт основание предположить их общую природу и их содержательную взаимосвязь.

Такая взаимосвязь хорошо просматривается при анализе процесса онтогенетического развития с позиций культурно-исторической концепции деятельности. Как известно, основной тезис Л.С.Выготского о культурном опосредовании человеческого поведения и происхождении высших психических функций предполагает культуру как необходимое средство такого развития.

Традиционно данное положение в применении его к реальному онтогенезу осуществлялось на основании интериоризации как единственно возможном механизме «присвоения» культурных значений и смыслов. Именно на этом присвоении значений слов и строил сам Л.С.Выготский собственное понимание культурного онтогенеза.

Но многолетние результаты обширной образовательной практики, а также внутренние противоречия в самой культурно-исторической психологии привели к необходимости пересмотра её основных положений с тем, чтобы отвечать современным задачам значительно изменившегося социума.

Один из вариантов переосмысления (а по нашему мнению, предложение нового содержания культурно-историзма) предполагает отказаться от ортодоксального понимания действия как культуропотребляющего (т.е. фактически присваивающего) и перейти на культуропорождающую модель действия: « ... необходимо окончательно расстаться с представлением о человеческом действии как форме (пусть и всеобщей) потребления культуры и попробовать представить его более полно – как культуросозидание ... » [54, с.117].

И хотя автор неустанно подчёркивает это переосмысление как соответствующее идеям культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, с нашей точки зрения, данная идея является новой и требует радикальной перестройки культурно-исторической психологии. Культуропорождение неизбежно свя-

зано с самостоятельным порождением знака (значения), что, по нашему мнению, противоречит основным идеям классической культурной психологии. Это, на наш взгляд, косвенно подтверждается и самим автором: « ... Все сказанное относится лишь к той ситуации, в которой знак и значение порождаются или воссоздаются, т.е. к культуросозидающему, а не культуропотребительному действию ... » [54, с.41], история становления которого как самостоятельного исследователя, прошедшая в непосредственной среде культуро-историзма, всё-таки не позволяет ему в явной форме отличить собственные идеи от идей Л.С.Выготского.

Интерпретация другого автора, проводимая также в рамках культурно-исторической традиции, приводит к иным выводам. Справедливо связывая творчество с культуропорождением и субъектной детерминацией действия, автор делает, на наш взгляд, спорный (или очевидный, как посмотреть) вывод о соотношении психологического понятия «деятельность» исключительно с репродуктивными (культуропотребляющими) процессами: « ... Но само определение творчества как создания чего-то принципиально нового, как индивидуального вклада в культуру предполагает преимущественную детерминацию этого процесса со стороны субъекта. Отсюда снова нетрудно сделать вывод о изначальной направленности психологического понятия деятельности на описание и изучение репродуктивных, а не подлинно продуктивных процессов ... » [47, с.7].

В дальнейшем такая трактовка деятельности приводит автора к убеждению в необходимости отказа от категории деятельности к более предпочтительной, по его мнению, категории личности, поскольку деятельность будто бы исчерпала свои эвристические возможности в моделировании таких существенных характеристик человека, как способность к творчеству, свобода и самодетерминация.

9.31. Деятельность как способ воссоздания логики предмета

Как известно, деятельность (предметную деятельность) в психологии разные психологи понимают по-разному, и поэтому по-разному понимается и оценивается её значение и роль в че-

ловеческом существовании. На наш взгляд, понимание деятельности как способа воспроизводства логики своего предмета наиболее соответствует её исходному значению, которое придаётся ей как философской категории в концепции К.Маркса.

Именно в таком смысле и понимается предметная деятельность в культурно-исторической концепции деятельности, но только с небольшими оговорками. Предметная детерминация, исходно понимаемая в психологии как детерминация внешним предметом объективного мира, становится основой практического исключения фактора субъектной детерминации: « ... В психологической теории деятельности А.Н.Леонтьева на первый план выдвигается предметная деятельность, состоящая в способности субъекта воспроизводить в деятельности логику предмета, подчинять ей деятельность. Примат предметной детерминации деятельности над её детерминацией со стороны субъекта кладётся в основание любой материалистической интерпретации деятельности [Юдин Э.Г., 1978], а именно в такой интерпретации понятие деятельности использовалось в отечественной психологии и именно в её контексте создавался весь понятийный аппарат теории деятельности ... » [47, с.7].

Но и сама предметная детерминация понимается по-разному. С одной стороны, распространённой интерпретацией предметности, как мы уже отмечали, является детерминация способом функционирования предмета в условиях человеческой деятельности, с другой – логикой происхождения этого же предмета: « ... Своеобразие учебной деятельности состоит в том, что в процессе ее осуществления школьник усваивает теоретические знания. Их содержанием является происхождение, становление и развитие какого-либо предмета ... » [17, с.37].

Различные подходы приводят к различным результатам. В первом случае осваивается конкретное (эмпирическое) знание, во втором – теоретическое.

Интересным, в этой связи, но не реализованным ни в теоретической, ни тем более в практической психологии, является положение о двойной детерминации деятельности. Нам представляется, что разработка этого положения имеет хорошие перспективы в решении проблемы деятельности как психологического понятия: « ... Э.Г.Юдин подчеркивает, что марксизм отка-

зался от принципа однозначной детерминации и положил в основу понимания деятельности тезис о её двойной детерминации (логикой предмета деятельности и собственной, внутренней логикой) ... » [44, с.75].

Термин «логика предмета» как детерминирующий фактор деятельности подчёркивает универсальность деятельности, поскольку позволяет говорить о её способности воспроизводить любую иную логику, а не логику собственного организма (как это имеет место у животных): « ... Вслед за П.Я.Гальпериным (1980) можно назвать образцы действий, исторически «заложенные» в человеческий предмет, «логикой предмета» (П.Я.Гальперин говорил о «логике орудия») и утверждать, что деятельность воссоздает именно заданную логику предмета, а не данную и наличную «логику органа», в чём состоит её уникальность и всеобщность (Давыдов,1976) ... » [54, с.31].

9.32. Деятельность как рефлексивная категория

Теперь уже можно с уверенностью утверждать, что психологическое понятие «деятельность» складывалось без учёта рефлексивного содержания её собственного порождающего начала – философской категории «предметная деятельность». Будучи в какой-то степени производной от философской категории, деятельность как психологическое понятие унаследовала только объектность философской категории, её субъект-объектный вектор.

Другой вектор, составляющий с объектным неразрывное и единое целое, субъектный (рефлексивный), в исторических битвах за «чистоту марксизма» и «торжество материализма» был из психологического содержания утерян.

Но, тем не менее, на фоне разворачивающейся и усиливающейся современной критики понятия «деятельность», а вместе с тем и марксистской категории «предметная деятельность» и марксизма как философской концепции в целом, в рамках культурно-исторической концепции психики и культурно-исторической концепции деятельности создаются деятельностные концепции, на первый взгляд противоречащие их исходному содержанию.

Именно к таким относится, по нашему мнению, концепция идеальной формы. Её основным положением является положе-

ние об исходной рефлексивности действия: « ... необходимым моментом совершения действия является то, что его объектом оказывается не только внешний мир, но и сам действующий. ... действие является не только всеобщим способом устройства мира, не только всеобщим способом созидания формы этого устройства – культуры, но и всеобщим способом и посредником обращения мира и культуры на самого действующего и, тем самым, способом проявления его самоощущения – необходимого условия существования в мире ... » [54, с.157].

Эта концепция утверждает новые принципы, не характерные для прежних психологических концепций деятельности: « ... действие претерпевается действующим, т.е. действует на само «строение» действующего, а не только на «внешний мир» и свой непосредственный объект в нём ... » [54, с.155].

Особенность возникновения таких концепций заключается в том, что хотя в них и указывается на культурно-исторический подход как на собственное начало, нам представляется всё же, что обоснованность этой ссылки достаточно сомнительна. Построенная на идее происхождения внутреннего из внешнего, культурно-историческая концепция не несёт в себе рефлексивности как способа существования и становления человека. Если и имеет место рефлексивность, так как средство обеспечения интериоризации, а не порождения значений и смыслов. А это уже совсем другое дело.

Последовательно проводимая линия на рефлексивное содержание деятельности неизбежно выходит, с одной стороны, на историческую ограниченность любого конечного способа деятельности, с другой стороны, на универсальное содержание любой деятельности: « ... Сама критическая рефлексия наличных форм деятельности возможна лишь потому, что любой исторически организованный вид деятельности содержит в себе наряду со своими особыми свойствами и всеобщие определения деятельности ... » [50, с.19]. *Только в том случае возможна порождающая рефлексия, когда имеется возможность устанавливать отношение деятельности самой с собой как конечной и бесконечной форм.*

Поэтому задача онтогенеза и заключается в том, чтобы в конкретных способах деятельности обнаружить всеобщий спо-

соб их происхождения, уметь его осуществлять в любых конкретных условиях. Это и есть всеобщая форма порождающей рефлексии, но это невозможно осуществить в условиях субъект-объектных отношений: « ... задача в том и состоит, чтобы в исторически ограниченных способах деятельности обнаружить их же всеобщие определения и через соотнесение с ними критически оценить наличный способ деятельности. Всё это недоступно научному знанию самому по себе ... » [50, с.19].

Таким образом, переход к деятельности как к внутренне рефлексивной категории возможен только как системный и парадигмальный переход. Нужна новая парадигма онтогенеза, основанного на порождающей рефлексии в отсутствии образов усвоения.

ВЫВОДЫ

Анализ истории развития отечественной деятельностной психологии – это, фактически, анализ неудачных попыток до конца преодолеть стимульно-реактивную схему поведения. Все модели деятельности и все концепции деятельности были призваны преодолеть эту схему, но ни одна из них этого до конца так и не сделала.

Этот факт является, с нашей точки зрения, главным содержанием современного методологического кризиса психологии, не только деятельностной, но и всей марксистской психологии. Он связан с изначально неадекватной психологической трактовкой марксистской категории «предметная деятельность». Именно настоящая изначальная методологическая неадекватность породила обоснованное сомнение современных психологов в эвристических возможностях деятельностного подхода в целом.

Но причина методологического кризиса марксистской (деятельностной) психологии заключается не в философском содержании категории «предметная деятельность», а в методах, которые были применены при конструировании психологического понятия «деятельность». Это выражается, прежде всего, в обширном использовании эмпиризма в теоретическом моделировании, который выразился в попытке вывести предметную деятельность из нескольких аналогичных друг другу категорий: поведения, активности, рефлексии, реакции и пр.

Почему так произошло именно в то время, когда фактически К.Марксом уже была сформулирована философская категория «предметная деятельность», являющаяся сердцевиной его философии? В то время как категория «предметная деятельность» является главной категорией материалистической диалектики? На этот вопрос когда-нибудь ответят историки.

Но факт остаётся фактом: причиной методологического кризиса деятельностной психологии является несоответствие психологического содержания понятия «деятельность» философскому содержанию категории «предметная деятельность».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Брушлинский А.В. Главное – это взаимодействие человека с миром // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
3. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
4. Выготский Л.С. СС. Мышление и речь. М., 1982. т.2.
5. Выготский Л.С. СС. Орудие и знак в развитии ребенка. М., 1984. т.6.
6. Выготский Л.С. СС. Орудие и знак в развитии ребёнка. М.,
7. Габай. Т.В. Учебная деятельность и ее средства. М., 1988.
8. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
9. Гальперин П.Я. Метод «срезов» и метод поэтапного формирования в исследованиях детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4.
10. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985.
11. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Сб. Психологическая наука в СССР. М., 1959. т.1. с.441-469.
12. Гальперин П.Я. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
13. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
14. Гегель. Система наук // Феноменология духа. М., 1959. ч.1.
15. Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н.Леонтьева) // Вопросы психологии. 1997. №5.
16. Давыдов В.В. О месте категории деятельности в современной теоретической психологии // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
17. Давыдов В.В. Состояние и проблемы исследований учебной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
18. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. М., 1986. т.1.
19. Запорожец А.В. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
20. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
21. Коссаковский А., Ломпшер И. О концепции деятельности в педагогической психологии // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
22. Коул Майкл. Культурно- историческая психология. М., 1997.
23. Краткий психологический словарь-хрестоматия / Под ред. Платонова К.К. М., 1974.

24. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1975.
25. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1979.
26. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.,1983. т.2.
27. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии, 1972.№ 9.
28. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (15.11; 28.11; 05.12.1969г.) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
29. Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М.,1986.
30. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.,1984.
31. Маркс К., Фридрих Э. Избранные сочинения. М.,1985. т.2.
32. Менчинская Н.А. Проблема учения и умственного развития школьника. М.,1989.
33. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М.,1981.
34. Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А.. М.,1981.
35. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону,1996.
36. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. М.,1996.
37. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.,1997.
38. Психологический словарь / Ред. коллегия: В.В.Давыдов и др. М.,1983.
39. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1940.
40. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.1.
41. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1989. т.2.
42. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.,1959.
43. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
44. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.,1988.
45. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
46. Словарь // Психология / Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.,1990.
47. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.,1995.
48. Стеценко А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика «извне» и критика «изнутри») // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
49. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси.,1961.
50. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В.Давыдова М.,1981.
51. Флейвелл Джон Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.,1967.
52. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В.Давыдова, И.Ломпшера, А.К.Марковой. М.,1982.
53. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.,1982.

54. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С.Выготского). М.,1994.
55. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.,1989.
56. Эльконин Д.Б. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Философский марксизм как основа психологии деятельности.
2. Деятельность как психологическая проблема.
3. Деятельность как предмет психологии.
4. Деятельность как базовое понятие психологии.
5. Деятельность и социальная природа человека.
6. Единство сознания и деятельности.
7. Предметная деятельность и психическая деятельность.
8. Деятельность и общение.
9. Деятельность как воздействие.
10. Действие как культуропотребление.
11. Действие как культуропорождение.
12. Предметная деятельность как рефлексивная категория.

Валентин Васильевич Агеев

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (история, проблемы, перспективы)

Подписано в печать 12.03.2004 г. Печать .RISO.

Формат изд. 60ж84/16

Бумага «Снегурочка». Объем 17,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Подготовка издания к печати ОО «Школа XXI века»

При поддержке программы Фонда Сорос-Казахстан

«Мобильные консультанты»

г.Алматы, ул. Чокана Валиханова, 115. Тел. 61-19-38, 61-47-61